

[Polaris]

ЧЕРТОВА

ДЮЖИНА

Русский оккультный роман

Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССР

Salamandra P.V.V.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Роман тринадцати авторов

Русский оккультный роман

Том VII

Salamandra P.V.V.

Чертова дюжина: Роман тринадцати авторов (Русский оккультный роман. Том VII). Комментарии С. Шаргородского. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 65 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССЦИ. Факсимильное изд.).

Коллективный оккультно-фантастический роман «Чертова дюжина», печатавшийся в 1918 г. на страницах газеты «Петроградский голос», обещал стать одним из самых ярких событий в истории русского романа-буримы — тем более, что первые главы были написаны А. Амфитеатовым и Ф. Сологубом.

Своими главами успели поделиться с читателями также В. Немирович-Данченко, П. Гнедич, И. Потапенко и А. Зарин. Однако в начале августа 1918 г. газета в числе других неудобных властям изданий была навсегда закрыта, а «чертову дюжину» авторов разметала судьба...

Сохранившийся текст публикуется в факсимильном виде по сканам, выполненным Российской национальной библиотекой.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Роман тринадцати авторов

РОМАН ТРИНАДЦАТИ!

— Роман тринадцати?

— Да, тринадцать авторов, известных, порядком условившись, конечно, так, чтобы это ничуть не стесняло свободного проявления каждого, разработают общий замысел увлекательного и содержательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседании циксовдепа и т. д. Читатель в массе устал от всего этого и свою волю к просто живой, интересной и литературной книге он явственно выражает тем, что раскупает эту спокойную книгу дотла в магазинах, расхватывает Пушкина, где только можно, и письмами в редакцию заявляет, что хотел бы перевести дыхание от набившей оскомину политики и «впечатлений крови и убийства».

— Значит, это даже не будет роман сегодняшнего дня?

— Если вы собираетесь найти в нем Распутина, Сухомлинова, полковника Полковникова и взятие Зимнего дворца — несомненно, этого вы не найдете. Лубочных сказаний обо всем этом слишком достаточно, для художественной трактовки этого час еще не приспел. Это очень соблазнительный эпилог какой угодно эпопеи, но, может быть, даже последняя глава нашего романа обойдется без этого...

— Роман, конечно, юмористический?

— Отнюдь нет. Мы, напротив, надеемся, что даже писатели юмористического уклона дадут реальные страницы. Талант — нечто гибкое и разнообразное. А, впрочем, разве забавное не врезается в драматизм жизни и наоборот? Вообще, мы хотели бы всего менее стеснять кого-либо.

— Вы не боитесь, «что скажут» уставщики кавык и строчных препинаний?

— О, мы, конечно, вперед знаем, что они скажут. Но мы думаем, что это значит окаменить, омертвить жизнь, если изъять из нее вольную шутку, веселую шалость, остроумный анекдот. Тринадцать авторов не создадут вторую «Анну Каренину», но, вероятно, напишут живой и увлекательный роман. Заграница в этом смысле несравненно свободнее, и критики там не такие prudens.

— Там бывали подобные опыты?

— Лет восемь назад в Берлине имел огромный успех «Роман 12-ти». Увлекательную шалость исполнили 12 известных немецких писателей, в числе которых были Герман Бар, Бирбаум, Эрнст, Голлиндер, Вольцоген, хорошо известный у нас Эверс и т. д. Никто из них не считал этого ниже своего достоинства. Писали они, не подписывая своих глав. Издательством был объявлен конкурс на премии читателям, угадавшим авторов. Число верных ответов определяло популярность каждого и знакомство публики с его манерой. Так как все они очень мало думали о том, что о них скажут, то они сошлись на общей шалости: каждый из них маскировал себя чужой манерой, как если бы, к примеру, у нас А. В. Амфитеатров постарался поймать стиль Ф. К. Сологуба, а Сологуб — стиль Амфитеатрова. В итоге получился ряд занимательных глав, где многие из писателей обнаружили не подозревавшийся у них ранее талант пародии. В наш замысел это не входит и у нас читатель найдет подписи авторов под каждой главой, так как мы ставим центр тяжести в читательском интересе, а не в испытании писательской ловкости.

— Россия не имеет таких прецедентов?

— Увы! Под солнцем нет ничего нового. В 1848 г. «Современнику» понаобился роман. Некрасов предложил, чтобы каждый из трех близких редакции людей — он, жена Панаева и Гаевский — написал по главе. Чья вышла бы лучше для завязки, та и легла бы в основу коллективного романа. Глава Панаева о подкинутом младенце подошла более всех. Так начали писание, и оригинал сдавали в типографию, не зная, что будет дальше. Но писалось легко, за продолжение не боялись. Некрасов дал роману название «Три страны света», предрешив, что герой будет странствовать. Раскрытая рукопись лежала на конторке в редакции, — кто хотел, тот вписывал новую страницу. Легенда говорит, что в «Трех странах» есть тургеневские места. Две главы написаны, по просьбе Некрасова, Ипполитом Панаевым. За роман очень боялись и, однако, он имел самый бесспорный успех, отлично читался и выдержал отдельно несколько изданий.

— С тех пор опыт не повторялся?

— Он был повторен в начале войны при участии многих из тех авторов, что пройдут и в «Романе 13-ти». Коллективный роман был напечатан в «Синем журнале» и объединил А. И. Куприна, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. И. Ясинского, А. П. Каменского, Тэффи и др. Он вызвал общий интерес, но не удержался на высоте его, выйдя из ошибочной мысли, что такое произведение есть игра писателей, победа трудностей, какие предшественник почти намеренно ставил своему преемнику, чтобы полюбоваться, как он «выкрутится». Нам придется взять некоторый урок от прежних ошибок, и, вероятно, мы более правы уже просто потому, что ставим на первое место не турнир писателей, а живой интерес читателя.

А. Измайлов

Петроградский голос. 1918. № 73, 4 мая (21 апреля).

Въ близкомъ времени въ „Петроградскомъ Голосѣ“ будетъ
ежедневно печататься

„РОМАНЪ ТРИНАДЦАТИ“,

коллективное произведеніе тринадцати авторовъ, въ числѣ кото-
рыхъ изъявили согласіе быть А. В. АМФИТЕАТРОВЪ, А. Т.
АВЕРЧЕНКО, А. И. КУПРИНЪ, В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО,
П. П. ГНѢДИЧЪ, И. Н. ПОТАПЕНКО, О. К. СОЛОГУБЪ, А. Е.
ЗАРИНЪ, В. О. БОЦЯНОВСКІЙ и А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, Н. П. Гудяча, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. С. Бондиновскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

I.

«СУЩЕСТВО».

— Сколько разъ я ни спорила съ вами, мосье Лемэмъ, ваша neumolimая логика всегда торжесивовала надо мною. Вотъ и теперь всѣ мои бѣдные доводы разбиты въ пухъ и прахъ и загнаны въ тушкѣ. Но, какъ побѣжденная, я отхожу отъ васъ, такъ и прежде, все съ тѣмъ же твердымъ ознаніемъ: говорить, какъ вы, можетъ только существо, которое никого не любитъ и ничего не уважаетъ...

Тотъ, къ кому прекрасная улыбающаяся дѣвушка обратила эту театральню высокопарную рѣчь, тонко улыбающій внимательными ясными глазами, не сокративъ ни одного мускула на лицѣ своемъ, — удивительнымъ лицѣ-маскѣ, о которомъ столько спорили въ Петроградѣ, очень ли ужъ красиво оно или, напротивъ, очень противно, и съ изъяснкой, ласковой ироніей, возразила:

— Существо?! Нидія Евстафьевна, кажется, уже не удостаиваетъ меня имени человека?

Голосъ «существа» былъ тихъ, мягокъ, но густымъ тембромъ давалъ понять, что въ этой широкой груди, какъ въ многотрубномъ органѣ, таится возможность неистощимо могучаго звука. Русскія слова «существо» произносило правильно и четко, но съ особымъ акцентомъ, который, однако, не определялъ въ говорившемъ ни нѣнца, ни еврея, ни поляка, ни француза или итальянца, ни англичанина, ни финна, ни восточнаго человека. Слышно, что говорить по-русски не русскій, но отлично знающій языкъ иностранецъ, а какой именно — это сто разбереть?

Барышня, на возраженіе «существа»,

изумленно вскинула расширенные внезапно смущеніемъ глаза и обилась румянцемъ, что сдѣлало ее очень хорошенькою.

— Что такое? — сконфуженно прошептала она. — Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, такъ... отягчилась?... Ай-ай-ай! Мосье Лемэмъ...

Но тутъ, — подъ наглоподающимъ и насколько не сордиднымъ, а, напротивъ, весело смѣющимся взоромъ собесѣдника, ее, что называется, прорвало смѣхомъ. И, вмѣсто начатата мелочаго извиненія, она защебетала, въ перебивку словъ съ звоющимъ хотѣньемъ:

— А, впрочемъ, мосье Лемэмъ, что же обиднаго въ «существо»? Вѣдь это только Максимъ Горькій пальститъ, будто «человѣкъ» звучитъ гордо... Не прошло и недѣли, вы прочитали намъ чудесный рефератъ о древнихъ плостикахъ. Сегодня вы очень поэтически посвятили насъ въ тайны безконечныхъ міровъ, населенныхъ существами, высшими человека... Дать имъ названіе человека значило бы не «удостоить», но унижить, — не правда ли?... Зачѣмъ же вы такъ мало самолюбивы — не хотите принять, что я причисляю васъ именно къ такимъ возвышеннымъ существамъ?

— Изъ любви къ точности, — усмѣхнулась мосье Лемэмъ, — опять только голосомъ, да глазами.

— То есть?

— Если вы вспомните мой рефератъ, существа эти занимаютъ въ мировомъ пространствѣ два полюса бытія: прямо противоположны одинъ другому и окрашены въ два противоположные цвѣта. Такъ, вотъ, разъ ужъ вамъ угодно, чтобы я была «существомъ», то позвольте хоть осведомиться: на какомъ я полюсѣ и какого цвѣта?

— Мосье Лемэмъ! — вскрикнула барышня и, въ веселомъ ужасѣ, всплеснула руками. — Теперь уже вы обижаете меня! Не успели я представиться вамъ такой впечатлительной и безвкусной? Неужели вы могли хоть на секунду предположить, что я оскорблѣна васъ, заподозривъ въ васъ ангела? Это скучное былое созданіе съ крыльями изъ гусиныхъ перьевъ, которое въ операхъ изображаютъ толстыя пѣвицы, съ тройными подбородками, вытягивая папихидными алтами правоучительную канитель? Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мосье Лемэмъ! Я опытная физиономистка и дерзнула угадать много факцій по психологіи. Я слишкомъ хорошо вижу, что вы — «тотъ, которому внимала»...

— Это очень лестно слышать, — съ прежнею усмѣшкою, лишь чувствуемою, а не видимою, поклонился Лемэмъ. — Но въ вашей аттестаціи меня огорчаетъ прошедшее время. Зачѣмъ — «внимала»? Обрадуйте, скажите: «Внимаю» или хотя бы даже «Буду внимать»...

— А?! — разсмѣялась дѣвушка, еще веселѣе заправъ бойкими карими глазами и ямочками на розовыхъ щекахъ. — Лукаство, мосье Лемэмъ, коварное лукавство, достойное злого духа изъѣбы и лжи! Нидія Лентовская не настолько наивна, чтобы принять на свой счетъ слова, адресованныя Юстинѣ... И — берегитесь: въ качествѣ любящей сестры Нидія очень и очень способна наобедничать, что нашъ идеальный демонъ умѣетъ нѣтъ также изъ Донъ-Жуана, а потому вѣрить ему не слѣдуетъ... Однако, cher maître, я безстыдно похитила васъ у общества. Чувствую, что негодующими взглядами вашихъ поклонницъ я уже оскорбляю, какъ... какъ наперестать!.. Оторвемся же отъ этого окна, откуда къ тому же чудовищно дуетъ, и возвратимъ себя восторженному человечеству...

— Которое приближается къ вамъ въ лицѣ поручика Беренникова, — съ любезнѣйшей ироніей указалъ мосье Лемэмъ легкимъ склоненіемъ головы.

Барышня вдругъ сразу потеряла всю свою веселость и сдѣлалась очень серьезной. Подосѣдшаго офицера, — малорослаго молодого человека очень пріятной наружности, только ужъ слишкомъ круглолицаго,

круглолицаго и краснорѣчяго, она встретила взглядомъ не то что неудовольствіемъ, недоумѣніемъ, словно юноша этотъ представалъ ей неожиданно и не совсемъ-то кстати. Однако, съ молчаливой покорностью, приняла предложеніе, ей офицерикомъ руку и отошла, преслѣдуемая уже нескрывавемо глумливымъ взглядомъ Лемэма.

Нѣсколько шаговъ молодая пара сдѣлала молча и въ престранномъ состояніи. Молодые люди эти были родня и любили другъ друга. Но сейчасъ ихъ вдругъ охватила взаимная досада, съ очень ошутительнымъ, но совершенно безпричиннымъ и непонятнымъ чувствомъ, будто оба они — и она, и онъ — дѣлаютъ сейчасъ не то, что слѣдуетъ и на что есть ихъ воля, но что-то, совсемъ чуждое желаніямъ обоихъ, зависящее отъ кого-то посторонняго и чуть не автоматическое. Только выйдя за двери, въ сосѣднемъ залѣ Нидія, какъ бы сбросивъ съ себя грузъ нѣмой, внезапно свалившейся заботы, встрепенулась съ прежнею живостью и заговорила съ досадою:

— Что это значить, Алеша? Зачѣмъ вы подошли? Вѣдь мы же условились... Я чудесно отдѣлывалась этого противнѣйшаго шарлатана и, если бы вы не помѣшали, онъ у меня сегодня непременно какъ-нибудь смѣшно плеленулся бы...

Офицеръ-круглолазъ уже совсемъ превратилъ очи свои въ удивленные голубые оники:

— Помните, Нидя! — почти возопилъ онъ. — Вы же сами меня позвали?!

— Я?!

Нидія даже руку свою выдернула изъ-подъ локтя его: до того изумилась...

— Конечно, вы. Развѣ я подошелъ бы иначе? Я очень удивился, когда вы меня окликнули. Что такое? Сама же просила держаться сегодня отъ нея подальше, чтобы въ волю подукать Лемэмку...

— Алеша, вы съ ума сошли, у васъ слуховыя галлюцинаціи! Я и не воображала звать васъ!

— Ну, вотъ еще! Разскажите! Не я одинъ, — всѣ слышали. Марья Евстафьевна даже сдѣлала недовольное лицо... И, къ самомъ дѣлѣ, Нидія: что за манера — перекрикиваться изъ комнаты въ комнату? Благо-

вѣстная дѣвица, генеральская дочь, а ведетъ себя, какъ гимназистъ, бушующій въ большую перемѣну...

— Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ! — вскрикнула Нидія, вся красная отъ гнѣва. — Мало, что онъ позволяетъ себѣ мнѣ выговоры читать, — да еще за такую небывлицу!.. Богъ знаетъ, что выдумаете!.. Въ голову мнѣ не приходило звать васъ!..

— Нидія Евстафьевна! Нидія Евстафьевна!

Но она уже убѣжала, оставивъ его въ растерянности...

— Что у васъ тутъ съ сестрой? — спросительно спросила, проплывая мимо важною плетшею лебедью, только зеленаго цвѣта, красивая, полная дама, хозяйка дома, Марья Евстафьевна Верхоплавецова. На диво выкорюченная, выхоленная, темнокрая, бѣлорукая госпожа, глядя на которую, рѣшительно каждый новый знакомый художникъ, — а ихъ у Верхоплавецовъ было не мало, — озарялся, въ первую гоноу, соблазнительной идеей:

— Вотъ бы съ кого написать жену Пентефрія!

Беренниковъ разсказалъ. Госпожа Верхоплавецова чуть повела пышными плечами своими.

— Нидія, по обыкновенію, капризничаетъ... Странно отрицать, когда мы всѣ слышали...

И поплыла дальше.

— Да, я тоже слышала, — подтвердила, подходя къ Беренникову, высокая, стройная дѣвушка, блондинка и похожая на Нидію, такъ что всякій, по первому взгляду, сказалъ бы: сестра! — и удаленная отъ нея чуждостью выраженія, точно созданіе совсемъ другой человѣческой породы. Самая свѣтловолосая изъ трехъ сестеръ она, пожалуй, была и красивѣйшая, но изяществу воздушной фигуры, по тонкой правильности чертъ, на рѣдкость одухотвореннаго, почти экстагическаго лица. Но блѣдна она была до какого-то, даже какъ бы палеваго оттенка. А глубоко внавшіе, широко обведенные синевато-сѣрыя глаза скрывали въ себѣ, — влюбленный сказалъ бы: загадку, — мистикъ: общеніе съ нечеловѣческимъ; — психіатръ: угрозу сумасшествія... Голубоватый, въ блѣсткахъ, лиловъ и золотой обручъ пре-

ческой прическѣ очень или нѣ этой дѣвицѣ, придавая ей видъ пнои, только что сошедшей съ треножника, въ совершенномъ источеніи отъ пророчества.

— Ну, вотъ видите! Даже вы, Юстина! — обрадовался Беренниковъ. — Я не понималъ Нидію... вдругъ заспорилъ, какъ дитя... странный капризъ!

— Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ не знала васъ? — возразила Юстина, чуть подумавъ. Голосъ ея былъ слабый, волнующе-звенящій, — тотъ самый, который горестно оплакивалъ король Лиръ въ умершей Корделіи.

Беренниковъ усталъ на нее опираться.

— То есть... какъ же это, если вы говорите, — сами слышали?

Дѣвушка устало опустила на диванъ и равнодушно объяснила:

— Какая-нибудь шутка мосье Лемэмъ... Вѣроятно, сестра Нидія надѣла ему своей болтовней, и, чтобы отъ нея отдѣлаться, онъ позвалъ васъ ея голосомъ...

— Да что онъ, всаъ Лемэмъ, чревоушатель, что ли?!

— Зачѣмъ чревоушатель? возразила Юстина тономъ спокойнаго превосходства, — это ямарочное шарлатанство... Лемэмъ въ немъ не нуждается... Онъ, просто, приказалъ позвать — и васъ позвали...

— Кому приказать? Кто позвалъ?

Юстина отвѣтила неопредѣленнымъ движеніемъ головы, сверкнувшей золотымъ обручемъ.

— Что я знаю? Спрашивайте его...

— Да и спрошу! — обозлился и вспыхнулъ офицеръ, — и если, въ самомъ дѣлѣ, онъ позволилъ себѣ тутъ фокусъ какой-нибудь, то... Этакій избалованный нахаль! Но не на такового напалъ. Я до маговъ и волшебниковъ не охотникъ и предметомъ для пошлыхъ шутокъ дѣлать себя не позволю...

— Что же вы его — ба дуэль, что ли, вызовете? — устало бросила Юстина валый вопросъ, прозвучавшій недовѣріемъ, почти презрительнымъ.

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гудьича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Боцановскаго, А. С. Грана, А. А. Измайлова и др.

II. ЮСТИНА.

Беренниковъ пересталъ киняться, но — возразилъ, надутый, рѣзкій:

— Для того, чтобы вызывать человека на дуэль, надо прежде всего знать, дуэльно-любенъ ли онъ... Это вы, Юстина, съ Марьей Евстафьевной и со всеми этими, — показавъ неопредѣленнымъ движениемъ руки на группу гостей, съ преобладаньемъ дамъ, среди которой красовался стройный, изящный, изуморизненный Лемэмъ, что-то повѣствуя съ мѣрыми плавными жестами, пріятно обрисовывая съ недвижной маской мертвенно блѣднато лица вѣжливыми пропическими глазами... Это вы, петроградскія барышни и барыни, не можете существовать, не сжигая, и возвели Лемэмку въ полубога казого-то. А для меня вы, Лемэмъ, — просто — профессоръ бѣлой и черной магии... Теперь, когда Петроградъ помѣшался на оккультизмѣ, теософш, медиумизмѣ, пророкахъ, ясновидящихъ, юродивыхъ, простецахъ, — мало ли подобныхъ вприрушъ развелось по салонамъ...

— Подобныхъ Лемэмку? переспросила Юстина уже совсемъ насмѣшливо. — Вы находите, что много?

— Извольте, судамъ справедливость: онъ ловче другихъ, человекъ, видимо, свѣтскій, кивалъ, идѣ-то когда-то въ хорошемъ обществѣ и привыченъ къ нему. Но это не выпадаетъ ему оставаться таинственнымъ незнакомцемъ. Второй годъ онъ блистаетъ въ Петроградѣ, а кто что знаетъ о немъ, крокъ того, что есть на свѣтѣ такой милый, ласковый, учтивый, чертовски обязательный, мосье Лемэмъ, который занимаетъ очень хороший номеръ въ Европейской гостиницѣ, и котораго чрезвычайно трудно застать дома. Даже телефонница какой онъ националь-

— Фамилія французская, — небрежно замѣтила Юстина.

— Да какая же это фамилія? Лемэмъ — le même — тотъ самый. Это не фамилія, а кличка. Очевидный псевдонимъ. Да онъ и не скрываетъ. Помните, — на прошлой недѣлѣ, послѣ реферата своего, самъ призналъ, что мосье Лемэмъ онъ только для Франціи и Россіи, а въ Италіи онъ синьоръ Ло Стессо или Иль Медезимо, въ Испаніи Эль Меамо, въ Германіи херръ Дерзельбе, въ Англіи — мистеръ The Same...

— Ну, это шутка, — протянула Юстина недовольно. Николай Никаноровичъ видѣлъ его бумаги... Онъ настоящий Лемэмъ.

— Много понимаетъ этотъ Пентефрій...

— Алеша! Что это?!...

— Извиняюсь, Юстиночка, извиняюсь...

— Теперь — «извиняюсь»... Фд, Алеша!.. Казарма!..

— Ну, извините... Согласитесь, однако, что почтеннѣйшій шуринъ вашъ, бояринъ Николай свѣтъ Никаноровичъ Верхонлавецъ, хотя и достигъ царскою милостію и долготерпѣніемъ народнымъ чиновъ высокихъ, но...

— Алеша!!!

— Алеша предпочелъ бы, чтобы бумаги мосье Лемэма просмотрѣла боярыня Верхонлавецова, ваша сестрица, а моя уважаемая кузина, Марья Евстафьевна... А, впрочемъ...

Офицеръ вдругъ развеселился, какъ мальчишъ, покраснѣлъ, захохоталъ:

— Если онъ настоящий Лемэмъ, тѣмъ хуже...

— Почему?! — недоумѣло возрилась на него Юстина, высоко поднимая тонкія темпо-золотыя брови по мраморному лбу.

— Потому, — продолжалъ хохотать Беренниковъ, — что... вы помните, какъ Тургеневъ, въ дѣтствѣ, изъяснилъ себѣ церковный возгласъ — «вонмемъ»?

— Нѣтъ, забыла...

— Мальчишъ вообразилъ, будто это священникъ гонитъ вонъ изъ церкви дьявола... Ха-ха-ха! Понимаете?.. Будто Мемъ — имя чорта... Вонмемъ — пошелъ вонъ Мемъ!... Ха-ха-ха!.. Будь я на мѣстѣ Марьи Евстафьевны, я давно бы обратилъ этотъ возгласъ къ нашему собственному Мему...

Юстина встала съ дивана рѣзкимъ движениемъ, угрюмая, разстроенная...

— А на вашемъ собственномъ мѣстѣ, — сурово прервала она, — я очень совѣтовала бы вамъ, Алеша, не затѣвать съ мосье Лемэмъ ненужныхъ объясненій и исторій...

— Понятно, что въ вашемъ домѣ я...

— Нѣтъ, не въ нашемъ домѣ, а вообще: нигдѣ... Онъ вамъ не подъ силу...

— Ну, ужъ это позвольте мнѣ знать! — протестовалъ офицеръ.

Но Юстина строго остановила его.

— Я не такая страстная любительница оперы, — сказала она, — какъ моя сестра Нидія, которая способна говорить оперными цитатами по цѣлымъ днямъ. Но, милый Алеша, позвольте вамъ напомнить сцену изъ «Фауста», когда на гнѣвный окрикъ Валентина, Мефистофель отвѣчаетъ хладнокровно: «Потите, милый другъ! Вѣдь я знаю хорошо и мортъ бы вамъ сказать, кто будетъ вашъ убійца!»...

— Батюшки, какъ странно! Юстина! Да выкажетъ вы своего Лемэма и въ самомъ дѣлѣ кѣмъ-то вродѣ тургеневскаго Мема считаете?!...

— Кѣмъ бы я его ни считала, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы относились къ нему серьезнѣе...

— Да вамъ-то что?!

— То, что я люблю сестру Нидію, а она любитъ васъ, и, если съ вами случится какое-либо несчастіе, то это будетъ нашимъ общимъ горемъ...

— Спасибо... тронуть... Но... почему же вы думаете, что со мною должно приключиться несчастіе?

— Потому что вы возстанете противъ Лемэма...

— Опять мефистофельщина! Ахъ, ты, Господи!.. Позвольте! Но, вѣдь, Нидія со мною одного мнѣнія объ этомъ господинѣ... Значитъ, мы съ нею раздѣляемъ и опасность, которую вы предвидите?.. Вы бы ужъ я ее предупредили, чтобы она не дразнила вашего кудесника, ежели онъ такой сардитый... А то, вѣдь, она гораздо дерзав-

нее даже меня и дергаетъ его, какъ картоннаго паяца, на пятачокъ...

Юстина отвела глаза и прикусила нижнюю губу, тонкую, блѣдную.

— Нидія Лемэмъ не опасенъ... — сухо возразила она.

Въ тонѣ дѣвушки Беренникову послышалась двусмысленная недомолвка. Онъ насто-рожился.

— Что вы хотите сказать?

— Мужчины легко извиняютъ барышнямъ, а въ особенности, полудѣтямъ, какъ Нидія, вольности и дерзости, которыхъ не прощаютъ мужчинамъ...

— Да... вотъ это... — успокоился Беренниковъ. — А мнѣ было стукнуло въ голову совсемъ другое...

— А этимъ, — продолжала Юстина, улыбаясь, — этимъ, что вамъ, Алеша милый, грозитъ какая-то огромная неприятность...

— Неприятность отъ Лемэма?

— Не знаю. Но этимъ я терзаюсь уже нѣсколько дней... Вы знаете мою несчастную способность къ предчувствіямъ...

— Вы у насъ Аэндорская волшебница извѣстная! — улыбнулся офицеръ.

— Вотъ вы... задумчиво и убѣжденно говорила Юстина, — вотъ вамъ показалось невѣроятнымъ, когда кто-то воздушный и невидимый позвалъ васъ голосомъ Нидіи... А для меня эти зовы... звуки... голоса... обыкновенны... Я слышу ихъ едва-ли не каждый день... Такъ привыкла, что даже не вздрагиваю, когда они внезапно врываются въ слухъ мой изъ своего невѣдомаго далека... Я живу, окруженная ими... Даже, вотъ и сейчасъ...

— Даже и сейчасъ?! — недоумѣнно оглянулся Беренниковъ, но теперь я ничего не слышу...

— А, между тѣмъ, то, что я слышу, кажется васъ...

Дѣвушка, подавшись плечами и головою впередъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣла видъ прислушивающейся, — взволнованная, настроенная...

— Что же именно говорить вамъ обо мнѣ ваши голоса?

— Мнѣ стыдно сказать вамъ...

— Однако?..

— Вы заскѣбаетесь надо мною... Глаза...

— Общаю, что нѣтъ...

— Два слова... Два нехитрыхъ вульгарныхъ слова...

— Именно?

— «Чортова дюжина»...

Беренниковъ возрился на Юстину съ величайшимъ изумлениемъ.

— Чортова дюжина?! Что это?!

— Не знаю.

— Чортовой дюжиной слыветъ въ народѣ число тринадцать... Но ко мнѣ-то какое же отношеніе?

— Не знаю.

— Но вы же говорите, что отъ этой чортовой дюжины я долженъ опасаться какихъ-то гадостей?

— Не знаю, не знаю и не знаю. Но каждый разъ, что я слышу «чортова дюжина», — мгновенно въ голову мою врывается ваше имя и сердце сжимается безсознательнымъ, невѣдомымъ страхомъ за васъ...

— Гм... И давно это началось?

— Уже съ недѣлю... Да! Именно недѣля. Впервые зазвучало ночью... послѣ пропалаго нашего четверга, когда Лемэмъ читалъ рефератъ о гностикахъ...

Беренниковъ засмѣялся, съ торжествомъ.

— Поздравляю васъ! — воскликнулъ онъ, даже расклавившись. — Теперь я превосходнѣйше изложу вамъ, что такое ваша чортова дюжина и откуда къ вамъ навязалась.

Юстина вопросительно открыла глаза. А онъ побѣдоносно доложилъ:

— Это — тринадцать приборовъ и гостей оккультическаго ужина, который, послѣ оккультическаго реферата съѣли мы за гостеприимнымъ столомъ Пентефр... тьфу!.. «языкъ мой — врагъ мой!»! — неуважамѣйшаго Николая Никаноровича... Ха, ха, ха! Еще бы! Мало-ли мы острили тогда за столомъ на счетъ этой чортовой дюжины... Не удивительно, если она вамъ запала въ память... Но, Юстина Евстафьевна! Отличнѣйшая вы моя! Что же это у васъ нервы-то какъ гуляютъ? Ишь вѣдь, на что себя настроила! Нехорошо, другъ мой! Лечиться надо, бромъ поглотать, на воды поѣхать... А то со всѣмъ вы развѣнтили ихъ съ вашимъ оккультизмомъ... А ужъ, въ особенности, Лемэмку хорошо было бы турнуть въ шею отъ васъ... Превредная скотинка!.. Ну, вотъ, не угодно-ли? Опять вздрогнула и побѣдилась?!

— Потому что... опять... — тихо возразила она, опустивъ голову, глядя въ землю.

— Чортова дюжина?

— Да... И страшно... за васъ...

Она быстро сдвинула хмурыя брови, потомъ, тряхнувъ золотою головою въ золотомъ обручѣ, также быстро распустила ихъ, точно отогнала упрямые дуады, и выдохнула, съ твердостью:

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ сказала... предупредила... Ваше дѣло, какъ отнеситесь...

— Какъ отнеситесь? — съ громкимъ смѣхомъ воскликнулъ Беренниковъ. — А вотъ, я вижу, Марья Евстафьевна подходитъ приглядывать насъ къ ужину... Марья Евстафьевна! Надѣюсь, оккультическій стиль и сегодня будетъ выдержанъ и мы опять сядемъ за столъ не иначе, какъ чортовой дюжиной?

— Нѣтъ, сегодня обыкновенною, — улыбнулась величаяя хозяйка. — Я и сама хотѣла повторить... Прошлый четвергъ такъ весело удался... Но мы не въ компаньѣ: Бяленіцкій обманулъ, не пришелъ, и насъ будетъ только двѣнадцать...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! — спохватился Беренниковъ. — Я и то весь вечеръ собирался спросить васъ: что значить сей сонъ? Мосье Лемэмъ читаетъ потрясающей глубины рефератъ, а главнаго поклонника, адепта и апостола, Марка Леонидовича Бяленіцкаго, мы не видимъ?

— Я тоже удивлена, — отозвалась Верхонлавецова. — Хотѣлъ быть непремѣнно, а обманулъ и даже не предупредить, что не будетъ... Николай Никаноровичъ телефонировалъ къ нему на квартиру, но прислуга отвѣчала, что Марья Леонидовичъ ушелъ изъ дома еще въ девятomъ часу вечера... Теперь уже едва-ли можно ждать его: скоро полночь...

— Да и погода, кажется, разнтралась не на шутку, — подхватилъ Беренниковъ. — Уже съ вечера, когда я шелъ къ вамъ, изрядно мело. А сейчасъ — слышите, — какъ на окна налетаетъ?.. Вьюга и вѣтеръ съ моря... Хорошій хозяинъ собаки на улицу не выпуститъ, а не то, что доброму человеку въ гости идти...

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Боцяновскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

III.

Подъ вьюгой.

Когда Беренниковъ вышелъ отъ Верхонавиныхъ, часъ былъ очень поздній. Трамваи уже не ходили. Погода, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтила юношу сибирскимъ адомъ. Но путь домой Беренникову предстоялъ недалекий—съ Мойки все вверхъ по Невскому.

Онъ не взялъ заломившаго несуразную цѣну извозчика и бодро зашагалъ въшкомъ, нахлобучивъ на голову кашпономъ котропной каучуковой накидки-непромокайки, сию же минуту добѣлѣвшей отъ буйнаго вѣявшаго палета. Молодой офицеръ былъ очень въ духѣ, такъ какъ успѣлъ помирить-ся съ Нидей, и, на этой радости, настолько расчувствовался и разбѣжился, что даже съ ненавистнымъ Лемомъ былъ милъ и любезенъ...

Ночная вьюга соннала съ Невского прокопихъ и пробѣжхъ, и пласала на просторѣ тысячами облаковъ и вихрей сухого колючаго снѣга. Яростно подсакивала, чтобы вѣлѣнхъ зубами въ круглую звѣзду электрическаго фонаря, племала бѣлыми ладонями по ошмамъ домовъ и ставнямъ магазиновъ, бросалась длиннымъ привидѣніемъ поперебъ улицы подъ колеса автомобилей, съ воеръ и стономъ качалась на телеграфныхъ мроволокахъ.

Даваа дикое воодушевленіе всему неодушевленному, что только могла пошевелить, вьюга вложила движеніе и голосъ въ выѣскій, флогера, флаги, наполнила ихъ гутомъ, свистомъ, скрипомъ, стукомъ, хлопающимъ трепетомъ, заставила ныть трубы, шула крыши дребезжающимъ скрежетомъ и прыгала съ нихъ, тяжелымъ буханьемъ, на подбѣды... Разыралась чортвъ оркестръ, а вѣдъма-вьюга кружилась, плясала и пѣла.

Только случай, либо ужъ очень настойчивая и неотложная необходимость могутъ вы-звать человека изъ теплой квартиры въ такую почную ванну всепроникающаго снѣжнаго вихря. Поэтому городской, мерзнувшій на посту противъ Казанскаго собора, внимательно обыкновеннаго провожалъ взглядами, изъ-подъ каучуковой нахлобучки, рѣдкихъ прохожихъ, пересѣкавшихъ проспектъ.

А одинъ прохожій, выплывшій предъ городовымъ, изъ кочающейся бѣлой мглы, по-

добно гигантскому черному карандашу, либо былъ длиннѣе, тонокъ и заостренъ кверху высокой, конической барашковой шапкой, бросилъ блестятеля порядка даже въ нѣкую оторопь. Столь странно показалась городовому походка этого господина, направившаго медлительные шаги свои отъ мѣстика чрезъ Екатерининскій каналъ наискось къ колоннадѣ собора.

Вьюга мела навстрѣчу прохожему, и городской смущался, что онъ ни шапки рукой не придержитъ, ни отклонится отъ налетающаго морознымъ пуглами вѣтра, а движется, будто не чувствуя погоды: прямой, какъ пестъ, и по такой строго-прямой линіи, точно путь ему отмѣряно брошеннымъ, подъ ноги половикомъ. Ступалъ прохожій какъ-то не по-человѣчески механично, бросая ноги, будто онъ былъ у него на шарнирахъ и дѣйствовали по заводу. Руки же прохожій держалъ ошущенными въ карманы пальто, тоже барашковаго и очень приличнаго. Вообще, прохожій производилъ впечатлѣніе человека, принадлежащаго къ порядочному обществу и далеко не бѣднаго.

Заинтересованный городской сдѣлалъ маленькое обходное движеніе и, подъ электрическимъ фонаремъ, заглянулъ прохожему въ лицо. Новою оторопью и даже до дрожи пробрало его. Глаза прохожаго были сомкнуты, а длиннородное лицо, молодое и красивое, но очень измощденное, избитое вьюгой и все въ блестяхъ изморози и въ мокрыхъ талыхъ пятнахъ, тѣмъ не менѣе, хранило такое спокойное, недвижно-мирное выраженіе, что ясно было, съ перваго взгляда: прохожій, въ самомъ дѣлѣ, не чувствовалъ бури, бушующей въ этой жуткой ночи...

— Что это? Словно неживой?—такъ и пронизался городской острымъ токомъ испуга. Но, въ то же мгноеніе, устыдился своего суевѣрнаго страха и окликнулъ:

— Господинъ... Позвольте... Прошу васъ прислушаться... Господинъ...

Прохожій вздрогнулъ плечами, въ движеніи человека, попревожннаго врасплохъ. Но не остановился, не отозвался и, продолжая быстро бросать впередъ свои шарнирные ноги, скрылся въ новомъ облакѣ вьюги, точно она подхватила его и унесла на бѣлыхъ крыльяхъ, какъ летучаго дьявола...

Оробѣвшій городской почти готовъ былъ вѣрять, что именно такого онъ и удостоился видѣть.

Но, какъ быть онъ человекъ просвѣщенный, то, оправившись отъ перваго смущенія, сообразилъ, что мелькнулъ мимо него, въ острокопечной барашковой шапкѣ, отнюдь не Вельзевулъ или Мефистофель, но, по всей вѣроятности, лунатикъ или даже, можетъ быть, просто слѣпецъ, почему то опозднившійся на улицѣ ночью, въ непогодъ, безъ провожатаго...

На мгноеніе у городского явилась было даже мысль, внушенная наполовину административнымъ рвеніемъ, наполовину чело-вѣколюбіемъ—догнать прохожаго... Въдъ въ этой сумятицѣ снѣга и ночи, бѣдняга ежеминутно рискуетъ очутиться подъ налетѣвшимъ откуда-нибудь изъ-за угла шальнымъ автомобилемъ. Но вьюга ужъ слишкомъ крутила и бѣсилась. Не пошелъ городской оберегать прохожаго...

А слѣпцомъ онъ почиталъ прохожаго столько же напрасно, какъ почелъ было чортмъ. Человекъ этотъ,—по имени, отчету и фамиліи—Маркъ-Леонидовичъ Бяленицкій, а по профессіи, въ спискахъ «Всего Петрограда», художникъ-строитель, то есть—по просту говоря, архитекторъ,—человекъ этотъ былъ не только не слѣпъ, но видѣлъ вокругъ себя много такого, чего, кромѣ него, никто не видалъ и что онъ самъ менѣе всѣхъ желалъ видѣть. Налетавшіе на него вихри вьюги тыкались ему въ лицо холодными злыми мордами бѣлыхъ медвѣдей, выскальзывали изъ-подъ локтей смѣющимися шипящими змѣями, шатались надъ головою скрипучими березами, съ которыхъ на него сыпали снѣгомъ какіе-то огромные, бѣлопосые пращи, толстолапые, съ вынученными огненными глазами, какъ колеса, и хохочущими, мѣлостки издѣвающимися, карандашмъ...

Все это было ужасно неприятно, но самымъ сквернымъ оставалось, все-таки, то обстоятельство, что, рядомъ съ Маркомъ Леонидовичемъ, давно уже шагалъ, нога въ ногу, тѣкій господинъ, весьма благообразный съ лица, но въ костюмѣ, совершенно не подходившемъ къ улицѣ зимняго Петрограда. А именно: онъ былъ одѣтъ, какъ графъ де-Неверъ въ оперѣ «Гугеноты»; когда его вѣнчали съ Валентиной,—бѣлый колетъ, бѣлые трусы, бѣлое трико, бѣлые башмаки, бѣлый атласный плащикъ, бѣлая круглая шляпа со страусовымъ бѣлымъ перомъ.

Благообразный бѣлый господинъ смущалъ Марка Леонидовича своимъ появленіемъ не меньше, чѣмъ самъ Маркъ Леонидовичъ только что смущилъ городского на Невскомъ. Но городской смущился потому, что не зналъ

Марка Леонидовича, а Маркъ Леонидовичъ смущился, напротивъ, потому, что загадочнаго спутника своего слишкомъ хорошо зналъ. И тѣмъ болѣе удивлялся ему теперь. За господиномъ этимъ онъ помнилъ много рѣзвыхъ чудачествъ, но все же не до того, чтобы гулять по городу ряженнымъ шутомъ гороховымъ...

И еще смущало Марка Леонидовича то обстоятельство, что бѣлый господинъ,—человекъ, обычно, чрезвычайно заговорчивый, даже болтливый,—теперь, приставъ къ нему не вѣсть откуда, даже не сказавъ «здравствуйте»... Упорно молчитъ и только искоса поглядываетъ на Марка Леонидовича круглыми голубыми глазами, полными веселой насмѣшки... И это смѣющееся молчаніе сдѣлалось для Марка Леонидовича настолько несноснымъ, что онъ рѣшился прервать его самъ.

— Вѣроятно, съ костюмированнаго вечера, графъ!—спросилъ онъ, какъ только могъ, беззаботно.

— Да,—отвѣтилъ бѣлый господинъ,—я съ вечера, но почему же костюмированнаго? и съ какой стати вы величаете меня графомъ? Опомнитесь, Маркъ Леонидовичъ! Что съ вами? Вы спите на ходу!

Слова свои бѣлый господинъ произнесъ очень громко и съ горькою укоризною. Марку Леонидовичу сдѣлалось ужасно совѣстно. И,—какъ бы схваченный внезапно за плечи незримыми богатырскими руками,—онъ почувствовалъ сотрясеніе во всемъ тѣлѣ,—сердце взболтнулось вверхъ и упало, точно шарикъ бильбоке,—Маркъ Леонидовичъ открылъ глаза...

— Маркъ Леонидовичъ! Что съ вами? Опомнитесь! Вы спите на ходу!—повторилъ ему тотъ же голосъ, только совѣтъ не громкій и не укоризненный, а, напротивъ, полный осторожности, участія и безпокойства.

Маркъ Леонидовичъ оглядѣлся движимыми глазами. Съ несказаннымъ изумленіемъ увидѣлъ онъ себя среди колоннъ Казанскаго собора, а передъ собою жестоко занесенную снѣгомъ, небольшую фигурку, въ коротенькомъ каучуковомъ плащѣ, совершенно побѣлѣвшемъ подъ вьюгой... Въ фигуркѣ онъ не безъ труда призналъ хорошаго своего знакомаго, поручика Алексея Даниловича Беренникова... Беренниковъ, въ свою очередь, разсматривалъ Бяленицкаго внимательно округленными глазами, какъ нѣкое подозрительное чудище, и повторялъ:

— Маркъ Леонидовичъ! Вотъ встрѣча! Что съ вами? Не больны ли вы, сохрани Богъ?

Тяжелымъ усиліемъ, приходя въ себя, Маркъ Леонидовичъ сбросилъ съ плечъ послѣднюю сонную одурь

— Здравствуйте, Беренниковъ...—пробормоталъ онъ, сконфуженный.—Извините... я немножко задумался...

— Задумались?!—перебилъ офицеръ.—Я васъ, по крайней мѣрѣ, пять разъ окликнулъ, прежде, чѣмъ вы изволили открыть свои ясныя очи... Это вы называете «задумался»?.. Ну-ну!.. Удрали же вы штуку!.. Такую глубокую задумчивость я видывалъ только у солдатъ на фронтѣ, послѣ этакъ сутокъ пяти голоднаго и холоднаго горнаго марша... Смѣю полюбопытствовать: куда это вы собрались, въ бурю, во грозу, ночной путь держать?

Простой вопросъ этотъ жестоко смущилъ Марка Леонидовича. Изъ всѣхъ чудесъ, которыя съ нимъ приключились, его сейчасъ сбивали съ толка больше всего колонны Казанскаго собора. Память ясно возстановила, какъ онъ, выйдя сколько-то времени тому назадъ отъ своихъ знакомыхъ, Лучинныхъ, живущихъ у Таврическаго сада, направился къ себѣ домой, на Кирочную... Какъ же занесло его на Казанскую площадь? Зачѣмъ? Откуда?..

Бяленицкій зналъ за собою болѣзненную способность внезапно задремывать до полной потери сознанія—стыдился ея, какъ психическаго недуга, и очень тщательно скрывалъ ее отъ знакомыхъ. Но, обычно, болѣзненная дрема схватывала его едва ли даже на минуты, сознаніе темнело только на секунды, мгноенія.

Съ такою же силою и продолжительностью дрема овладѣла имъ еще впервые. Бяленицкому показалось ужасно стыднымъ признаться, что онъ умудрился заблудиться въ Петроградѣ, какъ въ лѣсу. Быстро сообразивъ свое знакомство въ той части города, гдѣ теперь себя видѣлъ, онъ изготвилъ мгновенный отвѣтъ:

— Я къ Марѣ Евстафьевнѣ Верхонлавцевой... на обычный четвергъ... А вы?

— Къ Марѣ Евстафьевнѣ?—воскликнулъ Беренниковъ,—въ третьемъ-то часу ночи?! Что вы, Маркъ Леонидовичъ! Помилуйте! Я самъ иду какъ разъ отъ Мары Евстафьевны... Васъ ждали, о васъ вспоминали, но такъ и не дождались... А теперь тамъ уже, никого нѣтъ, хозяйва спать полегли...

Бяленицкій совѣтъ потерялся. Теперь онъ понималъ, почему у него болѣзненно ноютъ ноги и почти подгибаются колѣни. Онъ очень твердо помнилъ, что вышелъ отъ Лучинныхъ въ половинѣ десятаго. Значить, вотъ уже, по крайней мѣрѣ, пять часовъ, что онъ на ногахъ... При этомъ соображеніи, онъ сразу почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ такую страшную усталость, такъ обезсилѣлъ и увялъ, что даже пошат-

нулся и невольно схватился за плечо офицера...

— Знаете, Беренниковъ...—съ трудомъ, неохотно выговорилъ онъ,—я, кажется, въ самомъ дѣлѣ, нездоровъ... и... и, можетъ быть, вы правы... я спалъ...

— Еще бы!

— Но, что странно,—продолжалъ Бяленицкій,—передъ тѣмъ, какъ вы меня разбудили, я только что васъ во снѣ видѣлъ... Да, именно васъ... бѣлымъ рыцаремъ этакимъ... графомъ французскимъ... вроде опернаго жениха...

— Графскій титулъ я и удостоился получить изъ вашихъ сонныхъ устъ,—засмѣялся Беренниковъ.—А вы благодарите Создателя своего, что не во снѣ, а на яву, меня увидали... Не встрѣтъ я васъ, пожалуй, вамъ было бы плохо... Въдъ этакъ замерзаютъ, сударь вы мой!.. Ну-ну!.. Сегодня Юстина Лентовская пророчила мнѣ какія-то удивительныя приключенія и происшествія... Начинается оно, что ли? Ужъ чего удивительнѣе этакая наша ночная встрѣча?! Однако, идемъ, Маркъ Леонидовичъ, провожу васъ до извозчика...

— Благодарю васъ... Не отказываюсь, потому что, долженъ сознаться, чувствую себя не очень хорошо...

Беренниковъ присмотрѣлся къ нему и покачалъ головою:

— Маркъ Леонидовичъ,—сказалъ онъ серьезно и мягко,—я боюсь васъ отпустить... Вы кажется мнѣ очень ослабѣвшимъ... Порядочнаго извозчика объ эту пору не найти, а съ почникомъ вы пролетаетесь къ себѣ на Кирочную минутъ сорокъ... Какъ не паркомъ нападѣтъ на васъ опять эта сонливость?! Переночуйте-ка вы лучше у меня? А? Я живу отсюда, буквально, въ двухъ шагахъ, по Екатерининскому каналу... Комната и постель свободная у меня имѣются: братъ и сожителъ мой вчера уѣхалъ въ Москву... А домашнихъ вашихъ, чтобы не беспокоились, извѣстимъ по телефону...

Бяленицкій подумалъ съ полминуты и согласился.

— Для меня это тоже совершенно необычайное событіе,—слабо улыбулся онъ,—не почевать дома... Но... брр! Только теперь я чувствую, какъ перезабъ...

— А, вотъ, будемъ дома, я васъ отогрѣю, сварю на спиртовкѣ глинтвейнъ...

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. Н. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, И. И. Потанина, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ө. Боцковского, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

IV.

ГЛИНТВЕЙНЪ.

Квартирка Береникова, маленькая, двух-натная, съ темной передней и миниатюр- ный чуланомъ, который экономическая нта возводила въ званіе кухни; была въ рхнемъ, шестомъ этажѣ весьма населен- го дома. Безъ лифта усталому Бялениц- му и не подняться бы на эту крутую ру.

— Ужъ, извините, прислуги не дер- имъ,—говорилъ Берениковъ, вводя гостя и закиная электричество,—по утрамъ при- нять женщина приборать, что мы съ бра- тямъ насорили наканунѣ... Столѹемся въ ансонъ... Сказать правду-матку, не очень мы охочи допускать въ нашу калю по- тороннихъ людей... Но то, чтобы секреты акіе-либо особенные, но... все-таки, изобрѣ- емъ, знаете, кое-что по малости, отечеству и пользу, врагамъ на страхъ...

Онъ вынулъ на рабочей столъ, завален- ной чертежами, заставленный моделями, и сѣлся:

— Ужъ если, знаете, улыбнется счастье и думать нѣчто милліардное, какой-нибудь такий порошок непромокаемый, то желатель- но, чтобы въ свой карманъ, а не на мимо- проходящаго-производящаго...

Телефонъ долго не откликнулся Берени- кову. Наконецъ, трубка рыкнула хриплымъ гомомъ:

— Слушаю.

— Квартира Бяленицкаго?

— Да-а-а...—протянула трубка вась-то дерзительно.

— Говорить поручился Берениковъ, по порученію Марка Леонидовича. Кто у теле- фона?

— Слуга.

— Матвей?

— Н-нѣтъ...—возразила трубка съ за- шипкой.—Матвей спитъ... Другой...

— Да что вы мямлите? Проснуться не мо- жете? Какой другой?

Трубка помолчала. Потомъ повинилась:

— Виновать... И то заспался... Миронъ...

— Миронъ откликается,—бросилъ Берени- ковъ Марку Леонидовичу. Тотъ кивнулъ головой: есть молъ такой...

А Миронъ, уже бодрѣя, оживившись толо- ситъ, спрашивалъ:

— Что прикажете?

Берениковъ объяснилъ Миронъ, въ теле- фонъ, выслушавъ со вниманіемъ, двѣжды переспросилъ адресъ, гдѣ именно жить въ- дѣлать, и, кивнувъ: «слушаю, буду», по- ложилъ трубку.

— Вотъ и готово... Домочадцы ваши освѣ- дожлись... Теперь займемся глнтвейномъ...

А пока я буду варить его, вы освобождайте- ка себя отъ ризъ вашихъ, да пожалуйста подъ- те теплое одѣяло... Я вамъ въ постельку по- дамъ... горчичникаго!...

— Сколько хлопотъ я вамъ доставляю!... —извинился Бяленицкій.

— Пустое... Я и самъ прозябъ, но прочъ погрѣться...

— Много гостей было у Верховлавец- выхъ?—спросилъ Бяленицкій, медленно раздѣваясь...—Фу, чортъ возьми, какъ же я, въ самомъ дѣлѣ, усталъ!

— На рефератѣ Лемма—множество, а послѣ реферата поразбредлись... Ужинали только свои, двѣнадцать человекъ, съ хо- зяевами... Зачѣмъ не пришли? Марья Ев- стафьева поняла, что изъ-за вась рас- палась наша чортова дюжина... со- рвалось оккультическое число... Что вы на меня такъ странно смотрите?...

— Меня эти слова ваши поразили...—ме- дленно, съ задумчивымъ любопытствомъ, отбѣдилъ Бяленицкій, остановившись раз- вазывать ботинокъ на тощей, длинной, уз- кой ногѣ своей...

— Какія слова?

— Что вы помянули чортову дюжину...

— Ну, вотъ?!—съ изумленіемъ восклик- нулъ Берениковъ, взмахнувъ ложкой, кото- рою онъ помѣшивалъ начинавшій закипать глнтвейнъ. Нѣтъ, это, въ самомъ дѣлѣ, на- чинаетъ быть курьезнымъ! То Юстина поче- му-то возмущалась этой дурацкой чортовой дюжиной, теперь—вы...

— А что—Юстина?—встрепенулся и насторожился Бяленицкій.

Берениковъ разсказалъ, стараясь при- дать страхамъ дѣвушки какъ можно болѣе свѣтлое освѣщеніе... Но Бяленицкій оста- лся серьезенъ,—даже помрачнѣлъ...

— Это замѣчательно...—выговорилъ онъ съ видимымъ смущеніемъ, почти испугомъ. И напрасно вы такъ... извините... легкомы- сленно... Юстина—большая сила... Она имѣ- етъ иногда удивительныя откровенія... ея словами нельзя пренебрегать...

— Э, батюшка Маркъ Леонидовичъ!—Страненъ сонъ, да милостивъ Богъ, а на- всемо чиханье не наздравствуешься... Это у васъ, оккультическихъ мудрецовъ, всепо- ложно въ строкъ, а нашему брату, простому смертному, некогда разбираться въ пред- тѣстнахъ и галлюцинаціяхъ дѣвицъ съ разнотченными нервами...

— Но Маркъ Леонидовичъ не слушалъ его. Сидя на кровати, въ одномъ бѣлѣ,—тощія

разутыя ноги на полу,—онъ бормоталъ:

— Однако,—какое же совпаденіе?! Нѣтъ, это замѣчательно... Вы поразили меня... У меня и у Юстины... въ одинъ вечеръ?! Это замѣчательно...

— Что,—въ одинъ вечеръ?—удивился Берениковъ.—Развѣ вы тоже слышите?...

Бяленицкій подыалъ на него встревожен- ные глаза:

— Сейчасъ нѣтъ... ничего... А вотъ рань- ше...

— Слышали?

— Да. Когда вы произнесли эти два сло- ва, меня именно то и поразило, что сего- дня мнѣ какъ будто кто-то уже говорилъ ихъ.

— Нѣтъ ничего мудренаго. Чортова дю- жина—ходячее выраженіе... Диво ли слы- шать?

— Нѣтъ... не то... Я слышалъ ихъ гдѣ-то повторяемыми... часто... въ какомъ-то осо- бенномъ значеніи... И это было... Послу- шайте,—вдругъ сморщился Бяленицкій,— тѣмъ это такъ странно запахло?... Пряное... острое что-то?...

— Какъ—тѣмъ?! Что это вы, право, Маркъ Леонидовичъ?! Пахнетъ глнтвей- номъ, который я переливаю для вась изъ кастрюли въ чашку... Получите-ка...

Бяленицкій взялъ чашку дрожащею ру- кою, но, едва поднесъ ко рту, въ ту же ми- нуту поставилъ ее на тумбочку при кроват- ти. Худое, длинное лицо его выразило отвра- щеніе и страхъ.

— Возьмите это отъ меня пожалуйста.... Я не буду пить...

— Вотъ-такъ?! Для кого же я старал- ся?!—обидѣлся Берениковъ.—Не капри- зничайте, Маркъ Леонидовичъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... противно!....

— Противно?! Да вы прежде попробуйте, сэръ! Отличнѣйшій французскій медокъ.

Бяленицкій не отвѣтилъ. Въ огромныхъ, лихорадочно блестящихъ глазахъ его на- прыженно работала смутно припоминающая мысль... Берениковъ настаивалъ.

— Скажите,—вдругъ спросилъ Бялениц- кій,—не пахнетъ отъ меня виномъ?

Берениковъ наклонился къ нему.

— Нисколько.

— А когда вы... подобрали меня на ули- цѣ... въ такомъ загадочномъ состояніи?

— Тоже нѣтъ. Я, признаться, и самъ подумалъ было, не изволить-ли ваша милость быть выпивши... Нѣтъ! Трезвехонекъ!...

— А между тѣмъ,—задумался Бялениц- кій,—запахъ вашего глнтвейна напомнилъ мнѣ... Я сегодня вечеромъ уже гдѣ-то пилъ что-то подобное... горячее... красное... пря- ное... Оттого такъ и противно... Пожалуй- ста, уберите... Со всѣми извиненіями, но... слышать не могу!

Онъ легъ и утопилъ голову въ подушкѣ. А Берениковъ переставилъ чашку на писъ- менный столъ.

— Не угодно,—какъ угодно. Была бы честь предложена. Самъ вышло,—каприз-

ничъ вы! А запахъ обыкновенный?! вино, корица, гвоздика, мускатный орѣхъ...

Бяленицкій, опять не отвѣчая, думалъ.

— Это было тамъ,—рѣшительно ска- залъ онъ.

— Гдѣ—тамъ?

— Гдѣ я слышалъ такъ много и стран- но про «чортову дюжину»...

— Такъ. Но—гдѣ же именно?

— Не знаю....

— Вы говорили, что провели вечеръ у Лучининыхъ?

— У нихъ не подавали вина... Да я и вообще избегаю нить вино...

— Однако, пили?

— Не знаю... Можетъ быть, пилъ, мо- жетъ быть, пѣлъ... Я не понимаю, что дѣ- ляется со мною... Я какъ будто потерялъ нѣсколько часовъ моего существованія.... Ваша «чортова дюжина» и запахъ этого глнтвейна тронули въ моей памяти какой- то запутанный клубокъ, но, отдѣливъ двѣ нити, онъ дальше не хочетъ разматываться...

— Гмъ....

— Мнѣ чудится... какое-то чужое, незна- комое мѣсто... Откуда я тамъ? Съ кѣмъ? Какъ?—Не знаю... Меня вынудитъ смутное сознаніе, что мнѣ тамъ быть не слѣдуетъ... опасно... страшно... Говорятъ какіе-то го- лоса... грубо, смѣшанно... Хохотъ... поми- наютъ «чортову дюжину»... Но—какое это мѣсто? Улица, квартира, храмъ, публичный домъ, тюрьма, бульваръ, подземелье, мага- зинъ, театр, баръ?!... не знаю!... Пусто- тутъ... сумятица...

Онъ коснулся длинною, узкою, рахитиче- скою рукою, покрытаго испариною, лба своего...

— И, вотъ, кто-то приказалъ мнѣ... или что-то толкнуло меня пить... и, кажется, я пилъ...

— Вино?

— Не знаю... Должно быть, вино... Жид- кое... красное... горячее... Обкапало и пах- ло праностями... Было противно...

— Вокругъ вась говорили,—сообразилъ Берениковъ,—значитъ, были люди... Лица какія-нибудь не вспоминаются ли вамъ?

Бяленицкій отрицательно мотнулъ голо- вой.

— Можетъ быть, фигуры? Маски?

— Ничего... Вихри какіе-то... Шумъ... И тѣ два слова... А первое лицо, которое я потомъ узналъ и запомнилъ, было ваше...

— Чудеса въ рѣшетъ!... Слушайте-ка: а не заманили ли вась въ какой-нибудь по- дозрительный вертепъ, да не обработали ли дурманчикомъ? Деньги при вась были?

Бяленицкій рѣзко поднялъ голову съ по- душки, сдѣлавшись болѣе наволочкой:

— Даже большія,—глухо пробормоталъ онъ.—Двадцать восемь тысячъ кредитными билетами... Боже мой! Вѣдь я было и это позабылъ... Несчастный!... Если я ограб- лень... Ради Бога, Алексѣй Даниловичъ... поскорѣ!... Во внутреннемъ карманѣ нѣрка-

ка... Двѣ пачки въ газетной бумагѣ... пере- визавъ бечевкой...

Его всего трясло отъ нахлынувшего страха за потерю. Береникова тоже сильно передернуло. Онъ подаль Бяленицкому пид- жакъ его... Маркъ Леонидовичъ трепетно на- шелъ карманъ, нащупалъ...

— Здѣсь!...—свободно вздохнулъ онъ, до- ставая пачки и показывая Береникову. По молодой человекъ остановился:

— Погодите радоваться... Надо еще про- вѣрить, что въ пачкахъ...

— Вы правы...

Бяленицкій дрожащими, тонкими паль- цами взялся развязывать пачку, но, въ то- ропахъ дернулъ не ту бечевку, затянулъ петлю въ узелъ. Глѣвно обругался и про- тянулъ колеблющуюся, будто пляшущую, пачку Береникову.

— Ради Бога, Алексѣй Даниловичъ, до- рогой,—сказалъ онъ плавающимъ голо- сомъ,—не поставьте себѣ въ трудъ... Сосчи- тайте... Я такъ изволнованъ, что...

— Извольте,—согласился офицеръ.—Но и чудакъ же вы, Маркъ Леонидовичъ! Кто же выходитъ на ночную прогулку по Пе- трограду, имѣя въ карманѣ такую крупную сумму?

— Это не мой,—отозвался Бяленицкій, сосредоточенно глядя на кредитки, шурша- щія подъ короткими пальцами Береникова, и, успокаиваясь, по мѣрѣ того, какъ возра- ста денежная горка.—Это я получилъ отъ Лучинина, чтобы внести завтра въ казна- чейство залогъ по нашему общему подри- ду... Я затѣмъ и ушелъ отъ Лучининыхъ пораньше, чтобы отнести деньги домой и запереть до утра въ несгораемую кассу... Но, вѣсто того, приключилась вся эта страннѣйшая исторія...

— Двадцать восемь тысячъ полностью,— досчиталъ офицеръ послѣднюю пачку.— Ну, Маркъ Леонидовичъ, счастливы вась Богъ, цѣлы! Прикажете опять завязать? Э! Газета-то поистерпалась... Возьмемъ свѣ- женькую, покрѣпче... А теперь позволю по- вѣрить вась бумажникомъ и портмоне... Въ бумажникѣ сто двадцать пять: Катя и чет- вертной билетъ... Вѣрно?... Въ портмоне семь рублей—синенькая и два желтчика—и ме- лочь... Правильно?... Нѣтъ, беру свое пред- положеніе насчетъ вертепа обратно: по кар- манамъ вашимъ никто не шарилъ... Изъ вертепа съ такими деньгами, вы и живымъ не вышли бы...

— Мнѣ ничего такого и не представля- лось... Я испугался только, когда вы меня навели на мысль...

— Но тогда,—даже съ досадою встрѣ- нулъ офицеръ, вручая деньги Бяленицко- му съ быстрымъ совѣтомъ:—Однако, спрячьте-ка ваши капиталы хоть къ себѣ подъ подушку, а то утромъ женщина при- детъ чистить платье, у нея особый ключъ...

Но тогда, Маркъ Леонидовичъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ сознаться, что уже давно ничего не понимаю въ вашемъ приключе- нии... Если только всей этой сумятицы съ

«чортовой дюжиной» и поймаю, изъ-за ко- торого вамъ не пошелъ въ горло мой пре- входный глнтвейнъ, вы не видали, про- сто, во снѣ... Приобщилъ же я вась, вы го- ворите, въ видѣ французскаго графа ка- кого-то!

— И чрезвычайно ярко. Если бы не страшность костюма, я теперь спорилъ бы, что видѣлъ вась на-яву.

— Вотъ то-то и есть. Поди, то же самое и съ чортовой дюжиной, и съ поймаю... Мало ли, какъ играетъ сновидѣніе челове- комъ,—особенно способнымъ спать и гре- зить даже на ходу...

— Я не рѣшусь спорить даже и противъ такой возможности,—слабо откликнулся Бяленицкій. Новое волненіе, перескочное изъ- за денегъ, совѣсть его докапало...

— Впрочемъ, старые умные люди гово- рили, что утро вечера мудренѣе... А до утра уже недалеко: скоро четыре... Женщина приходитъ въ прсѣмъ... Для вась не рано, Маркъ Леонидовичъ?... Э, да онъ ужъ спитъ, бѣдняга!... Ну, и великошлыво... пусть успо- коится... Завтра, за чаемъ, попробуемъ, на свѣжую голову, разобраться, какая чортов- щина путала его по городу... Авось, поутра- пувъ за ночь, онъ что-нибудь и припо- мнитъ...

Быстро раздѣвшись, Алексѣй Даниловичъ юркнулъ подъ одѣяло, погасилъ электриче- ство и, едва положивъ голову на подушку, заснулъ молодымъ богатырскимъ сномъ, — «въ забудущую».

Видѣнія ночи его не посетили, но, по- утра, когда, разбуженный кашлемъ-то ли- камъ, будто волчьимъ воемъ, онъ открылъ глаза, то, первую мыслью, подумалъ было, что тоже, вродѣ Марка Леонидовича, видитъ сонъ на-яву.

Вопила женщина, пришедшая убирать квартиру и чистить платье. Въ одной рукѣ она держала ботинки Бяленицкаго, другою—ухватилась за опилку его желѣзной кровати... Чуть не на лобъ вытаращенные, блѣ- лые глаза ея остолбѣли въ ужасъ...

— Прасковья! Что вы?!

Берениковъ вскочилъ, съ мгновенно за- холодевшимъ сердцемъ, сразу зараженный паникой... Женщина, безъ отвѣта, тыкала ботинками по направлению къ подушкѣ, на которой темнѣло длиннорослое лицо лѣкающаго снѣлаго Марка Леонидовича...

Берениковъ бросился къ нему... Ко- снулся...

Холодъ, проникшій въ горячую ладонь его, сказалъ, что Марка Леонидовича Бяле- ницкаго не стало на свѣтъ. На постели длинно-длинно вытянулся, сподойно, будто спящій, тощій, желтый, остывшій мертвецъ.

Александръ Амфитеатровъ.

(Продолженіе, — главы Ө. К. Сологуба, — завтра).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, З. И. Немировича-Данченко, П. П. Гитдича, М. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Боцяновскаго, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др.

Содержаніе главъ А. В. Амфитеатрова. На горизонтъ Петрограда появляется загадочный человекъ съ фамиліей Лемэмъ, обладающій даромъ внушенія и сильно интересующій столичные кругокултыстовъ и мистиковъ. Въ вечеръ встрѣчи съ нимъ поручикъ Беренниковъ, възвѣсивъ бурю, случайно сталкивается на Невскомъ со своимъ знакомымъ архитекторомъ Бяленицкимъ. Находящійся въ странной подавленности чувствъ, точно послѣ потери сознания, молодой человекъ заходитъ переночевать къ Беренникову, а на утро тотъ находитъ его на постели похолодѣвшимъ.

V.

Клавдія Лучинина.

На утро Юстина проснулась поздно и въ очень тяжеломъ, тоскливомъ настроеніи. Не то, чтобы она чувствовала себя усталою, слабою, несовсѣмъ здоровою, — о, если бы только это! — нѣтъ, такое томительное безволие овладѣло ею, что вотъ лежала бы цѣлый день и на свѣтъ не глядѣла бы. Безволие и тоска!

Занавѣсы на окнѣ уже были къмѣ-то откинута, и въ окно глядѣлъ ясный, морозный зимній день. Солнечные лучи чертили кресты четыреугольными болыше на стѣнѣ, чѣмъ на полу. Вчерашняя буря улеглась, да и въ домѣ словно забылось вчерашнее оживленіе. Было тихо, и эта тишина еще усиливала тоску Юстины.

Она повернулась на спину и стала прислушиваться. Знала, что услышитъ сейчасъ что-то. Шумъ въ ушахъ предвѣщалъ возникновеніе чужого голоса, враждебнаго и страшнаго. Сердце ея сжалось. Смутный шумъ усиливался. Какъ будто спорили два голоса, и кто-то шепнулъ ей ласково:

— Не бойся!

Потомъ кто-то засмѣялся и хрипло крикнулъ:

— Нѣтъ, съ чортовой дюжиной не тебѣ спорить!

Потомъ послышался легкій стукъ въ дверь. Юстина молчала. Дверь осторожно пріоткрылъ кто-то. Выглянуло привычно почтительное лицо горничной. Увидѣвъ, что Юстина смотритъ на нее, Даша двинулась въ комнату неслышно скользящимъ движеніемъ. Тихо сказала, остановившись у ногъ Юстины:

— Барышня, извините, что беспокою. Госпожа Лучинина уже нѣсколько разъ звонила по телефону.

— Какая Лучинина? — лѣнливо спросила Юстина.

Хорошо знала, какая, — конечно, Клавдія Сергѣевна, молодая дѣвушка, съ которою, такъ же, какъ и съ ея братомъ, познакомилась года три тому назадъ въ Біаррицѣ. О ней еще вчера былъ разговоръ за ужиномъ. Когда Марья Евстафьевна ужъ очень стала досадовать, что изъ-за отсутствія Бяленицкаго разстроилась такая занятная забава, — сидѣть за ужиномъ въ уютномъ числѣ три-

надцать, — Алеппа Беренниковъ, прсмѣиваясь, сказалъ:

— Марья Евстафьевнѣ досадно, а ему теперь весело.

Лемэмъ посмотрѣлъ на Алеппу очень внимательно и спросилъ:

— Вы такъ въ этомъ увѣрены?

— Я догадываюсь, — смѣясь говорилъ Алеппа, — что Бяленицкій зашелъ къ Лучининымъ и заговорился съ Клавдіею.

Марья Евстафьевна смотрѣла на него съ удивленіемъ. Кругленькій офицеръ слегка какъ будто чего-то не договаривалъ.

— Я думалъ, что это уже всѣмъ извѣстно, что Бяленицкій женится на Клавдіи Сергѣевнѣ. По крайней мѣрѣ, онъ часто тамъ бываетъ.

— Достаточная причина для заключенія, — сказалъ Лемэмъ безразличнымъ тономъ.

Слѣпой офицеръ, который видѣлъ лучше глазами души, чѣмъ глазами тѣла, сказалъ:

— Они любятъ другъ друга.

И сказалъ это съ такимъ выраженіемъ, какъ будто черъ-то не договаривалъ.

Этотъ разговоръ вспомнила сейчасъ Юстина, вспомнила и то, что лицо слѣпого офицера очень омрачилось, когда онъ говорилъ эти четыре слова. И то самое предчувствіе близкаго несчастья теперь опять оклило въ ея душѣ. Тогда Лемэмъ посмотрѣлъ на слѣпого офицера, и на одно мгновеніе Юстинѣ показалось, что слѣпонецъ видитъ Лемэма, и что ихъ взоры скрестились, какъ пшани на поединкѣ.

Даша легонько усмѣхнулась. Сказала:

— Барышня Клавдія Сергѣевна очень проситъ подойти къ телефону.

— Развѣ никого?... — начала и не кончила Юстина.

Даша догадливо говорила:

— Барыня и барышня вышли до завтра-

ка, а барышня Лучинина очень проситъ.

Юстина приподнялась, опираясь на локоть. Даша поспѣшно придвинула туфли, приготовила домашній бѣлый капотикъ, — ничего не оставалось Юстинѣ, какъ только встать, капотикъ надѣть. Уже и устала, безсильно съла на розовое креслице съраго клена у постели, но Даша стояла «надъ душою». Юстина вздохнула и вышла въ столовую, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ маленькій металлическій ящичекъ съ рычажками, кнопками, звонками, — досадный, но неизбѣжный телефонъ.

— Я слушаю.

Послышался быстрый и взволнованный говоръ Клавдіи Лучининой:

— Юстина, это вы? Я къ вамъ уже нѣсколько разъ звонила. Ужасное...

Тутъ голосъ сталъ неразборчивымъ. Вмѣшались чьи-то чужіе голоса. Что-то загудѣло и затрепало. Чей-то чужой женскій голосъ отчаянно зывалъ:

— Станція! Это — станція? Станція! Барышня! Миленькая! Станція?

Потомъ рѣзкій трескъ, и всѣ звуки въ трубкѣ погасли.

— Телефонъ испорченъ, — равнодушно сказала Юстина. — Даша, подите, пожалуйста къ швейцару, позвоните къ Лучининымъ, спросите, не можетъ-ли Клавдія Сергѣевна вамъ передать.

Даша взяла съ гвоздика возлѣ телефона запасной французскій ключъ отъ парадной двери и исчезла, безшумная и легкая, какъ увеличенная въ миллионъ разъ фея Титанія. Юстина посидѣла еще минутку и пошла къ себѣ. Не коридоромъ на этотъ разъ, а черезъ гостиную, гдѣ свѣтло-зеленые — тона мебели были пріятнѣе для глазъ, чѣмъ сѣрый полумракъ въ коридорѣ.

Ей показалось, что кто-то идетъ за нею. Мужскіе, увѣренные шаги. Стало неловко. —

«я не одѣта», — коротко подумала Юстина, и разомъ забыла объ этомъ. Точно кто-то сказалъ ей:

— Все равно. А я на минуту.

Это былъ голосъ Бяленицкаго. Юстина тихо спросила:

— Отчего вы вчера не пришли? Мы васъ очень ждали.

И жестомъ побѣдной хозяйки, показывая на кресло у круглаго предиваннаго стола, сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

Сама съла на другое кресло. Свѣтло-зеленый узоръ ковра передъ ея потупленными глазами дрожалъ и переливался, и, чего Юстина раньше на этомъ коврѣ не замѣчала, весь онъ былъ усыянъ мелкими, шарлаховыми розами, похожими на брызги алой, свѣжей крови.

Гость говорилъ, и голосъ его звучалъ все глуше, точно издалека:

— Семь ночей я видѣлъ сны, предвѣщающіе мнѣ неизбежную смерть. Семь ночей подрядъ. Кромѣ моей послѣдней ночи.

Юстинѣ стало холодно. Она задрожала. Не поднимала глазъ. Едва слышный голосъ продолжалъ:

— Но успокойте Клавдію.

Хлопнула входная дверь. Юстина вздрогнула. Всмотрѣлась. Никого не было съ нею. Слышны были приближающіеся Дашины шаги.

Юстина думала съ тоскою:

«Опять голоса, голоса! Куда мнѣ скрыться отъ нихъ?»

Даша вошла, обычно веселая и услужливая.

— Барышня, здѣсь еще не топили. Простудитесь. Едва дозволилась. Барышня Лучинина сами пріѣдутъ. А, между прочимъ, барыня сюда позвонила. Сказали, не ждѣть ихъ къ завтраку. Къ обѣду вернутся. Заѣхали, а къ кому, я не могла разобрать. Шу-

митъ въ трубкѣ, трепещитъ, видно, и на лѣстницѣ телефонъ не въ исправности.

Юстина встала. Пошла по коридору. Даша шла за нею. Когда уже Юстина хотѣла взяться за ручку двери въ спальню, Даша подхватила ее подъ локоть и сказала весело, точно радуясь предстоящему удовольствію:

— Барышня, пожалуйста въ ванну.

Полезать бы спозвоило! Но Юстина знала, что Даша настойчива въ исполненіи того, что она считаетъ въ числѣ своихъ обязанностей. И около ванной печки и мраморнаго бассейна она всегда становилась особенно весела и услужлива, точно ей было радостно плескаться водою, то холодною, то горячею на нѣжное, блѣдное, худенькое тѣло Юстины.

Какъ всегда, вода помогла. Милая возстановительница силъ — вода. И, одѣваясь, Юстина уже чувствовала себя бодрою, здоровою, совсѣмъ обыкновенною барышнею. И съ усмѣшкою подумала о своихъ голосахъ:

«Первы!».

И вспоминала, какъ вчера заспорили Алеппа Беренниковъ и слѣпой офицеръ. Алеппа говорилъ:

— Нервочки пошаливаютъ, этимъ и объясняются многія таинственные явленія. А въ здоровомъ тѣлѣ живетъ и здоровая душа.

— То, что вы называете здоровою душою, — отвѣчалъ слѣпой офицеръ, — по большей части бываетъ просто только нечуткая душа, слѣпымъ погруженная въ заботы матеріальнаго свойства.

И теперь ей хотѣлось быть простою и обыкновенною дѣвушкою. Забыть о голосахъ. Забыть и о Лемэмѣ.

Фед. Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, З. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. О. Боцяновскаго, А. А. Измайлова и др.

V.

Съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣла Юстина на ту блѣдую тѣлушку, въ которую она вчера вечеромъ одѣта. — А впрочемъ, что же ей, такой тонкой и воздушной, и сдѣлать? Не сарафанъ же!

Мгновенно мелькнувшая въ ея головѣ мысль о сарафанѣ разсѣлила и развлекла ее. Она вышла въ столовую почти веселая, и позавтракала не безъ удовольствія. Даже и хорошо, что одна, не надо говорить, сдѣлать, спрашивать, — спокойно.

Еще сидѣла за столомъ, — звонокъ. Въ передней знакомый голосъ, — Клавдія. Юстина вышла къ ней.

— Въ ужасномъ безпокойствѣ, — съ переломомъ же словъ заговорила Клавдія, — не знаю, что и дѣлать. Братъ тоже обезпокоенъ, вадитъ по всему городу, ничего не можетъ узнать.

— Но въ чемъ дѣло? — спросила Юстина. — Пойдемте въ столовую, выпейте чаю, кофе и расскажите мнѣ, въ чемъ дѣло. — Нѣтъ, я на минуту, я думала, вы знаете.

Въ гостиной Клавдія сѣла на первый попавшійся стулъ, сказала обѣими руками судачку и повторила:

— Я ничего не могу сообразить.

Она была полная, высокая, здоровая дѣвушка, съ самымъ обыкновеннымъ, милымъ лицомъ, одна изъ тѣхъ, жгучихъ нутъ которыхъ кажется предвѣщающимъ

нѣмъ неизмѣнно, и выраженіе тревоги совсѣмъ не шло къ ея румяному лицу.

— Видите, въ чемъ дѣло, — заговорила она, собравшись съ мыслями, — у Марка Леонидовича несчастье, и его самого не могутъ нигдѣ найти, нынче ночью у него разгромили квартиру, а онъ ушелъ изъ дому сразу послѣ обѣда, зашелъ къ намъ, потомъ сказалъ, что идетъ къ вамъ, но домой не возвращался. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ у него на квартирѣ.

— У насъ онъ вчера не былъ, — сказала Юстина.

— Мы случайно узнали о томъ, что у него случилось. У него съ братомъ было какое-то общее дѣло. Надо было внести залогъ. Вчера братъ передалъ ему 28,000.

Они вдвоемъ пересчитали деньги, завернули ихъ въ газету. А сегодня рано утромъ братъ нашелъ у себя на письменномъ столѣ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они вчера укладывали деньги, три стуровлевки. Какъ онъ отбилъ отъ общей суммы, не понимаю, но по всѣмъ признакамъ, это было изъ тѣхъ денегъ. Братъ поскорѣ поѣхалъ къ Марку Леонидовичу, чтобы при сдѣлѣ денегъ не вышло какого-нибудь недоразумѣнія. Приѣхалъ, и засталъ ужасную картину, — двери открыты, дворники, полиція, все перевернуто: въ квартирѣ, оказалось, ночью были грабители. Матвѣя и Мirona связали, придушили подушками, такъ что ихъ нашли еле живыми, отправили въ

больницу. Швейцаръ говорить, что Маркъ Леонидовичъ домой не возвращался. При немъ были большія деньги, и мы съ братомъ очень боимся, не случилось ли съ нимъ несчастья.

Она вдругъ заплакала.

Юстина вспомнила, какъ за часъ до этого здѣсь услышала она слова:

— Успокойте Клавдію.

Подумала:

«А чѣмъ же я могу ее успокоить?».

Не знала, что сказать, и все-таки придумывала утѣшительныя слова. Сама не вѣрила тому, что говорила:

— Не волнуйтесь, Клавдія. Большое счастье, что его не было дома. Протали только деньги. А онъ самъ живъ и здоровъ, я увѣрена въ этомъ. Конечно, очень странно, что онъ не возвращался домой, но не надо всему придавать непрѣменно мрачную окраску. Можетъ быть, онъ узналъ о разгромѣ своей квартиры, и пока не хочетъ туда возвращаться. Потерпите до завтра, — завтра все выяснится.

Зачѣмъ сказала: «Завтра»? Но Клавдія повѣрила. Вдохнула, вытерла слезы. Сказала:

— Юстина, если вы такъ говорите, я не могу не повѣрить вамъ, вы умѣете видеть то, чего другіе люди не видятъ.

Простилась и ушла, почти успокоенная. А Юстина осталась въ смутной тревогѣ.

VI.

ТЕМНЫЕ НАМЕКИ.

Короткій зимній день уже клонился къ вечеру, а тѣло Бяленickaго все еще лежало на той же кровати, въ томъ же положеніи. Въ какомъ нашли его утромъ? Съ каке-

дымъ часомъ возникали новыя осложненія и затрудненія. Скоропостижная смерть на чужой квартирѣ уже и сама по себѣ доставила бы квартирохозяину, Беренникову, большія хлопоты и заботы. Но уже то, что подъ подушкою у покойника лежала крупная сумма, да и деньги-то чужія, назначенныя для срочнаго платежа, было первымъ крупнымъ осложненіемъ. А тамъ пошли и другія.

И вотъ съ утра въ тѣсной квартирѣ Беренникова толпились народъ, — дворники, швейцаръ, городовые, пристава, потомъ судебный слѣдователь и товарищ прокурора. Кромѣ того, какіе-то господа неопредѣленнаго вида шныркались съ кѣмъ-то въ прихожей и на лѣстницѣ.

Утромъ Беренниковъ нѣсколько разъ пытался звонить къ Лучинину. Отвѣчали сначала:

— Трубка снята.

Потомъ:

— Занято.

Потомъ къ телефону подошла Клавдія. Беренниковъ узналъ ее по голосу. Не рѣшился ничего ей сказать, даже себя не назвалъ. Смущенно говорилъ:

— Сергѣя Сергѣевича можно попросить къ телефону?

— Онъ сейчасъ только-что вышелъ. А кто его спрашиваетъ?

Беренниковъ былъ мало знакомъ съ Лучиниными, только изрѣдка встрѣчался у общихъ знакомыхъ, и потому ничего не было удивительнаго въ томъ, что Клавдія по голосу не узнала человѣка, который къ ней звонить неизвѣстно откуда. Вѣдь и Беренниковъ не столько узналъ ея голосъ, сколько по тону сообразилъ, что это — не горничная, а барышня стало быть. Клавдія.

Не отвѣчая на вопросъ, Беренниковъ говорилъ

— А когда Сергѣй Сергѣевичъ будетъ дома?

— Не знаю навѣрное. Позвоните часа въ два. Или скажите вашъ телефонъ, я передамъ. Вообще, можетъ быть, вы мнѣ скажете, что передать.

— Я самъ позвоно.

И поторопился повѣсить трубку.

А потомъ пришлось все время говорить, рассказывать, объяснять.

Когда, уже во второмъ часу, полицейскій врачъ окончилъ протоколъ осмотра тѣла, внезапно появились судебный слѣдователь и товарищ прокурора. Беренниковъ въ это время наскоро доѣдалъ принесенный ему изъ ресторана швейцаровымъ мальчикомъ бифштексъ. Слѣдователь и товарищ прокурора прошли прямо въ ту комнату, гдѣ лежалъ Бяленickaй, и Беренниковъ вошелъ туда уже послѣ нихъ.

— Вы изволите быть хозяиномъ этой квартиры? — спросилъ его съ чрезмѣрною, почти извѣстною вѣжливостью чернявый и худощавый молодой человѣкъ, весь тщательно выложенный и выутюженный.

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Я, — товарищ прокурора Темномъровъ. Извинюсь очень, что принужденъ васъ обезпокоить, но служебный долгъ выше всего. Я долженъ присутствовать при тѣхъ объясненіяхъ, которые вы будете любезны дать судебному слѣдователю. Позвольте познакомиться вамъ, — судебный слѣдователь Губановъ.

Почти такой же корректный и гладкій молодой человѣкъ, только съ рыжеватыми волосами, и не столь извѣстно деликатный,

а во всѣхъ отношеніяхъ попроще, судебный слѣдователь Губановъ пожалъ руку Беренникову.

— Будьте любезны дать намъ нѣкоторыя поясненія, — сказалъ онъ, присаживаясь къ рабочему столу. — Видите ли, мы бы васъ не поторопились обезпокоить сегодня же, но, къ сожалѣнію, скоропостижная кончина вашего хорошаго знакомаго осложнилась однимъ весьма прискорбнымъ происшествіемъ этою же ночью. Вамъ извѣстно, что случилось въ домѣ господина Бяленickaго?

— Ничего не знаю, — съ удивленіемъ отвѣчалъ Беренниковъ.

— Ну, объ этомъ потомъ. Будьте любезны присѣсть и познакомить насъ съ обстоятельствами, сопровождавшими смерть вашего друга.

Беренниковъ подробно рассказалъ все, уже извѣстное читателю. Слѣдователь обстоятельно записывалъ. Бумагу онъ досталъ изъ своего портфеля, и даже чернилъ отъ Беренникова не спросилъ, — принесъ съ собою вѣчное перо. Приставъ молча сидѣлъ въ углу комнаты.

— Гдѣ деньги? — спросилъ его слѣдователь.

Ведоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакція, съ крайнимъ огорченіемъ, должна извѣстить читателей, что изъ числа участниковъ коллективнаго романа выбылъ А. И. Бунинъ.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гитдича, Н. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Бодяновскаго, А. А. Измайлова и др.

УП. ЗА СТѢНОЮ.

Приставъ молча раскрылъ свой портфель и вынулъ, оттуда двѣ опечатанныя пачки.

— Эти самыя?—спросилъ слѣдователь Беренникова.

— Да, ихъ при мнѣ опечатывали.

— Теперь вотъ что,—задумчиво говорилъ Губановъ,—какъ же вы все-таки объясняете это обстоятельство, вотъ съ глинтвейномъ. Вы говорите, покойный отказался выпить приготовленный вами напитокъ. Сами вы его не пили. Господинъ Виленицкій, какъ вы говорите, отвернулся отъ предложеннаго вами напитка съ видимымъ отвращеніемъ. Утромъ же стаканъ оказался пустъ. Спрашивается, кто его выпилъ?

— Не могу понять, въ чемъ дѣло,—стѣблалъ Беренниковъ, пожимая плечами.— Думаю, что Виленицкій не сталъ бы пить. Можетъ быть, я самъ машинально выпилъ и забылъ объ этомъ.

— Такъ-съ, машинально,—задумчиво про- талнулъ Губановъ.

Хотѣлъ еще что-то спросить. Но затре- щалъ звонокъ телефона.

— Позвольте?—спросилъ Беренниковъ.

— Да, пожалуйста,—съ величайшею го- товностью отвѣчалъ Губановъ.

И, пока Беренниковъ говорилъ по теле- фону, повернулся къ приставу, спросилъ шепотомъ:

— Помилуйте, не въ первый разъ.

— Какъ насчетъ этого?

Приставъ подошелъ къ слѣдователю и тихо сказалъ:

— Докторъ Невѣровъ взялъ для анализа.

— Все въ порядкѣ?

Межъ тѣмъ, Беренниковъ говорилъ,—а Темномѣровъ прислушивался, дѣлая видъ, что задумался, и низко наклонивъ опро- бованную и гладко причесанную голову.

— Да, это я,—говорилъ Беренниковъ.— Да, я дома. Черезъ полчаса? Сейчасъ, одну минуту. Пожалуйста, подождите у теле- фона.

Опустивъ трубку на столъ и тихо сказалъ:

— Это говорить Лучининъ. Тотъ самый, чьи деньги. Спрашивается, можетъ ли онъ прѣхать ко мнѣ черезъ полчаса. Что ему сказать?

— Ну что жъ, это кстати. Пока мы еще кое-что выяснимъ. Попросите его прѣхать. Но лучше не говорите рѣзъ этому.

Губановъ движеніемъ головы показалъ на трубку.

Беренниковъ опять взялся за трубку. И тѣмъ особеннымъ тономъ, которымъ гово- рить въ телефонъ, сказалъ:

— Да, я буду васъ ждать. До скорого свиданія.

Темномѣровъ поднялъ голову, быстро взглянулъ на Губанова, словно приглашая его къ вниманію, и спросилъ:

— Будьте любезны сказать, какія тамъ: когда вы считали деньги, принималъ ли въ этомъ какое-нибудь участіе самъ Вилениц- кій?

— Но онъ былъ въ такомъ состояніи,— отвѣчалъ Беренниковъ.

Въ вопросѣ товарища прокурора было что-то неудовимо-напріятное. Беренниковъ

чувствовалъ себя такъ, какъ будто къ его пальцамъ прилипла паутина рѣзъ этихъ вте- ра сосчитанныхъ имъ денегъ.

— Да, конечно, послѣ такой прогулки,— согласился Темномѣровъ.—Но видите ли, въ этомъ случаѣ было бы правильно, если бы вы пригласили кого-нибудь присутствовать при счетѣ.

— Помилуйте, поздно ночью!—восклик- нулъ Беренниковъ.— Кого же бы я могъ пригласить?

— Совершенно вѣрно,—согласился Тем- номѣровъ.—Вы же не могли предвидѣть то- го, что случилось. Хотя то состояніе, въ ко- торомъ находился, по вашему сообщенію, Виленицкій, и могло внушать болѣзненныя опасенія, но всего предвидѣть невозможно, я съ этимъ согласенъ.

Отговорка «по вашему сообщенію» оиентъ не понравилась Беренникову. Онъ подумалъ: «Этотъ франтъ разговариваетъ такъ, точно долженъ каждый человѣка подозре- вать въ чемъ-то».

Темномѣровъ медлительными движеніями вытащилъ изъ бокового кармана своего ло- ко сроссннго ридингота серебряный порт- ситаръ, не снѣвъ раскрыть его, паучьиими лѣстами тонкихъ пальцовъ, слѣпкомъ вынулъ, слѣпкомъ бѣлыхъ, досталъ тонкую, длинную папиросу и, прежде чѣмъ закурить, сказалъ:

— Вы еще вотъ такъ могли бы посту- нить: записать результаты подсчета, попро- сить Виленицкаго удостовѣрить эту записъ его подписью, затѣмъ обѣ пачки опечатать и до утра спрятать въ какомъ-нибудь на- дежномъ мѣстѣ. Изъ вашихъ объясненій видно, что въ работахъ вашихъ и вашего брата есть элементъ нѣкоторой, такъ ска- зать, тайны. Можетъ быть, у васъ есть ка- кій-нибудь потайной шкафъ или ящикъ для хранения наиболѣе деликатныхъ, если мож- но такъ выразиться, частей вашей работы.

Беренниковъ досадливо покачалъ плечами. Сказалъ:

— Я имѣлъ дѣло съ порядочнымъ чело- вѣкомъ и съ моимъ хорошимъ знакомымъ. Мнѣ и въ голову не приходило принимать такіа предосторожности. Самъ Виленицкій— такой дѣловой и осторожный человекъ,— если бы эти формальности были необходи- мы, онъ о нихъ не забылъ бы.

— Я съ вами совершенно согласенъ,— отвѣчалъ Темномѣровъ,—но не слѣдуетъ за- бывать, что Виленицкій могъ очень плохо соображать въ этотъ вечеръ. Подъ подуш- кой, вѣроятно,—но, вѣдь у васъ есть же по- тайной шкафъ?

«Чего онъ такъ добивается?»—съ доса- дой подумалъ Беренниковъ.

Вынулъ изъ кармана маленькій стальной ключъ, подошелъ къ боковой стѣнѣ, снялъ висящую невысоко гравюру, изображав- шую Александра Македонскаго на конѣ Ахиллеса, и оказалось, что эта гравюра ма- скируетъ и безъ того едва замѣтную замоч- ную сувальду. Гости насторожились. Всѣ трое подошли къ стѣнѣ, и съ чуткимъ лю- бознѣтствомъ глядѣли въ открывшійся, вдѣ- ланный въ стѣну, небольшой шкафъ. Внизу шкафа и на двухъ полкахъ лежали пачки съ чертежами.

— Угодно просмотрѣть?—спросилъ Бе- ренниковъ, вынимая одну изъ пачекъ.

Темномѣровъ остановилъ его изысканно- любезнымъ жестомъ.

— О, не извольте беспокоиться. Пожа- луйста, закройте опять шкафъ. Въ его осмѣтрѣ нѣтъ никакой надобности. Надѣ- юсь, и не встрѣтитесь.

Въ передней послышался звонокъ. Берен- никовъ двинулся было открыть входную дверь, но Губановъ опередилъ его. Беренни- ковъ остановился. Подумалъ:

«Еще подумаютъ, что я съ нимъ пошеп- таться хочу».

Темномѣровъ сказалъ:

— Возможно, что это—господинъ Лучи-

нинъ.. Будьте любезны пригласить его въ ту комнату.

Беренниковъ вынулъ въ переднюю. Темномѣровъ спросилъ пристава:

— Вы озабочены перевозеніемъ тѣла?

— Да, я звонилъ.

— Когда?

— Да ужъ пора бы. Иду...

— Если при насъ прѣдутъ и мы будемъ въ той комнатѣ, то скажите.

— Слушаю-съ.

Беренниковъ и Губановъ вернулись. У Беренникова въ рукахъ было письмо.

— Ложная тревога,—сказалъ Губа- новъ.—Не господинъ Лучининъ, а всего только почтальонъ.

— Позвольте прочесть?—спросилъ Бе- ренниковъ.—Судя по штемпелю и по по- черку, это отъ брата изъ Москвы.

— Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, чи- тайте,—отозвался Темномѣровъ, неизмѣ- нно любезный.

Беренниковъ расечатывалъ письмо, и думалъ:

«Однако, долго ли они будутъ здѣсь тор- чать?»

Письмо было длинное, на восьми убор- стыхъ страницахъ, и интересное. Беренни- ковъ погрузился въ чтеніе.

Уже горѣла электрическая лампа, уже опущены были занавѣски на обоихъ ок- нахъ,—молчаливый приставъ, хотя и ка- зался неподвижнымъ, но успѣвалъ дѣлать многое.

— Занятная картинка,—тихо, но мно- гозначительно сказалъ онъ, показывая на гравюру, прикрывавшую потайной ящикъ.

Темномѣровъ и Губановъ подошли къ гравюрѣ. Приставъ сталъ рядомъ. Слегка постукалъ пальцами въ стѣну.

— Ага, занятно!—пробормоталъ Губа- новъ.

Всматривался въ рисунокъ, но глаза его были невнимательны. А слѣдами пальцевъ

онъ постукивалъ по стѣнѣ съ другой сто- роны гравюры.

— Да, Евгений Владиміровичъ,— ска- залъ онъ,— тонкая работа.

А уже паучьи пальцы Темномѣрова ша- рили и постукивали подъ гравюрою. Его тонкія губы передернулись язвительною ус- мѣшкою.

— Да,—говорилъ онъ,— сдѣлано не плохо.

Онъ повернулся къ Беренникову, и спро- силъ:

— Позвольте полюбопытствовать, что за стѣною.

Беренниковъ смотрѣлъ съ удивленіемъ.

— За стѣною?—переспросилъ онъ.— Да, право, не знаю. Никогда не задумы- вался надъ этимъ. Надо полагать,—чужая квартира.

А уже приставъ незаметно ступевался. Темномѣровъ продолжалъ спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, вы не замѣча- ли никакихъ пронажъ въ вашей квартирѣ?

— Не случалось,—отвѣчалъ Берен-никовъ.

— Ни деньги, ни вещи?

— Ничего не пропадало.

— Ну, да, это—охота по крупному звѣ- рю,—сказалъ Губановъ.

— Видите ли, господинъ Беренниковъ,— говорилъ Темномѣровъ,—квартира господи- на Виленицкаго ночью разграблена.

Беренниковъ почувствовалъ, что его го- лова кружится. Онъ сѣлъ, и смотрѣлъ на Темномѣрова неподвижными, испуганными глазами.

Ведоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Глѣдича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Боцяновскаго, А. А. Измайлова и др.

VII. ЗА СТѢНОЮ.

Беренниковъ почувствовалъ, что его голова кружится. Онъ сѣлъ и смотрѣлъ на Темномѣрова неподвижными, испуганными глазами.

— Когда вы говорили по телефону съ этою квартирою, тамъ въ это время хозяйничали непрошенные гости,—продолжалъ Темномѣровъ.

— Но какъ же?..

— Вамъ отвѣчалъ одинъ изъ грабителей. Такъ приходится заключить по соображенію времени. Очевидно, орудовала шайка, уже осѣдомленная о томъ, что въ эту ночь на квартирѣ Бяленицкаго лежатъ большія деньги, приготовленные имъ для внесенія въ казначейство въ качествѣ залога по порядку. Ну-съ, если эти господа были осѣдомлены объ одномъ, то не исключена возможность, что имъ было извѣстно и то, что при самомъ Бяленицкомъ находится крупная сумма. Стало быть, возможно похищеніе на ихъ кражу. Прислушайтесь.

Темномѣровъ постукалъ по стѣнѣ. Звукъ былъ глухой, какъ надъ пустотою.

— Понимаете, изъ сосѣдней квартиры могли къ вамъ проникнуть.

— Да вѣдь деньги всѣ цѣлы!—воскликнулъ Беренниковъ.

— Что-нибудь могло помѣшать грабителямъ,—отвѣчалъ Темномѣровъ.—Но это необходимо изслѣдовать. Понимаете, въ вашемъ же интересѣ. Надѣюсь, приставъ догадался позвать швейцара.

Съ этими словами Темномѣровъ обратился къ Губанову.

— Да,—отвѣчалъ Губановъ,—онъ очень толковый человѣкъ.

Въ передней слышались неловко топчущіе шаги. Вошли приставъ и швейцаръ, пожилой, болѣзненного вида человѣкъ, изъ солдатъ, но уже забывшій солдатскую выправку.

Темномѣровъ обратился къ нему.

— Скажите, швейцаръ, та квартира, что вотъ за этою стѣной, по вашей парадной?

— Никакъ нѣтъ, это съ другого подъѣзда.

— Значить, чтобы попасть въ ту квартиру, надо выйти на улицу и зайти съ того подъѣзда?

— Да, теперь оно точно такъ, съ того подъѣзда.

— Что значить, вы говорите, теперь? А прежде?

— Позвольте доложить, прежде была здѣсь одна квартира. Потомъ, когда старые жильцы съѣхали, хозяинъ отдѣлилъ эти двѣ комнаты, такъ, чтобы вышла, значить, отдѣльная квартира. Кухоньку выгородили, дверь на парадную пробили.

— Давно?

— Да какъ вамъ сказать,—какъ будто третій годъ. Вотъ какъ разъ имъ переѣхать. До господъ Беренниковъ никто не жилъ.

— А на той квартирѣ кто живетъ?

— Это, значить, за стѣною?

— Ну, да, за стѣною.

— А тамъ жили сначала генералъ Погорьльскій, а съ нынѣшней осени живутъ нѣмцы, баронъ Сельбинъ.

— Нѣмецъ съ русской фамиліей?

— Такъ точно,—господинъ Сельбинъ.

— Такъ. Не знаете, швейцаръ, баронъ этотъ теперь дома?

— Никакъ нѣтъ, тамъ никого нѣтъ. Ихъ, позвольте доложить, всего двое господъ было: баронъ и баронесса. Только баронесса съ мѣсяцъ времени уѣхала и вмѣстѣ съ горничною къ себѣ на родину, сказываютъ, за границу. Баронъ остался одинъ. При нихъ лакеи, тоже изъ нѣмцевъ. Вчера съ ночнымъ поѣздомъ они оба уѣхали по Варшавской.

— Нынче ночью?

— Такъ точно.

Темномѣровъ повернулся къ Губанову, который слушалъ молча и внимательно.

— Это начинается становиться интересно. Надо посмотрѣть. Какъ вы находите?

— Не мѣшаетъ,—отвѣчалъ Губановъ.

— Господинъ приставъ,—распоряжался Темномѣровъ,—пригласите понятыхъ. Составьте протоколъ осмотра. А вы, швейцаръ, устройте-ка такъ, чтобы эту дверь

аккуратненько открыть. Вѣдь она здѣсь должна находиться?

Онъ постучалъ по стѣнѣ около гравюры. — Такъ надо быть, что здѣсь,—перѣшительно отвѣчалъ швейцаръ.—Только, позвольте доложить...

Темномѣровъ нетерпѣливо перебилъ его: — Докладывать намъ нечего, а вы и-

полняйте то, что отъ васъ требуетъ слѣдственный судья по закону. Конечно, досадно, что приходится входить въ чужую квартиру безъ хозяина. Такъ на то и понятые существуютъ. Поняли?

— Такъ точно.

— Ну, такъ поворачивайтесь, да поживѣе. Если у старшаго дворника нѣтъ ключа отъ забитой двери, то гдѣ-нибудь по близости найдется слесарь.

— Ключъ долженъ быть. Старшій поинтересуйтесь.

— Ну, и отлично. Да поскорѣе.

Приставъ и швейцаръ ушли. Губановъ сказалъ:

— Подозрительный баронъ, который уѣзжаетъ какъ разъ въ ту самую ночь. Впрочемъ, капитанъ, вы, можетъ быть, его знаете?

— Первый разъ слышу,—отвѣчалъ Беренниковъ.

Его веселые всегда, круглые глаза погасли и сузились. Вдобавокъ ко всѣмъ волненіямъ этого дня вѣсть о разгромѣ квартиры Бяленицкаго совершенно потрясла его и онъ чувствовалъ себя совершенно ошеломленнымъ всѣмъ этимъ. Къ тому же полчаса давно прошли, а Лучинина не было. Уже не случилось ли еще новой бѣды? Все болѣе угнетало присутствіе неподвижнаго на братниной постели гостя.

Голова Береникова закружилась, лицо поблѣднѣло. Онъ глянулъ на Бяленицкаго, и ему показалось, что подъ свѣтлыми усами гостя замигалась улыбка; быть можетъ, потому, что на этомъ мертвенно блѣдномъ лицѣ скользнула тѣнь отъ шагаваго изъ угла въ уголъ Губанова.

— Извините,—сказалъ Беренниковъ,—я чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Я выйду въ ту комнату.

— Ради Бога, не стѣсняйтесь,—засуетился Темномѣровъ.—Я не понимаю, почему такъ долго не пріѣзжаютъ за тѣломъ. Вы знаете, у васъ вездѣ такая халатность. Пожалуйста, можетъ быть, вы захотите пройтись на свѣжій воздухъ, такъ очень

васъ прошу. Хотя хотѣлось бы при васъ произвести осмотръ, но если вамъ дурно, то ради Бога.

Такъ, осыпая Береникова любезными словами и увиваясь вокругъ него, Темномѣровъ проводилъ его въ другую комнату, усадилъ въ кресло, налилъ воды, потомъ отыскалъ вино.

— Простите, ради Бога, что я такъ безцеремонно хозяйничаю у васъ. Но, можетъ быть, глотокъ краснаго вина вамъ поможетъ.

— Благодарю васъ очень. Нѣтъ, вина я не хочу. Я посижу. У меня просто голова закружилась. Это пройдетъ.

Да, да, посидите, отдохните. Я понимаю, это не могло не подѣйствовать.

И Темномѣровъ съ преувеличенною деликатностью, на ципочкахъ, выбрался изъ комнаты и притворилъ за собою дверь. Оставшись наединѣ съ Губановымъ, онъ въ разительнымъ жестомъ широко повелъ плечомъ отъ подозрительной стѣны къ Бяленицкому, и вопросительно поглядѣлъ на Губанова. Тотъ утвердительно кивнулъ головою. Тогда, показавъ головою на дверь, за которою былъ Беренниковъ, Темномѣровъ тихо, почти беззвучно, спросилъ.

— А этотъ?

Губановъ пожалъ плечами, и пробормоталъ:

— Исторія мидянъ темна и непонятна. Беренниковъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, закрывъ глаза. Въ голову ударило коротенькое слово:

«Глинтвейнъ!»

Беренниковъ вскочилъ.

«Неужели они подозрѣваютъ, что я отравилъ его? Но вѣдь деньги-то цѣлы?»

За дверями слышенъ былъ шумъ и стукъ.

«Надо идти туда»,—думалъ Беренниковъ.—«Чортъ ихъ знаетъ что имъ вздумается!»

Когда онъ вошелъ въ свой рабочій кабинетъ, дверь въ сосѣднюю квартиру была уже открыта. Было много людей,—дворники, мужики какіе-то, субъекты въ котелкѣ. Приставъ сидѣлъ у стола и сосредоточенно царапалъ перомъ по бумагѣ.

Ведоръ Сологубъ.

(Продолженіе во вторникъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. С. Грина, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гидича, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Боцяновскаго, А. А. Измайлова и др.

VI.

Быстро прошли по сосѣдней квартирѣ, — и за другими, чувствуя неловкость и досаду, шелъ Беренниковъ. Швейцаръ съ другого подъезда, молодцеватый молодой унтеръ-офицеръ съ двумя медалями, былъ уже тутъ.

— Кто смотритъ за квартирою? — спросилъ Губановъ.

Видимо, его уже начало волновать то, что инициатива совсѣмъ перешла въ руки товарища прокурора, и онъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно.

— Я, ваше высокородіе, — бойко отвѣчалъ швейцаръ.

— Послѣ подъезда барона вы входили въ квартиру?

— Такъ точно, сегодня утромъ.

— Ничего подозрительнаго не замѣтили?

— Никакъ нѣтъ.

— Парадная дверь какъ заперта?

— На ключъ и на французскій замокъ.

Одинъ ключъ отъ французскаго замка баронъ съ собою взяли, другой у меня.

— Сколько же у васъ ключей?

— Два, ваше благородіе: простой и французскій.

— А черный ходъ?

— Ключъ у старшаго.

— Правильно. Потрудитесь открыть парадную.

Всѣ вышли затѣмъ-то на площадку. Обыкновенная петербургская площадка. Парадной шестого этажа, съ двумя дверями, и на каждой двери по мѣдной дощечкѣ. Беренниковъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на дощечку бароновой квартиры. На ярко очиненной мѣди сверкала крупная, широкою русскою прописью, надпись:

Баронъ

Самуиль Карловичъ

фонъ - деръ - Зельбень.

Какимъ-то неопредѣленнымъ воспоминаніемъ закружились въ головѣ Беренникова. Тутъ

онъ слышалъ эту фамилію? И какая странная, — точно псевдонимъ. Но такъ вдругъ опять разболѣлась голова, и мысли разбѣгались, и вдругъ даже забылъ эту фамилію. Захотѣлъ припомнить, и мучительно не могъ.

Всѣ вернулись въ квартиру. Губановъ официальнымъ тономъ обратился къ Темномѣрову:

— Не нахожу оснований произвести подробный осмотръ квартиры, но впредь до выясненія обстоятельствъ полагаю бы необходимымъ квартиру опечатать и наблюдение за цѣлостію печатей возложить на администрацію дома.

— Согласенъ, — такъ же официально отвѣчалъ Темномѣровъ.

— Господинъ приставъ, — сказалъ Губановъ, — потрудитесь вмѣстѣ съ понятными принять мѣры къ охранѣ квартиры.

VII. СТОРУБЛЕВКИ.

Усталый приставъ съ понятными торопливо и небрежно составлялъ протоколъ и накладывалъ печати. Беренниковъ, слѣдователь и товарищъ прокурора прошли во вторую комнату. За тѣломъ все еще не прѣзжали.

— Чортъ знаетъ, что за халатность! — досадливо сказалъ Губанинъ. — Надо позвонить по телефону.

Хотѣлъ было пройти къ телефону, но остановился, заслышавъ звонокъ въ передней. На этотъ разъ это былъ Лучининъ.

Опять открылъ ему Губановъ.

— Алексѣй Даниловичъ дома? — громко и взволнованно спрашивалъ онъ.

Беренниковъ вышелъ въ переднюю.

— Я васъ жду уже давно.

— Простите, меня такъ задержали. Дѣло въ томъ, что... Вы слышали, можетъ быть, какое несчастье?..

— Сергѣй Сергѣевичъ, — сказалъ Беренниковъ, — я знаю, кажется, больше, чѣмъ вы. Но не знаю, могу ли вамъ все сказать.

— Пожалуйста, отчего же! — выспался

Губановъ. — Если господинъ Лучининъ не знаетъ...

— Маркъ Леонидовичъ у меня, — тихо сказалъ Беренниковъ. — Но входите, пожалуйста.

Похожій на сестру, хорошо упитанный сангвиникъ, Лучининъ былъ видимо въ сильной тревогѣ. Разсказъ Беренникова онъ выслушалъ въ величайшемъ волненіи, бѣгая изъ угла въ уголъ, и восклицая:

— Боже мой, какое несчастье!

Губановъ сказалъ:

— Такъ какъ вы уже пожаловали сюда, то позвольте просить васъ дать намъ нѣкоторые поясненія. Вчера вы передали господину Бяленицкому нѣкоторую сумму денегъ.

— Да, двадцать восемь тысячъ. То есть, собственно, мы съ нимъ какъ-то поторопились, должно быть, и онъ унесъ отъ меня нѣсколько меньше.

— Да? Это любопытно. Будьте любезны разсказать.

Вчера около семи часовъ вечера Маркъ Леонидовичъ пришелъ ко мнѣ, какъ мы съ нимъ условились, за деньгами. Деньги были приготовлены, мы ихъ еще разъ пересчитали. Маркъ Леонидовичъ въ денежныхъ дѣлахъ человекъ въ высшей степени осторожный и аккуратный. Онъ не только выдалъ мнѣ расписку въ полученіи денегъ для внесенія ихъ въ залогъ, но и переписалъ номера всѣхъ бумажекъ. Я ему говорю: «Маркъ Леонидовичъ, вѣдь это же совсѣмъ ни ни что не надобно». «Ну, — онъ говоритъ, — мало ли что за ночь со мною можетъ случиться. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Если меня ограбятъ, то эта записка окажется не бесполезною». Составили мы эту записку въ двухъ экземплярахъ, одинъ у меня остался, другой онъ съ собою взялъ.

— А, это любопытно, — повторилъ Губановъ.

— Были сторублевки и пятиотрублевки. Довольно объемистая пачка, такъ что мы раздѣлили на двѣ равныя части, каждую завернули въ газету, перевязали, одну онъ себѣ взялъ, другую мнѣ оставилъ.

— Такъ, такъ, весьма любопытное указаніе, — говорилъ Губановъ, быстро записывая разсказъ Лучинина. Прошу васъ продолжать.

— Отъ меня онъ вышелъ въ девятомъ часу. Сказалъ, что идетъ къ Верещагину.

вымъ. Но оказывается, что тамъ онъ и былъ.

— А вы уже справлялись?

— Я съ утра былъ обезпокоенъ, вотъ по какому странному обстоятельству. Утромъ я вошелъ въ кабинетъ, чтобы написать одно срѣзное письмо. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы вчера считали деньги, вижу, лежатъ три сторублевки. Я удивился, — откуда? Вотъ тутъ-то и пригодилась аккуратность Марка Леонидовича. Я сталъ сличать номера сторублевокъ съ нашею записью, оказалось, что это изъ тѣхъ самыхъ бумажекъ, которые мы вчера, казалось, такъ тщательно увязывали... До сихъ поръ не понимаю, какъ это могло случиться. Теперь, конечно, мнѣ понятно, что уже и тогда Маркъ Леонидовичъ, должно быть, плохо себя чувствовалъ, такъ что могъ выронить эти бумажки. А я былъ настолько увѣренъ въ его аккуратности, что не слѣдилъ. Но утромъ, вы понимаете, я былъ въ полномъ недоумѣніи.

Очевидно, въ такомъ же недоумѣніи былъ сейчасъ круглоглазый капитанъ. Смотрѣлъ на Лучинина во всѣ глаза.

— Но позвольте, какъ же... — началъ было онъ.

— Виновать, — остановилъ его Темномѣровъ, — предоставимъ слово господину Лучинину. Не будемъ разрывать, если можно такъ выразиться, нити его повѣствованія. Пожалуйста, продолжайте, господинъ Лучининъ, все это весьма интересно.

— Исторія мизантъ... — пробормоталъ Губановъ, на минуту отрываясь отъ своего писанія и вскидывая на Беренникова глаза, въ которыхъ вдругъ вспыхнулъ острый огонекъ. Вспыхнулъ, но и погасъ тотчасъ же.

Лучининъ говорилъ:

— Да, собственно, ничего особенно интереснаго я не могу разсказать. Я, конечно, немедленно помчался къ Марку Леонидовичу, чтобы застать его раньше, чѣмъ онъ отправится въ казначейство. Но вы знаете, что я тамъ могъ увидѣть. Я весь день искалъ Марка Леонидовича. Звонилъ и къ вамъ, Алексѣй Даниловичъ, но не могъ дозвониться. А захватъ до сихъ поръ не догадывался.

Федоръ Сологубъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагородской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

УІІІ.

Дверь тихонько пріоткрылась. Выглянула сухая съ распутившимися за день бакенбардами голова пристава.

— Очень извиняюсь,—сказалъ приставъ,—не позволите ли вы мнѣ побыть пока здѣсь? Всѣ ушли, и тамъ съ нимъ немножко жутко. Усталъ за день, знаете ли, въ голову всякій вздоръ лѣзетъ. Даже показалось, что онъ такъ пальцами перебираетъ. Ей-Богу, намаешься за день, такъ нервы не лучше дамскихъ становятся.

— Ну, конечно, посидите здѣсь,—сказалъ Темномѣровъ.—А за нимъ еще все не пріѣзжали? Давно бы пора. Мы совсѣмъ измучили капитана.

— Я опять звонилъ. Говорятъ, что уже выѣхали.

— Долго ѣдутъ,—внезапно дурашливымъ тономъ сказалъ Губановъ.

Точно ему надоело быть серьезнымъ и захотѣлось во что бы то ни стало размяться душевно. Ободренный его ненавязчивымъ тономъ, приставъ заговорилъ тоже поживѣе:

— Они объясняютъ, что тамъ у нихъ первый разъ какая-то ерунда съ лошадьми вышла, какая-то поломка на дорогѣ. Пока вернулись, пока другой экипажъ закладывали, время и протянулось.

— Какая ерунда съ лошадьми?—недовольнымъ тономъ спросилъ Темномѣровъ.

Мгновенно подтягиваясь и съезжаясь, приставъ отвѣчалъ:

— Выновать, очень плохо было слышно по телефону. Телефонъ здѣсь надъ самымъ ухомъ у покойника, такъ что какъ-то неловко кричать слишкомъ громко и много переспрашивать.

— Ну, это, знаете-ли...—началъ и не кончилъ Темномѣровъ, всѣмъ выраженіемъ лица, тономъ голоса и позою показывая, что на службу онъ не признаетъ и не допускаетъ нервовъ и сантиментовъ.

— Такъ, такъ,—бормоталъ Губановъ, съ видимымъ удовольствіемъ обдумывая что-то.—Итакъ, капитанъ, вы обсчитались не въ свою пользу. Если бы не свидѣтельство господина Лучинина, то наследники Бяленницкаго могли бы требовать съ васъ вознагражденія недостающихъ кредитокъ.

Беренниковъ съ неудовліемъ развелъ руками.

— Я насчиталъ ровно двадцать восемь тысячъ.

— Такъ точно,—подтвердилъ приставъ,—при подсчетѣ оказалось ровно двадцать восемь. Позвольте-съ, у меня въ записной книжкѣ отмѣченъ подсчетъ. Вотъ, извольте видѣть: 47 бумажекъ по 500, составитъ 23 тысячи съ половиною, и 45 сторублевыхъ—четыре тысячи пятьсотъ. Итого ровно 28,000.

Губановъ и Темномѣровъ переглянулись.

— Считали при понятияхъ?—спросилъ Темномѣровъ.

— Помилуйте, какъ-же иначе!

— Протоколъ составленъ?

— Все въ порядкѣ.

Губановъ сказалъ официальнымъ тономъ:

— Считаю цѣлесообразнымъ, не вынося денегъ изъ того номинированія, гдѣ онѣ обнаружены, произвести при тѣхъ-же по возможности свидѣтеляхъ сличеніе номеровъ кредитокъ съ записью... Выновать, господинъ Лучининъ, записка удостовѣрена подписью Бяленницкаго?

Лучининъ молча порылся въ кошелекъ и досталъ сложенную въ восемь разъ бумажку. Губановъ осмотрѣлъ ее, передалъ Темномѣрову и сказалъ:

— Подпись есть. Придется приобщить бумажку къ дѣлу. Вы ужъ извините, господинъ Лучининъ, но намъ придется въ послѣдствіи удостовѣрить самый почеркъ покойнаго. Пока-же мы исполнимъ то, что можемъ. Позволите?—обратился онъ къ Темномѣрову.

— Я не имѣю возраженій,—отвѣчалъ товарищъ прокурора.

Приставъ вышелъ говорить со швейцаромъ, чтобы опять позвали понятыхъ. Губановъ сказалъ задумчиво:

— Пойдешь, думаешь, на часъ, проваляндаясь весь день.

— Долгъ службы,—мечтательно отвѣчалъ Темномѣровъ, любуясь выходящимъ передъ его лицомъ дымомъ папирсы.

— Мое присутствіе?—спросилъ Лучининъ.

Губановъ отвѣчалъ:

— На всякій случай не бесполезно. Вы согласны?

— Пожалуйста, какъ вы находите нужнымъ,—неизмѣнно корректно отвѣчалъ Темномѣровъ.

Приставъ вернулся. Губановъ обратился къ нему:

— Запись номеровъ, которая, по словамъ господина Лучинина, была при Бяленницкомъ, обнаружена при осмотрѣ его вещей?

— Никакъ нѣтъ.

— Ага! Тщательно осматривали?

— Помилуйте! Свое дѣло знаю.

Губановъ кивнулъ головою.

— Знаю, но спросить обязанъ. Вещи Бяленницкаго въ порядкѣ?

— Всѣ собраны вмѣстѣ.

— Пальто, шляпу, калоши не забыли?

— Какъ можно! Все вмѣстѣ, тамъ, при нихъ-же.

— Хорошо-съ, хорошо-съ,—бормоталъ Губановъ, выбивая пальцами по столу какой-то несладкій мотивъ.

Беренниковъ пытался припомнить, сколько какихъ бумажекъ было вчера въ его рукахъ. То казалось ему, что больше было сторублевокъ, то наоборотъ. Потомъ онъ сообразилъ, что этими въ сущности ненужными размышленіями онъ отлекаетъ себя отъ другой, большой и страшной мысли. И ему стало неуютно и тоскливо. Онъ думалъ:

«О, всѣ эти ясновидящіе и прорицатели, и идущіе въ бурю съ закрытыми глазами, подавшие бы отъ всѣхъ васъ! Намъ, простымъ людямъ, обывателямъ, совсѣмъ не по дорогѣ съ вами».

Но вотъ собрались понятые. За спи-
нами бородачей замелькалъ тотъ же светл-

вый вѣтлоскоп. Приставъ навлекъ изъ портфеля, съ которымъ не расставался ни на минуту, двѣ пачки. Съ множествомъ мелкихъ формальностей, очевидно, необходимыхъ, осмотрѣли, распечатали, сначала только одну пачку, стали сличать номера. Первая же взятая изъ пачки кредитка показала номеръ, котораго въ списокъ не было. Тщательно проглядыли всѣ 92 номера списка,—нѣтъ. Та же исторія со второю, съ третью, съ четвертою.

— Что же это значить?—въ недоумѣніи спрашивалъ Беренниковъ, округливъ свои и безъ того круглые глаза.

Губановъ усмѣхнулся.

— Одно изъ двухъ: или списокъ не тотъ, или бумагины подмѣнены.

Лучининъ извольнованно заговорилъ:

— Но позвольте, какая же мнѣ надобность представлять неточный списокъ?

— Очень извиняюсь,—отвѣчалъ Губановъ,—я же ничего не предпріаю. Это нашъ съ вами частный обмѣнъ мыслей. Притомъ же списокъ составляли не вы. Во всякомъ случаѣ, очень извиняюсь.

А самъ улыбался не безъ насмѣшливости. Вступился и Беренниковъ.

— Ну, а какой же смыслъ подмѣнять кредитки? Да еще подложить три лишнія?

Губановъ пожалъ плечами. Сказалъ безразличнымъ тономъ:

— Дастъ Богъ, узнаемъ.

Ботелокъ протиснулся къ круглому столу, на которомъ лежали деньги и приставъ писалъ новый,—который по счету?—протоколъ.

— Господинъ слѣдователь, позвольте полюбопытствовать, вотъ хоть этотъ кредитный билетъ.

Губановъ вскинулъ на него холодные вдумчъ глаза.

— Ваша фамилія?

— Выновать, Прягожій.

Губановъ усмѣхнулся.

— За фамилію вамъ извиняться не приходится.

Потомъ приставу:

— Запишите номеръ билета и предъявите господину Прягожему для осмотра.

Ведоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ө. Боцяновскаго, П. П. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

VIII.

Когда бумажка отутлилась въ рукахъ Пригожаго, котелокъ съехалъ совсѣмъ на затылокъ и красное лицо заслонилось еще больше. Всѣ смотрять на него и ждутъ, — лестное, чортъ возьми, положеніе!

И ужъ осматривалъ же онъ бумажку! И одной стороною поворачивалъ, и другой, и на свѣтъ, и подъ свѣтомъ ялоско, и малъ, и гладилъ, и шупалъ. Лицо его распывалось въ блаженную улыбку, и скоро весь онъ зашелся отъ восторга.

— Ну, что вы тамъ увидѣли?—рѣзко спросилъ Губановъ.

Пригожій восклицалъ восхищеннымъ голосомъ:

— А, а! Вотъ это работа! Вотъ это, я вамъ скажу, артисты! А, а! Ну, и какая же это работа!

— Вы находите, что бумажка фальшивая?

— Что значить «фальшивая»? Нѣтъ, эти люди знаютъ свое дѣло. Они имѣютъ право сказать: наши не хуже вашихъ. Ай, ай, ай, какая работа! Отдай все, да и мало. Прямотаки обезпечено всѣмъ достоинствомъ государства. Если, конечно, не совѣтаться къ людямъ тертымъ.

— А почему вы думаете, что это—подѣльный билетъ?

— Господинъ судебный слѣдователь,—весь расплюснутый восторгомъ, завизжалъ котелокъ,—всякій самый маленький винтикъ государственной машины, обязанъ знать свое мѣсто и свое предназначеніе. Въ данный моментъ, что такое я? Я—человѣкъ, живущій по близости, приглашенный, чтобы присутствовать при извѣстныхъ дѣйствіяхъ власти, и только. Развѣ же я экспертъ?

— Забѣмъ же вы суетесь въ экспертизу?

— Удостоверяю, что вижу. По долгу совѣсти говорю: доведись до меня, такой бумажки не возьму. Но, можетъ быть, я по глупости ошибаюсь? Что я могу знать? Развѣ же я граверъ или живописецъ?

— Можете не распространяться,—сухо остановилъ его Губановъ.—Господинъ приставъ, запишите. Дальнѣйшій осмотръ нахожу излишнимъ.

Къ Темномѣрову:

—Если вы ничего не имѣете противъ, я пишу постановление о препровожденіи обнаруженныхъ билетовъ на экспертизу въ экспедицію.

— Какъ вамъ угодно,—согласился Темномѣровъ.

Посмотрѣлъ на Береникова, и въ его глазахъ удивленный и встревоженный румяный офицеръ прочелъ несказанную мысль:

«Настоящіе деньги взяты, подѣльныя подожжены. Кто это сдѣлалъ, узнаемъ. Отъ насъ преступники не уйдутъ».

IX.

ПЕЧАТЬ НЕ УДЕРЖИТЬ.

Опять въ передней звонокъ. Открылъ швейцаръ. Вернулся и почтительно доложилъ Темномѣрову:

— За покойникомъ.

— Давно пора. Господинъ приставъ, будьте любезны присмотрѣть.

Приставъ вышелъ.

Губановъ, сутулясь надъ столомъ, писалъ постановление. Темномѣровъ сказалъ понатымъ:

— Кто еще не расписался на протоколъ?

— Да всѣ, какъ ись.

— Итанъ, благодарю васъ, тоспода.

— Можно идти?

— Пожалуйста.

Понятые потянулись къ выходу, неловко поталкивая другъ друга. Еще они не всѣ вышли, какъ вдругъ навстрѣчу имъ стремительно влетѣлъ приставъ съ перекосеннымъ лицомъ, взъерошенными бакенбардами и вытаращенными глазами.

— Исчезъ! — закричалъ рѣзъ отчаяннымъ голосомъ.

Губановъ оторвался отъ своего писанія и насмѣшливо глядѣлъ на пристава. Еще не осмыслилъ, что значить выкрикнутое приставомъ слово, и только любовался его смѣтеніемъ. Вообще, онъ любилъ видѣть полицейскаго чина въ трудномъ или смѣшномъ положеніи.

Темномѣровъ смотрѣлъ на пристава укоризненно:

— Въ чемъ дѣло? Что привело васъ въ такое возбужденіе?

— Покойникъ... покойника...—несвязно повторялъ приставъ, — нѣтъ, пусть, нѣтъ на кровати.

— Что такое?

У Губанова задрожали отъ неожиданности руки. Темномѣровъ потемнѣлъ. Понятые, не дожидаясь приглашенія, остановились.

— Однако, пойдѣте, — оказалъ Темномѣровъ, пожимая плечами.

Губановъ сунулъ недописанное постановление вмѣстѣ съ другими бумагами въ портфель, нервно схватилъ портфель подмышки, и быстро пошелъ къ двери. За нимъ Темномѣровъ, приставъ, Берениковъ, Лучининъ, понятые.

Остановившись въ дверяхъ комнаты, гдѣ лежалъ Бяленицкій, Губановъ оказалъ взволнованно:

— Проню пока никого сюда не входить, кромѣ товарища прокурора. Господинъ приставъ, наблюдайте, чтобы дверь была открыта, но чтобы въ комнату никто не входилъ.

Слѣдователь и товарищъ прокурора вдвоемъ, шагая осторожно, чтобы не сдвинуть возможныхъ слѣдовъ чужого вторженія, подошли къ кровати. Она была пуста. Одеяло откинуто. На подушкѣ — впадинка. Край перины примятъ. Коврикъ передъ кроватью сдвинутъ. Ящикъ ночного столика слегка выдвинутъ. Стекланная пробка изъ графина вынута. Въ стаканѣ — немного воды. Одежды, которая вся вмѣстѣ лежала на низкомъ креслѣ, придвинутомъ къ кровати, не видно ни на этомъ креслѣ, ни гдѣ въ комнатѣ. Не видно башмаковъ, ни шапки. Лампа на штепселѣ, стоявшая на рабочемъ столѣ, перенесена на ночной столикъ, и погашена, такъ что комната освѣщена только верхнимъ свѣтомъ. При ближайшемъ осмотрѣ перенесенной лампочки видно, что проводочки сломаны, какъ отъ сотрѣсенія. Стулъ передъ рабочимъ столомъ, который былъ отставленъ довольно далеко отъ стола, теперь стоялъ задвинутый сидѣньемъ подъ столъ. Похоже на то, что стулъ, стоявшій на прямой линіи между кроватью и дверью въ сосѣднюю квартиру, мѣшалъ кому-то идти или что-то нести, и потому былъ отставленъ.

По этому направленію и пошли.

Дверь пріоткрыта. Печать сломана, и обломки ея лежатъ на полу передъ дверью, немного въ сторонѣ, влѣво отъ двери, ближе къ окну. Обломки имѣютъ такой видъ.

какъ будто кто-то наступилъ на нихъ. Три куска почти равной величины, разбросанные одинъ отъ другого вершка на три, почти по прямой линіи, немного наискось къ окну. Створка двери обращена также къ окну. Кто вошелъ въ комнату изъ той квартиры, порвалъ шнурокъ печати, тотъ легко могъ наступить ногою на обломки и отбросить ихъ.

— Картина, кажется, ясная?—спросилъ Губановъ.

— Да, — тихо отвѣчалъ Темномѣровъ, — тѣло, повидимому, унесено черезъ эту дверь.

— Но какъ же мы ничего не слышали?

— Господинъ Пригожій своимъ шумнымъ восторгомъ развлекъ насъ.

— Опять придется протоколировать.

— Продиктуйте пристава.

— Нѣтъ, я чапашу.

Запротоколили, перешли въ сосѣдную квартиру.

Сразу же стало видно, что кто-то прошелъ черезъ квартиру. И очевидно было, что торопились. Иначе, какъ торопливостію, какъ бы можно было объяснить то, что въ двухъ комнатахъ остались не погашенными электрическія лампочки?

Кромѣ этихъ лампочекъ, въ самой квартирѣ ничто не указывало на недавнее вторженіе похитителей трупа. Только въ одномъ мѣстѣ край ковра былъ слегка отогнутъ, но не было никакого основанія думать, что это сдѣлано сейчасъ, а не вчера вечеромъ, при слѣбныхъ сборахъ на вокзалъ барона фонъ-деръ-Зельбена.

Признаки чьего-то недавняго посѣщенія обнаружались явственно въ прихожей. Входная дверь въ этой квартирѣ была двойная, съ хозяйственными полочками межъ правыхъ створокъ. Оно было и кстати, потому что баронеса была нѣмка хозяйственная, и собственноручно изготовляла маринады.

Теперь свободная створка внутренней двери была распахнута. На полу видѣлось темное пятно. Можно было бы подумать, — вѣдь дѣло пахло уголовщиною, — что это—пятно кровавое. Но объясненіе было болѣе простое и мирное: на одной изъ полокъ лежала на боку разбитая банка маринада, и изъ нея еще сочилась вишнево-алая жидкость.

Федоръ Сологубъ.

(Продолженіе въ субботу).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. О. Боцяновскаго, М. П. Габдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

IX.

Наружная дверь была захлопнута на французскій замокъ.

Темномѣровъ сказалъ:

— Возможно, что баронъ не такъ далеко ухалъ. Не думаю, что дверь отворена тѣмъ ключомъ, который оставленъ у швейцара: онъ производитъ впечатлѣнiе надежнаго и толковаго человека.

— Да, — сказалъ Губановъ, — наводить на размышленiя то, что ключъ отъ простого замка оказался потеряннѣмъ какъ разъ вчера. Мы сдѣлали промахъ: надо было не опираться наложенiемъ печатей, а вернуть въ дверь кольцо и повѣсить замокъ.

— Ну, — возразилъ Темномѣровъ, — изъ всѣхъ возможныхъ предположенiй трудно всего было предвидѣть, что кому-то понадобится захватить трупъ.

— Да, а вотъ именно самое невѣроятное и совершилось.

— Теперь вотъ въ чемъ вопросъ, — вслухъ разсуждалъ Темномѣровъ, — вынести трупъ на лестницу, оказывается, было не трудно. А дальше какъ? Внизу швейцаръ. Да и вообще переноска тяжелого тѣла по лестницѣ — дѣло не легкое. Думаю, что трупъ не вынесутъ изъ дома. Его спрятали гдѣ-то. У преступника должны быть здѣсь же, въ домѣ, сообщники.

— Да, — говорилъ Губановъ, — если трупъ спрятанъ здѣсь, то его могутъ ночью разрезать на куски, и по частямъ вынести. Необходимо будетъ установить наблюденiе.

— О, наши Инспекторы! — презрительно сказалъ Темномѣровъ. — Ужъ если изъ

тѣла, то еще легче дѣло у нихъ пойдетъ дальше.

Такъ разговаривая, слѣдователь и товарищъ прокурора прошли въ кабинетъ барона, и тамъ записали результаты осмотра квартиры. Было тихо, приставъ продолжалъ охранять дверь въ рабочiй кабинетъ Береникова, и они двое были одни въ этой квартирѣ. Однако, Губановъ пощипилъ голову, и сталъ совсемъ близко къ Темномѣрову, когда говорилъ:

— Унесли ли его, однако? Не спрятали ли онъ въ квартирѣ этого офицера?

Темномѣровъ пожалъ плечами, и усмѣхнулся. Сказалъ:

— Слишкомъ тѣсно тамъ, чтобы это было возможно.

— Во всякомъ случаѣ, — настаивалъ Губановъ, — мнѣ этотъ человѣкъ весьма подозрителенъ. По моему, здѣсь орудуешь шайка опытныхъ преступниковъ, и возможно, что гостеприимный хозяинъ имѣетъ къ ней какое-то касательство.

Темномѣровъ молча улыбался. Губановъ собралъ свои бумаги, и опять забормоталъ:

— Исторiя мидянь темна и непонятна.

Когда уже они подошли къ двери въ рабочiй кабинетъ Береникова, Темномѣровъ остановился, и тихо сказалъ Губанову:

— А знаете, я не безъ жуткаго чувства возвращаюсь въ эту квартиру. Все мнѣ кажется, что насъ ждетъ новый сюрризмъ.

— Да, ужъ и денегъ, — отвѣчалъ Губановъ. — Исторiя!..

И въ самомъ дѣлѣ, предчувствiе не обмануло Темномѣрова. Когда они вошли въ квартиру Береникова, сразу стало ясно, что случилось что-то совсемъ неожиданное. Тамъ же настороженно молчали стояли

нихъ въ переднѣй, растерянное, блѣдное лицо пристава, и еще что-то неуловимое во всей атмосферѣ, — все это сразу ударило по нервамъ.

Федоръ Сологубъ.

X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЧЕТВЕРГОВА.

— Слушайте, вы всѣхъ знаете. Что это еще за профессоръ Четверговъ?

— Видите, Марья Евстафьевна... У меня былъ его почеркъ. Изслѣдуя его интуитивно, а не такъ, какъ прочiе шарлатаны, въ лупу... Я свыше получалъ внушенiе... Мнѣ было безъ словъ сказано: это вождь-человѣкъ... Нѣтъ, не человѣкъ, а сверхъ-человѣкъ, отмѣченный судьбой... Желѣзная воля, рѣшительность... Ему открыто то, что...

Юстина замѣтила на лицѣ у Лемема, стоящаго рядомъ, мимолетную насмѣшливую улыбку.

Взяла его подъ руку. Отвела въ сторону.

— Меня очень занимаетъ Четверговъ. Что это за новая звѣзда на петроградскомъ горизонтѣ?

— Вы слышали сейчасъ Фейнберлика?

— Ну тоже... Онъ все и всѣхъ знаетъ. Общiй другъ, а встрѣтится съ такимъ и тотъ смотритъ на него съ удивленiемъ. Спросишь: вѣдь это вашъ прiятель? «Первый разъ вижу». Помните, какъ онъ почеркъ нашей кухарки принялъ за рукопись Петра Великаго?

— Видите ли: Четверговъ очень талантливъ и уменъ. Это его главный козырь. Второе — онъ долго жилъ въ Америкѣ и хорошо изучилъ тамошнихъ спиритовъ, иллюминатовъ, оккультистовъ. Но это не только не вождь, а въ полномъ смыслѣ продуктъ нашей раздвоенности, дробности и разрухи. Безвольный неврастеникъ и, какъ такой, можетъ быть порою опасенъ. Именно у неврастениковъ бывають проблески гениальности, но... Есть пѣвцы: начнешь — думаешь въ небо унести, — а на первомъ же верхнемъ «до» сорвется и такого пѣтуха пустить, что весь актъ на смарку. Мы съ нимъ встрѣчались...

далеко... въ Инди... и... въ другихъ мѣстахъ.

— Вы на его лекциі будете?

— Непременно...

И точно отъ быстро бѣгущаго облака мелькнула тѣнь на безстрастной маскѣ тонко очерченнаго, въ одномъ равнодушiи застыващаго лица.

— Онъ васъ интересуется?

— Своихъ враговъ надо знать.

— Онъ вашъ врагъ?

— Мой? Нѣтъ... Нашъ общiй, да. И ваншъ въ томъ числѣ. Это убѣжденный проповѣдникъ «трезвой» мысли приземливагося человѣчества. Никакихъ порывовъ въ высоту. Для него весь мiръ — въ рубежахъ пяти чувствъ и хирургическаго ножа. Иллюзiя зрѣнiя и слуха — вотъ его дѣйствительность. Она для него не раскалывается въ вѣчность и безконечность.

— Я пойду тоже... Завтра вѣдь. Мы вчера едва билеты достали.

Четверговъ, какъ лекторъ, попалъ въ хорошия руки.

Не было столба, угла, стѣны, откуда во всю свою кровавую пасть не орали бы во всеуслышанiе громадныя красныя буквы его афишъ. Стекла трамваевъ были залѣплены ими же. Въ газетахъ появились замѣтки. Дружественныя перья писали: «Пр. Четверговъ въ Америкѣ сорвалъ таинственное покрывало Иизды со святаго святыхъ тамошнихъ спиритовъ, показавъ тамъ сплошной узелъ невѣжественнаго обмана, преступнаго фокусничества и очень ловкой игры на расшатанныхъ нервахъ и вѣрѣ въ чудесное. У насъ талантливый лекторъ не ограничится этой программой. Онъ раздвинетъ ея рамки и коснется многихъ язвъ злополучной отечественной яви. Мы искренно привѣтствуемъ возвратъ профессора къ намъ. Добро пожаловать, г. Четверговъ».

За нѣсколько дней до лекциі всѣ билеты на нее были распроданы. Газеты подогрѣвали успѣхъ. Разсказывали, что въ дѣло вмѣшались оставшіеся безъ работы барышники и за входъ начали драсть вчетверо, а вънѣро, какъ за «Шалыпина» (это клише

стало общепоблажательнымъ). Къ профессору Четвергову посылались телеграммы и предложенiя изъ провинцiи повторить и тамъ его чтенiе. Наконецъ явился антрепренеръ, пожелавшій взять его на откупъ. За пятьдесятъ вечеровъ по всей Россiи — сто тысячъ. Задатокъ впередъ, желѣзныя дороги и отели — оплачены. Печать подхватила это и лекторъ сдѣлался героемъ дня. Одинъ изъ листковъ отпечаталъ на первой полосѣ откъсъ грязной подошвы съ надписью: «Алексѣй Евгенiевичъ Четверговъ».

Передъ самой лекціей — случилось странное. У Четвергова ночью побывали не званые гости. Онъ еще читалъ, лежа въ постели, и только — что хотѣлъ потушить свѣчу, какъ съ чернаго хода позвонили. Дома онъ не столовался. Держалъ старика лакея, спавшаго въ крохотной камнatkѣ рядомъ съ парадною дверью. Профессоръ зналъ, что того никакими набатами не разбудишь. Да и кухня была далеко. Четверговъ накинулъ на себя халатъ, сунулъ ноги въ туфли и вышелъ.

Звонокъ повторился.

— Кто тамъ?

— Срочная телеграмма. Профессору Четвергову.

Отодвинулъ засовъ, поднялъ крюкъ, отперъ замокъ.

Что-то смутное, большое (въ кухнѣ было темно, — богомольный лакей на ночь закигалъ тусклую лампаду передъ иконою), бокомъ вдвинулось и, не успѣвъ Четверговъ протянуть руку за депешей, какъ костлявые, сильные — ему показалось, желѣзные — пальцы схватили его за горло.

— Не очень-то свистокъ дави! Подожди еще.

Профессоръ забился... Его ударомъ кулака сбили на полъ.

— Только разинь хайло... мы тебя какъ блоху!

— Послушайте... Это же насиліе...

— Хотѣ и ученый, а дуракъ. Ступай впередъ.

— У меня и денегъ нѣтъ...

— Тамъ разсмотрѣть... Зажигай свѣтъ. У тебя гдѣ кнопка то?

Изъ-за спины «телеграфиста» выдвинулась незамѣченная сначала тонкая фигура. Даже ватное пальто не очень увеличивало ея объемъ. Мѣховой воротникъ былъ поднятъ. Шапка надвинута на лобъ, черные очки скрывали глаза.

— Не пугайтесь, профессоръ. Приемы моихъ помощниковъ нѣсколько грубы. Народъ дикiй. Но вѣдь кулаку — мозга не надо. Онъ повинуетъ чужому уму. Въ «Утопiи» Бельгарда будущему человечеству служить обезьяны. Свободные люди илотами не будутъ. Да и вы, кажется, я помню вашу превосходную статью въ «Вѣстникѣ опытнаго знанiя», говорите то же самое. Мнѣ прiятно, хотя и при не совсѣмъ обычныхъ условiяхъ познакомиться съ уважаемымъ авторомъ. Я очень жалѣю, что буду лишень высокаго удовольствiя слушать васъ послѣ-завтра. Но все равно, тамъ будутъ «наши». А они даютъ превосходные отчеты.

— Кто это ваши? — едва пришесть въ себя отъ удивленiя Четверговъ.

— Люди безъ предрасудковъ. Рыцари ордена — «Все можно». Не нынѣшніе анархисты, которые стыдятся точныхъ самоопредѣленiй, а истинныя послѣдователи стараго Прудона. La propriété est le vol. Пожалуйста, садитесь. Иначе и мнѣ придется стоять. Такъ вотъ очень жалъ, что я лично не могу присутствовать на вашей высокоинтересной, лекциі тѣмъ болѣе, что она касается и насъ.

— Почему.

— У васъ въ программѣ есть намеки на интеллигентныхъ воровъ, эксплуатирующихъ модныя суевѣрiя. Мнѣ кажется, вы мало знакомы съ этимъ подотѣломъ ордена «Все можно». И потому мы и рѣшились нанести вамъ ночной визитъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Содержание глав А. В. Амфитеатрова и Э. Н. Сологуба. Архитекторъ Вязникий случайно заходитъ пере почевать къ знакомому поручику Береникову и на утро найденъ на постели мертвымъ. Награбнувшее следствие устанавливаетъ сохранность бывшихъ при немъ довольно крупныхъ денегъ. Загадочная смерть осложняется страннымъ исчезновениемъ трупа. Какія-то слабо видны нити ведутъ отъ этого случая къ появившемуся на горизонтѣ Петрограда человѣку, съ фамиліей Лемэмъ, обладающему даромъ внушенія и съ большимъ любовью принимающему въ кружкахъ мистиковъ. Нѣкоторый свѣтъ на этого человѣка, повидимому, стоящаго во главѣ «общества 13-ти», готовъ пролить проф. Четверговъ, но въ каунтъ обѣщанной лекціи квартира его и самъ онъ подвергаются налету и обыску.

ХІ.

РУКОПИСЬ О ЧЕРТОВОЙ ДЮЖИНѢ.

Четверговъ мало-по-малу пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, отчего же? У меня собраны кое-какія данныя. Хотя очень немного. Но я освѣдомленъ о такихъ же подпольяхъ въ Америкѣ.

— Да?.. Вы, значить, еще не успѣли ознакомиться съ рукописью, присланной вамъ вечеромъ?—И онъ зорко впился въ проф. сора.—Ахъ, вотъ она сама. Раскрыта на второмъ листѣ. Ну, авторъ такъ много словенъ—едва ли вы дошли до сути... Вы позволите...

— Нѣтъ, пожалуйста, оставьте. Этого я допустить не могу.

— Эй, К сой, придержи... Извините, профессоръ, у каждъ и правильной организации выработаны свои способы воздействия. Не такъ сильно. Радъ кости ломать. Это не желѣзная касса, а многоуважаемъ й, нашъ извѣстный и т. д... Такъ вы разрѣшите? Красавецъ—возьми эту тетрадь... Да, смотри, береги пуще глаза. Ну, а теперь, ребята, остальное по вашей части...

Онъ вынулъ сигару.

— Разрѣшите?

По привычкѣ, въ оторопи Четверговъ погнулся къ спичкамъ.

— О, не извольте беспокоиться. У меня все съ собой.

Вынулъ золотую бензину зажигалку...

Откинулся въ кресло и полузакрывъ глаза.

— Вы не повѣрите, профессоръ, какъ тяжела наша специальность. Впрочемъ, всякое новое дѣло... Пока еще его наладили. Приходится самому заниматься всякою черною работой. На этихъ положиться нельзя. Вы, можетъ быть, во избѣжаніе напрасной порчи вещей не откажетесь указать имъ, гдѣ у васъ деньги и цѣнныя вещи?

— Деньги? Кто же ихъ держитъ дома? У меня рублей сто найдется. Остальное въ банкѣ. Да и то въ именныхъ бумагахъ...

— Я вамъ свѣтую Ленскія покупать. По моимъ свѣдѣніямъ, они шибко пойдутъ въ гору... И шары тоже... Недурны Лянозовскія.

— Часики тутъ хоть и золотые, только не важны... Полсигаръ. А только, чтобы стоящаго—ничего. Столовое серебро, которое безъ пробы. Должно быть, Фража эта самая.

— Ну, что-жъ дѣлать... На нѣтъ и суда нѣтъ.

— Часы мнѣ дороги... Это память отца...

— Знаете, профессоръ, сыновніе предразсудки больше всего держатся въ нашемъ косномъ обществѣ. И вообще для истинно-просвѣщенныхъ людей мы слишкомъ чтимъ память мертвыхъ. Но я уважаю маленькія слабости великихъ людей. Косой. Сколько ты выручишь за эти часы?

— На худой конецъ рублей шестьдесятъ.

— А на хорошій сто. Такъ вотъ получи...

Часы верни г. профессору.

Черные очки поднялись.

— Вотъ еще леворвертъ.

— Оружіе вообще запрещено. Не испанскій, а настоящій бельгійскій браунингъ. Простите: я у васъ никакъ не могу оставить. Да и вамъ держать у себя не безопасно. Вы вѣдь знаете, что такое наше подлое правительство. Найдутъ—пойдите потомъ доказывайте, что вы не верблюдъ.

— Могу я вамъ предложить вопросъ?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, разумѣется не нарушая моихъ обязанностей.

— Въ этой рукописи наверху въ скобкахъ: «Изъ архивовъ чортовой дюжины». А потомъ дальше: «наша чортова дюжина»... Что это за терминъ?

Черные очки пристально уставились на него.

— Дальше вы же прочли объясненіе.

— Нѣтъ, еще не дошелъ.

— Не дошли... Вѣрно такъ, покушеніе съ негодными средствами на остроуміе.

Уже за дверями на черной лѣстницѣ, когда Четверговъ лежалъ связанный на своей постели (— Вы меня простите, господинъ профессоръ... При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, мы все-таки должны принять свои мѣры предосторожности), черные очки обратились къ Косому.

— Счастливъ его Богъ.

— А что.

— Не читалъ. А то бы тебѣ пришлось взяться за «грязное дѣло».

— Его и принять пустое... Сквозной весь. Отъ вѣтра за нимъ не спрячешься. Продуваетъ. Хохленькій воробушко.

— Да, но большихъ талантовъ человѣкъ.

— Это намъ ни къ чему. Мы не грамотные. Наплевать.

Въ вечернихъ газетахъ Петроградъ былъ оповѣщенъ о ночномъ нападеніи на профессора Четвергова. Сообщалось, что онъ заболѣлъ отъ нервнаго потрясенія. Лекція откладывалась на недѣлю.

На другой день въ обоихъ черносотенныхъ листкахъ появилось злобное примѣчаніе къ передпечатанному извѣстію:

«Мы надѣемся, что это только поможетъ успѣху лекціи почтеннаго ученаго, котораго мы отъ души поздравляемъ съ благополучнымъ окончаніемъ если и непріятной исторіи, то все-таки еще разъ намоминающей широкой публикѣ о существованіи г. Четвергова».

Въ другой было еще откровеннѣе:

«И слава Богу, что все обошлось такъ легко. По крайней мѣрѣ, и полиціи меньше хлопотъ. А то выбивайся изъ силъ, ищи похитителей невѣдомыхъ рукописей. Подумаешь, какіе завелись у насъ Рокамболи. Теперь можно впередъ сказать—подогр тая публика по самую крышу наполнить аудиторію. Въ XX вѣкѣ живемъ, ребята. Реклама, такъ реклама. Трещите, обывательскіе затылки. «Интересно: догадается ли «не признающій ни Бога, ни чорта» г. Четверговъ отслужить благодарственный молебенъ? Разумѣется, съ предарительнымъ объявленіемъ въ газетахъ, дабы всѣ его поклонники могли устроить маленькую демонстрацію своему мужественному вождю... Вождю и страдальцу».

«Безпартійные врачи, съ которыми мы бесѣдовали, успокоили насъ: первое потрясеніе г. Четвергова, не грозитъ его драгоценной жизни. Нѣсколько капель валеріаны, и онъ будетъ прыгать, какъ гуттаперчевый мячикъ».

Нѣкоторые изданія послали сотрудниковъ къ профессору неврологическаго института, лечившему Четвергова. Тотъ далъ обстоятельный отчетъ о ходѣ его болѣзни.

«Здоровье моего ученаго друга давно потрясено возней съ всевозможной чертовщиной, однимъ изъ главныхъ противниковъ которой онъ является. Вѣдь черные маги въ долгу не остаются и даромъ такая борьба нервнымъ и впечатлительнымъ людямъ не дается. Особенно въ первомъ періодѣ сомнѣній и колебаній, пока изслѣдователь не придетъ къ положительнымъ результатамъ, и т. д.».

Къ назначенному дню лекторъ оправился. Громадный залъ дѣйствительно весь на-

полнился слушателями. Стояли позади и въ проходахъ. Многимъ отказывали, утѣшая ихъ: лекція будетъ повторена.

Юстина сидѣла во второмъ ряду съ Марьей Евстафьевной.

Изъ первого всталъ и обернулся къ нимъ Лемэмъ. Слушатели пристально и встревоженно всматривались въ него. Почти всѣ знали, что онъ—одинъ изъ главныхъ рычаговъ оккультныхъ теченій у насъ и, по невѣжеству отождествляя его со спиритизмомъ, вѣрили всевозможнымъ чудесамъ, будто бы совершавшимся въ его присутствіи.

На дняхъ онъ вызвалъ тѣнь Александра III, и тотъ предсказалъ неизбежную гибель Россіи, а передъ тѣмъ въ темную залу сеанса ворвался въ бурномъ вихрѣ давно позабытый Врутъ и опрокинулъ мраморную статую Петра I-го. Лемэмъ, слыша объ этомъ, презрительно шурилъ загадочные глаза и молчалъ. Когда ему надоѣдали, онъ ронялъ небрежно: «Они меня, вѣрно, за Гузика принимаютъ».

Юстина нервничала.

Ей опять слышалось отовсюду необъяснимое.

Передъ самымъ выходомъ профессора она приподнялась и рѣзко спросила Лемэма:

— Это вы сказали?

— Что?

— Да все то же.

Видимо, стѣснялась опредѣлить точнѣе.

— Простите, Юстина Евстафьевна, я не всѣ загадки умѣю разрѣшать.

— Да, все та же... дюжина...

Лемэмъ опустилъ вѣки.

— Вы же видѣли, что я говорилъ съ вашей сестрой...

— Странно, послѣднее время—точно молотками стучать въ мою голову. Или въ ней самой эти голоса...

Въ залѣ раздалась рукоплесканія. Лемэмъ обернулся и сѣлъ. Къ кафедрѣ неловко, точно развѣченный, ш. лъ Четверговъ. Первое лицо профессора дергалось и застѣнчивая улыбка изъ-подъ блѣдныхъ усъ отвѣ-

чала на единодушный привѣтъ слушателей. Встрѣтивъ пристальный взглядъ Лемэма—онъ вздрогнулъ и вопросительно остановился на немъ, но тотъ уже заперъ глаза и точно весь ушелъ въ себя. Четверговъ быстро, точно его подняла осторожная сила, вскочилъ черезъ двѣ ступеньки на трибуну, торопливо налилъ стаканъ воды и, чуть коснувшись губами, расплескалъ ее.

— Волнуется, — слышалось въ залѣ. Аудиторія любитъ, чтобы на первыхъ порахъ ее болели.

Она еще больше настраивается въ пользу лектора: знай нашихъ и мѣ-де не лыкомъ шиты. И чѣмъ она невѣжественнѣе—тѣмъ это сильнѣе: безграмотству и глупости любезны оторопь ума и образованія. Толпа хоть на минуту должна себя чувствовать выше, чтобы ей легче было распахиваться своими восторгамъ потомъ.

— Опять! — проговорила Юстана.

— Что съ тобой? — недовольно спросила Марья Евстафьевна.

— Вся зала полна флюндами... а слышу: мы здѣсь, мы здѣсь. И это проклятое «чортова»...—и не окончила.

Лемэмъ круто обернулся.

И злобно (на него это было такъ непохоже) заострившимися глазами взглянулъ въ глаза Юстинѣ, точно пригласилъ: молчи.

Она трепетно подалась и только нѣсколько мгновеній спустя шепнула сестрѣ: «Я скоро буду его врагомъ».

Тотъ угадалъ и повелъ влечамъ.

Вас. Немировичъ-Даниченко.

(Продолженіе слѣдующ.)

Поправка. Вчера, по недомыслию, въ главѣ X главы вѣдалась досадная опечатка: напечатано «заключеніе проф. Четвергова», въѣсто: «заключенія проф. Четвергова».

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XII. ИСКАНИЕ ЧУДА.

Четверговъ быстро взялъ себя въ руки.

Началь онъ неуверенно. Приступивъ къ тому, что звучало помимо его воли въ его душѣ въ неровныя паузы. И вдругъ заговорилъ твердо, властно, рѣшительно. Точно наступилъ на поверженного врага и высоко поднималъ надъ нимъ побѣдный мечъ. И самая рѣчь его послѣ какихъ-то заискиваний, отступлений, сбивавшаяся сначала съ мажора на миноръ, ослышалась, загорѣлась яркими красками и полилась свободная и неудержимая, какъ рѣка, прорвавшая нежданная плетены. Точно отъ времени-до-времени онъ то ошалошео, то вдохновенно поглядывалъ на Лемэма. Тотъ оставался спокоенъ. Пока его все это не касалось.

— Наша Россія—удивительная страна баснословныхъ возможностей и такихъ неожиданныхъ, которыя могутъ пригрезить и развѣ только паранормальнымъ сумасшедшаго дома.

Историкъ, пронырливый во всѣхъ событіяхъ отыскивалъ общую связь, логику причинъ и послѣдствій, событія съ толка. Какъ имъ разоблачались въ нагроможденныхъ нами пережиткахъ, въ горделивыхъ узлахъ, наизысканныхъ таинственныхъ не отъ міра сего силъ? Цѣлыя вороха случайностей проделаннаго творчества измѣренія, ворвавшихся въ нашу душу и неуразумную для насъ чуждую волю об-

Наша доблестные офицеры и солдаты не испугались.

— Сейчасъ боевая сила—весь народъ. Онъ безропотно умираетъ въ сырыхъ, мерзлыхъ окопахъ и бьетъ врага, когда съ этихъ Микулъ Селениновичей сбрасываютъ пути и раздвигаютъ передъ ними непонятныя рога. Все колебанія и сомнѣнія—позади. Тамъ въ протоплазму закишеннаго строя вливаются изъ лопочущихся гноевиковъ ядовитыя соки. Величается и бродитъ трушный ядъ.

Съ великодушіемъ, бодростью, несравненно отвагою однихъ—божь-о-божь рыхлая мерзость, колебанія и вопли, ужасъ и недоверіе всей этой тыльной плѣсени, благополучной въ своей недостижимости. Преподатели и мерзавцы ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, дорогихъ ресторановъ и глуши демагогическаго фанатизма слѣпой доктрины. Они готовятъ въ политическомъ подпольѣ адепты дружины, чтобы разрушить и предать родину. Предать за чечевичную похлебку своего краткаго торжества и имъ грозящаго гибелью на пустомъ мѣстѣ...

(Онъ круто повернулся направо, гдѣ сидѣлъ Лемэмъ, точно говорилъ въ упоръ ему.)

— И среди нихъ, — да, — среди сегодняшнихъ кумиры оторванныхъ кликушъ. Провозвѣстники новыхъ вѣрь, странники по невѣдомымъ мірамъ, по съ берлинскою подорожную. Они подъ шумокъ, весьма основательно творятъ здѣсь свое измѣнительское дѣло. Въ чаду спиритическихъ сеансовъ, въ туманахъ теософическихъ проблемъ—мистическіе фантомы, строители таинственныхъ кораблей. У нихъ и простыя и титулованныя, и гильдейскія Мессалины сочетаются съ извозчиками и дворниками, мистики сплелись съ ворами и шпионами. Пророки изъ антикварскихъ лавокъ Бригъ-а-Бригъ...

Лемэмъ—приподнялся и широко открылъ глаза на лектора, но тотчасъ же ушелъ въ самого себя).

— Во всѣхъ этихъ обитателяхъ разныхъ созвѣздіи, сбитыхъ но не слитыхъ въ одно цѣлое желѣзнымъ обручемъ русской границы есть одна общая черта. Это особенно ярко представилось мнѣ, когда въ московскомъ Большомъ театрѣ я слышалъ одну изъ лучшихъ оперъ Римскаго-Корсакова: «Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ». Передо мною были настоящие былинныя богатыри. Ражіе медвѣди отечественныхъ добрей. Кажется, всякій изъ нихъ хомутъ выпрямить, здоровую ель вывернуть съ корнями, плечомъ любия кованнаго желѣзомъ ворота выпреть. Жить бы да радоваться, а пришла бѣда—грудись передъ ней некрушными силами. Пусть попробуетъ она сбить съ ногъ этакій богатырский эпосъ. Только кликну кличъ къ сосѣдямъ, чтобы заодно становились на страду въ мірскомъ дѣлѣ. Каждый за всѣхъ и всѣ за каждымъ. А какъ удѣльно-вѣчева такъ и послѣ-петровская Русь, только однимъ жила и живетъ.

— Вѣрою въ чудо (выкрикнулъ онъ), ожиданіемъ чуда, мольбою о чудѣ. Въ чудѣ все будущее, чудо—спасеніе, чудо—покрова, чудо—побѣда. Никакой вѣры въ собственную силу огрудившихся сосѣдей. Нѣтъ чуда—значитъ пришла бѣда, отпирай ворота. Не замыкай ихъ, не подопри богатырскимъ плечомъ, а именно настѣжь: пожалуйте, дорогіе вороги, правити и вродѣти нами. Тысячу лѣтъ жила великая страна, разрослась отъ полюса чуть не до тропиковъ, въ ста восьмидесяти миллионахъ считаетъ себя ея способный и могучій народъ. Какихъ только яркихъ страницъ не вписали въ его исторію гениальныя самородки. Съ любымъ конгломератомъ мировыхъ державъ онъ мѣрялся своими полководцами,

писателями, поэтами, учеными, художниками, композиторами—могъ бы носить голову высоко... Но...

(Опять загнулся, выдержалъ паузу и еще истеричнѣе завопилъ).

— Но и вездѣ и во всемъ онъ ждетъ чуда, рассчитываетъ на чудо и только на чудо. Мускулы—стальные пружины, грудь—на громадномъ его просторѣ воздуху не хватить, глаза зоркіе видятъ недоступныя другимъ дали отъ Балтики до Великаго океана. Ухо слышитъ какъ трава растетъ. А ему никакъ безъ властной палки или милости Николая Угодника не обойтись. Не вѣдай-ся Серафимъ Саровскій—погибнетъ сирота Казанская. Изстари у насъ бродяги цѣлыя царства завоевывали, пока не уперлись лбами въ полярныя льды. Скажутъ царства эти были полуидіи. Такъ вѣдь и онъ самъ, этотъ удивительный народъ не Богъ вѣсть какимъ культуртрегеромъ оказывался. Вѣдь только отойди онъ прочь отъ исканія чуда, расслабляющаго его умъ и земскую неизбывную силу,—нѣтъ такого рожна на свѣтѣ, которое задержало бы его побѣдный ходъ къ завѣтнымъ цѣлямъ. Повѣрь онъ въ себя, только въ себя и никакого чуда ему не понадобится. И порядкомъ установится безъ всякаго рода варяговъ и лѣмцевъ и все у него окажется подъ руками. А онъ, какъ во святомъ градѣ Китежѣ, глушитъ невѣроятными баснями и фортиссимо осатаившаго оркестра: «Дайте чудо, пошлите чудо, спасите насъ жалкихъ, малыхъ и глухихъ рабовъ чудомъ». Но Римскому-Корсакову и народнымъ сказаніямъ чудо явилось. Да, вѣдь, легенда—одно, а былъ—другое.

Чуда нужно ждать не со стороны. Не изъ областей четвертаго измѣренія, а творить самому. Оно въ нашей природѣ, въ мысляхъ, въ волѣ, въ здоровыхъ мускулахъ. У кого

есть эти три,—остальное: и усѣхъ, и побѣда, и свобода приложатся сами. Нечего въ волшебномъ лѣсу сидѣть на пнѣ и пѣть заклятія и гимны или съ стороны и слышать, какъ это дѣлаетъ подувѣтрившій Кутерьма, отшлысывать, что то мистическія неуразумное. Оглянитесь: сколько вѣковъ ожиданіе чуда мѣшало намъ жить. Голову нельзя было приподнять надъ тихими Свѣтлоярмами, въ которыхъ до страшнаго суда упокоятся сказочныя грады Китежи, чтобы по этой головѣ не ползали всѣяе гады. А то дождемся и до того, что выгнаты въ нихъ изголодавшееся зарубежное жарное воронье стальными когтями. Забѣтъ насъ нечисть пагубная и погонитъ чудолобовъ въ такіе застѣйки, изъ которыхъ только два пути—на живодерню или въ могилу...

Въ самомъ дѣлѣ...

(И онъ опять круто повернулся къ Лемэму.)

— Кого мы только не слушаемъ, не терпимъ въ своей податливой протоплазмѣ. Развѣ къ намъ не появляются—и какъ часто—гениальные шаманы. Разсмотрите на ихъ бубнахъ ослиную шкуру—нѣтъ ли тамъ клейма «made in Germany»... Чудотворцы и лгуны—они между нами развелись чертовыми дюжинами. Я задался цѣлью—гласно разоблачить ихъ поганую игру. Судьба дала мнѣ въ руки ихъ крапленныя карты... Лекторъ загнулся.

Лемэмъ вдругъ рѣшительно зааплодировалъ. Зало подхватило и рукоплесканія долго не смолкали.

— Bravo, bravo... — Последнимъ закончилъ Лемэмъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, Н. П. Глѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Профессоръ Четверговъ выступилъ на лекціи противъ темныхъ силъ, ведущихъ Россію къ гибели. Многие изъ своихъ намековъ онъ, повидимому, непосредственно обращаетъ къ присутствующему въ залѣ Леммю. На самомъ ответственномъ мѣстѣ лекціи онъ вдругъ заикается, точно поддаваясь какой-то вѣщей присутствующей силѣ.

XIII.

АДАМОВА ГОЛОВА.

Лекторъ заикнулся, встрѣтилъ, какъ стрѣлу, сверлившій его взглядъ Леммы.

Хотѣлъ отвернуться и не могъ.

— Вся эта восточная мистика на лисьемъ мѣху...

И спитъ оборвался. Какія то судороги исказили его блѣдное, исхудалое лицо...

— Да, вся эта восточная...

И точно его ударили. Обернулся, вскинулъ руки...

— Что такое... Кто это крикнулъ мнѣ. Съ какой стати?

Аудиторія вспокоилась, зашумѣла.

И какъ разъ въ эту минуту открылась дверь.

Торопливо вошелъ сторожъ.

— Извиняюсь, господинъ профессоръ. Приказано сейчасъ передать, экстренное.

Четверговъ взялъ письмо, разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ первыя строчки...

Схватился за каведру, точно боясь упасть. Мутными глазами окинулъ публичку и кесибюющимъ языкомъ:

— Простите... Прошу перерыва... на полчаса... только на полчаса...

Понесъ въ комнату для лекторовъ, разрывая на ходу почтовый листъ въ мелкіе кусочки и шатаясь... Вотъ-вотъ грохнется на полъ.

Всѣ заволновались, бросились за нимъ, но двери туда были уже закрыты изнутри.

Лемма между другими поступался. Уронилъ мѣховую шапку. Къ ней точно пристаю что-то бѣлое. Спряталъ...

Аудиторія опять садилась на мѣста.

Другіе собирались въ группу. Тревожно интересовались: что съ Четверговымъ?

— Какое письмо? Тутъ неспроста...

— У профессора вѣрно враги...

— «У Карла есть враги», — фальшиво запѣлъ кто-то. Сейчасъ и враги. Просто усталъ. Вѣдь вонъ какой истомленный! Еле еле душа въ тѣлѣ. А тутъ еще случай этотъ. Почтой падеть.

— Вотъ тебѣ и безъ Николая Чудотворца обошелся, — насмѣшливо пробасилъ въ углу отецъ дяконъ въ щегольской рясѣ...

— Это его Серафимъ Саровскій ушибъ, поистомъ точно невѣсть какую тайну передала ему старая, выживѣвшая барыня.

Кому то пришло въ голову:

— А цѣль письмо?

Начали искать — ни одного клочка.

— На подонвахъ угасилъ, — сообразилъ отъ дяконъ. — Посмѣйся еще надъ чудомъ.

Прошло полчаса... Дверь не открывалась...

Аудиторія начала опять волноваться. Нѣкоторые хотѣли пробраться къ профессору въ другія двери изъ коридора и, вѣсившись, растерянно объявили:

— Господа, Четвергова нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!

— Сторожа говорятъ: вышелъ съ какой-то дамой. Сильная брюнетка, соросъ изгана. Она поддерживала его. Онъ за нею точно шелъ нехотя, но какъ будто не могъ не идти. А швейцару сказали: Сейчасъ вернусь.

— Какая дама?

— Она ему и письмо привезла. Ужъ очень все было странно и необыкновенно. Вѣрно, поэтому и врѣзалось въ память. Швейцаръ, напримѣръ, увѣряетъ, будто Четверговъ обернулся къ ней: «Сударыня, — я вѣдь васъ совсѣмъ не знаю. Не встрѣчалъ никогда». А потомъ она нѣсколько разъ повторяла фамилію Бяленникова. Швейцара особенно поразило. Онъ только на-дняхъ прочелъ о Бяленниковѣ въ газетахъ. Можетъ быть, потому и запомнилъ. Подсадилъ ихъ въ автомо-

билъ и, получивъ четвертную на чай, успокоился. Деньги ему она дала.

Юстина сидѣла, схватилась за голову. Ея тонкіе и длинныя пальцы впились въ виски.

Пойдемъ, у меня сегодня яростъ... Я этого, Кузовлева, что съ французскаго фронта пріѣхалъ, показываю... торошили сестру Марію Евстафьевна. Она уже встала и ждала въ проходѣ.

— Погоди... Странно, я ничего не вижу. Слушайте, Лемма. Какой вы клочокъ взяли вмѣстѣ съ шапкой.

Тотъ пожалъ плечами.

— Такъ, чепуха какая-то символическая. Теперь вѣдь въ ходу таинственные знаки. Вотъ:

А самъ сосредоточилъ на ней всю повелительную силу завораживающаго взгляда.

— Странно... Я ничего не вижу... Точно туманъ... Нѣтъ. Жукъ какой-то... Остроносый...

Лемма подсадилъ Верховлапцеву въ щегольской лимузинъ... Юстина сдвинула стекла. Марія Евстафьевна протянула ему руку, кокетливо отвернувъ перчатку.

— Вы, разумеется, вечеромъ у меня?

— Развѣ сегодня ужинъ тринадцатый? удивился онъ.

— Нѣтъ... У меня новинка.

— Опять демонстрируете кого-нибудь?..

— Да...

— Не успѣю. Я сегодня долженъ быть на сеансѣ у Городцова.

— Министра?

Онъ шевельнулъ бровями. Безъ словъ отвѣтилъ: Развѣ для насъ съ вами существуютъ другіе.

Верховлапцева такъ и поехала... Откинулась и, закрывъ глаза, вся ушла въ созерцаніе своего величія.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, П. П. Гудьича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Кемривича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Профессоръ Четверговъ не смогъ окончить лекціи. Онъ получилъ записку съ таинственной эмблемой, взошедшей и къ общему изумленію сошелъ съ кафедры и скрылся изъ залы. Среди присутствующихъ произошло замѣшательство. Лемэмъ успѣлъ поднять брошенную Четверговымъ записку.

XIV.

МИНИСТРЪ ГОРОДЦОВЪ И ЕГО ГОРИЗОНТЫ.

Грузный отекшій министръ тяжело двинулся по кабинету.

Расторопное «особое порученіе» умѣвшее такъ-то сразу показаться въ разныхъ мѣстахъ, шаритомъ каталось изъ угла въ уголъ...

— Ваше высокопревосходительство, такъ хорошо будетъ?

— М-м...

Остановился передъ большой лампой.

— Притускнуть бы еще...

— Можно поверхъ краснаго абажура еще другой надѣть.

— Сегодня, юноша, особый.

У юноши глаза благодарно заслезнились. Ужъ очень приятна была натура была. За всякій намекъ на ласку порывался мигнуть министровскую лампу.

— Да... Во-первыхъ, не то, что съ вами шарлатаномъ Гудичемъ.

Юноша всѣмъ своимъ существомъ изобразилъ презрѣніе.

— При полушвѣтѣ. Да-съ, при полушвѣтѣ. И цѣли не надо. Всѣ садятся полукругомъ безъ стола. Медіумъ—полыка. Глупости сверхъестественной.

«Особое порученіе» не уловило еще: выразить восторгъ или оскалиться. Такъ маленькія собачки въ подобныхъ же затруднительныхъ положеніяхъ и хвостъ колеблется, и меланхолически рычатъ.

— Да. Глупости сверхъестественной. Ужъ тутъ никакихъ сомнѣній, потому что она лапой отъ пята не отгнать... Мозгу у нея—какъ въ картоннѣ вареной, прямо—находка.

Юноша въ извѣстѣхъ развинулся и понерулся даже.

— Ротъ такъ натур.

— Именно? Это одно... Второе (онъ поднялъ вверхъ палецъ) изъ Царскаго Села обѣщала прибыть Сутугина.

Но «особыхъ порученіяхъ» отразилось благословеніе. Тоже онъ Рота своего живь-

емъ увидѣлъ не только во плоти, но и въ полномъ парадѣ во всѣхъ присвоенныхъ тому регаліяхъ.

— А это понимаете чѣмъ пахнетъ?

Юноша вытянулся въ одинъ восклицательный знакъ—человѣкъ исчезъ до тла, прощаніе осталось.

— Ну, вотъ. Будетъ самъ Лемэмъ. И этотъ несурзанный Алемподистовъ. Опытъ сочетанія гипнотизма со спиритизмомъ. Этакъ, пожалуй, меня со всей трупной на гастроль къ государынѣ императрицѣ позвать. Вообще—горизонты...

И точно сообразивъ, что для малаго чина ужъ слишкомъ низопелъ, надулъ грудь пузырями, выпятить нижнюю губу и уже сурово закончилъ:

— Такъ вы того... Распорядитесь.

Малый чинъ такъ и понялъ. Отскочилъ горничномъ, выразилъ свое ничтожество и печему-то платкомъ, благоухавшимъ любимымъ его высокопревосходительствомъ туфлеромъ, стеръ воображаемое пятно на столѣикѣ подъ лампой.

Гордцовъ опять тяжело заходилъ изъ угла въ уголъ... Выпяченная губа втянулась обратно. Думать про себя онъ не умѣлъ, непремѣнно вслухъ, и потому молчаніе въ мрачномъ кабинетѣ долго не продолжалось.

— И чего я этого Лемэмки прежде боялся. Не понимаю. Такъ, дружище... почти-тѣлесное и благодарное. Кутается въ таинственность, а я его насвистываю. Тоже въ Царскомъ Селѣ и не зналъ... Слышъ невѣроятной, и если мы его пустимъ въ ходъ—носъ по вѣтру. За то гипнотизеръ! Такъ въ лучшемъ видѣ заниматься по нашей ду-

кѣ. Только подкармливай по временамъ... Бо-о-ольшіе горизонты! Не даромъ старецъ косится. Даже отъ охраны свѣдѣній о немъ требовалъ и отъ Добровольскаго.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство. Гильдблатъ о немъ дѣлалъ рефератъ доставилъ. Онъ этого Лемэма давно нащупалъ. Вполнѣ благонадеживается.

— Ну, вотъ. А какой онъ національности?

— Паспортъ у него русскій. Болтали, что изъ турецкихъ поданныхъ. Только это невѣроятно.

— Ну, не скажите. Левантинцы на всѣхъ языкахъ говорятъ.

— А по другимъ осведомительнымъ источникамъ онъ—швейцарскій французъ.

— Вообще ублюдохъ. Паспортъ ему кто выдалъ?

— По особому распоряженію, изъ канцеляріи его величества.

— Ого!

И Гордцовъ остановился.

— Считается на службѣ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи.

— «Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы». Пожалуй, на бѣлые штаны съ позументомъ имѣть право.

— Такъ точно. Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Владиміръ III-й на шеѣ.

— Ну-ну?

— Только никогда не носить.

— Ко двору надѣвлетъ.

— Позвольте доложить?

— Что?

— Не наѣвлетъ. Есть такіе, которые

вѣншности пренебрегаютъ и въ томъ свой интересъ блюнуть.

— Ну, это до перваго лакомаго куска. И откуда вы все знаете?

Министръ остановился. Пожевалъ, пожевалъ... Возрился на «особыя порученія», точно въ первый разъ въ жизни его въ натуральную величину увидѣлъ.

— Находитесь на службѣ у васъ, долженъ быть всегда въ курсѣ, чтобы обстоятельно на вопросы отвѣтить. И еще позволю себѣ донести, что этотъ Лемэмъ обладаетъ свойствами и силами таинственными.

«Особыя порученія», точно по вдохновенію, поняли: теперь или никогда. Надо показаться начальству въ всей своей красотѣ.

— И самъ онъ—нѣкоторый инсъ. Вродѣ Калпостро, только безъ уголовнаго пропалаго. Сколько ему лѣтъ, неизвѣстно. Живетъ въ роскошномъ номерѣ Европейской гостиницы, имѣетъ и другія приватныя квартиры, но дома его никто не видитъ, хотя изъ-за гарантіи видѣть свѣтъ по вечерамъ. Денегъ онъ нигде не получаетъ, а ихъ у него куры не клюютъ.

Хотѣлъ бы я посмотрѣть куръ, которыя деньги клюютъ. То-то бы мой другъ Болковцовъ или заинтересовался.

— Вообще онъ изъ тѣхъ, которыхъ выгоднѣе имѣть рядомъ съ собою, а не прогнать себя. Никто-то не заинтересованъ, чтобы на него обращали вниманіе, и на все человечество смотритъ какъ будто сверху.

— Вы хорошо выражаетесь. Въ газетахъ не пишутъ?

Юноша выразилъ ужасъ и даже поднялъ руки вверхъ: олоды отъ меня... «сатана».

— Напрасно... Могли бы быть полезны. Просвѣщенная власть вообще цѣнитъ печать. Разумѣется, умѣющую угадывать миды и предположенія.

— Впрочемъ, если прикажете... У меня есть кое-какія связи.

— Не прикажу, а прошу-съ. И даже весьма.

Задребезжалъ телефонъ.

«Особыя порученія» подбѣжали.

— Откуда говорить, алло? Ваше превосходительство, изъ швейцарской, Алгонкс Автомобиль, чай? Алло? Громче! Генералши Сутугиной. Спрашиваютъ, можетъ ли министръ принять...

Министръ, откуда прыть взаласъ...

— Что? На часъ раньше? Это вы сами, Ольга Федоровна... Могу ли дать чаю? Помилуйте, счастливы. Я сейчасъ, сію минуту сбѣгу внизъ. Нѣтъ-нѣтъ. Такъ радъ, такъ радъ.

И на лету «особымъ порученіямъ»:

— Крылову. Въ уголовой, маленькій типичный самоваръ. Печеній и сандвичей. Да, она любитъ magrons glacés...

И такъ сбѣжалъ, точно у этого Віа съ отяжелѣвшими вѣками никогда и одышкой не было...

— Мнѣ такъ совѣстно...

На лестницу подымалась полная, широкостая, очень красивая дама.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боденковского, П. П. Гитдяча, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XIV.

На лѣстницу подымалась полная, породистая, очень красивая дама. Властная. Уверенная, но сдержанная. Видимо, ничего крупнаго не пропускаетъ даромъ, умѣло распознавая всѣ свои наблюденія...

— Ольга Федоровна... Я счастливъ... Маленькое «меше-а-меше»...

И сама засмѣялась, воображая, что это очень остроумно, даже повторила «меше-а-меше!».

— Проверьте, цѣню. Такъ цѣню!

— Да, ужъ такъ. Рвыпалась скомпрометировать себя. Съ молодымъ—вы, вѣдь, самый младшій изъ мещанинъ?—Насидитъ!

— Ну, знаете, я на этотъ часъ хотѣлъ бы обернуться столоначальникомъ. Этакъ тридцать пять лѣтъ съ костью. А то еще лучше разбѣлать себя на нѣсколько столоначальниковъ.

— Не говорите гадостей...

И расхохоталась.

— Сегодня мнѣ одинъ изъ августѣйшихъ почти то же говорилъ: я бы, говоритъ, хотѣлъ съ вами не старшее поручика быть...

Наверху «особыя порученія», какъ будто случайно вынырнулъ изъ довременнаго хаоса и вросли въ стѣну... На лицѣ—и страхъ, и восторгъ, и такое выраженіе: «Ради всего святого—не обращайтесь вниманія. Я только рисунокъ на обояхъ и ничто больше». Городцовъ строго взглянулъ на него. Тотъ понялъ и мгновенно исчезъ съ поля зрѣнія столь чудесно, что даже Ольга Федоровна остановилась и удивленно оглянулась. Былъ тутъ и мимовременно восторгъ. Провалился? Нѣтъ, полъ цѣлъ, не разверзся и стѣна не раскололась, не поглотила его...

— Сюда... покажетъ, сюда.

— Какъ хорошо у васъ. Удивляюсь, почему вы не женились или не женитесь.

— Старъ. Я, знаете, въ пользу голодающихъ деньгами... Да и кто за меня пойдетъ?

— Всякая.

— Ольга Федоровна, позволю васъ на словѣ... Разрѣните сдѣлать предложеніе?

— О, нѣтъ... Я неискоренима и неискоренима видна... А, впрочемъ... Мы одинъ здѣсь? Будетъ болтать по пустякамъ... Я по очень серьезному и важному вопросу. Дайте, я сама налью чаю и вамъ и себѣ... Садитесь ближе... Сегодня у васъ будетъ Лемэмъ.

— Да.

— Мнѣ паручено...

Слушаю-съ...

— Что это за экземпляръ?

— Пока неакрѣпимая тайна. Человѣкообразный вопросительный знакъ и, во всякомъ случаѣ, Uebermensch.

— Честолюбивъ?

— Видите ли, если никто еще его разгадать не могъ, значитъ Лемэмъ не нашелъ еще такого куска, который могъ бы удовлетворить его аппетиты.

— Вотъ какъ. Хорошо воспитанъ?

— О, да. И притомъ чего только не знаетъ, но молчалъ. Умѣетъ быть и внимательнымъ, и не поступаться своимъ достоинствомъ.

— Сильный гипнотизеръ?

— Говорить, неоправданный. Но ни подъ какимъ видомъ не дѣлаетъ изъ этого зрѣлища для толпы или ремесла. Такъ сказать, иногда снисходитъ. Есть у меня типовикъ, изъ подающихъ большія надежды, такъ онъ этого Лемэма хорошо опредѣлялъ: «Изъ тѣхъ, которыхъ надо имѣть рядомъ съ собою и ни подъ какимъ видомъ противъ».

— Можно его показать тамъ,—подчеркнула она.

— Объ этомъ судите сами. Не хочу вліять на ваши впечатлѣнія. Дамы, въ такихъ случаяхъ, умѣе насъ. Во всякомъ случаѣ, на мелкую наживку не клюютъ.

— Такъ что на тиеславіе его не...

— О, нѣтъ... Онъ крупнѣе...

— А можетъ онъ сойтись со старцемъ?

— Лемэмъ можетъ все, что захочетъ.

Онъ обернулъ нашего мужлана вокругъ пальца... Тотъ и не замѣтитъ.

— Не скажите. Старецъ прозорливъ. Во всякомъ случаѣ намъ такой нуженъ.

И она заговорила, наклонясь другъ къ другу, шепотомъ, точно выдвѣтнѣй на старинномъ гобеленѣ рыцарь могъ подслушать ихъ и рассказать это совсѣмъ слывавшимъ средневѣковымъ дамамъ, обругавшимъ его.

XV.

СЕАНСЪ НАЧИНАЕТСЯ.

Въ городцовскомъ кабинетѣ собралось много. Двери въ слѣдующую комнату, гдѣ должна была находиться «полка глупости чрезвычайной», открыты. Кресла «особыя порученія» разстались помпезнымъ кѣпятиль дверямъ. Въ серединѣ—глубокое и мягкое. Туда было попробованъ сѣсть Добровольскій, но юноша съ почтительнымъ ужасомъ отстоялъ это табу: «Ваше превосходительство... здѣсь для генеральши Сутуги-

ной». Ястиль юстиции отскочилъ, точно обжогся и занялъ мѣсто родимомъ съ лохматымъ совершенно сивымъ Мафусайломъ, наминавшимъ бѣлаго босорога, если бы по сороги встречались бѣлые...

— Вы первый разъ на сеансѣ,—спросилъ его Добровольскій.

— Да...

— Надъ новымъ міромъ приподнимается покровъ Изиды.

Бѣлый босорогъ насмѣливо взглянулъ на него.

— Подъ покровомъ Изиды была довольно искусная статуя изъ нефрита... И ничего большаго. А всѣ эти покровы приподнимались съ тѣхъ поръ, какъ въ человѣчествѣ появились жрецы и кудесники. Древніе Шумеры и Аккады такъ же, какъ и знаменитый Друммондъ, одинаково не мирились съ неизбежнымъ концомъ своего «я». Бога мы создали по образу своему и подобию, чорта толку, распредѣливъ между ними всѣ людскія качества. А пѣтусторонній міръ выдумали въ первыхъ изъ трусости передъ могилой, а во-вторыхъ...

— Виновать... Я тамъ вижу Лемэма.

Бѣлый босорогъ недовольно посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

Добровольскій тяжело приподнялся и направился къ Городцову, бесѣдовавшему съ современнымъ Калиостро.

— Генеральша Сутугина шла у меня чай. Она сейчасъ пріѣдетъ. Не задержите. Я васъ ей представлю.

— Буду радъ,—безстрастно отвѣтилъ Лемэмъ, ничѣмъ не выражая своей радости.

Городцова задѣло.

— Сутугина — ближайшее лицо. Ея вліяніе безгранично, тѣмъ болѣе, что для себя лично она ничего и никогда не проситъ и не хочетъ.

— Да?

И это было сказано безразлично, точно въ вѣжливости, чтобы не оставить аттестата, выданнаго Городцовымъ Сутугиной, безъ реплики.

— Она и вамъ можетъ быть полезна.

— Мнѣ?! Я тоже, ваше высокопревосходительство, ничего не прошу и не прошу.

Городцовъ вдругъ преисполнился къ нему величайшимъ уваженіемъ, даже схватилъ его за руку, и попробовалъ все это обработать въ шутку.

— Знаете, м-сье Лемэмъ, кто ничего не ищетъ и не проситъ, тотъ ищетъ очень много, а получаетъ еще больше.

— Ваше высокопревосходительство, — побѣжалъ «особыя порученія»... Госпожа Златошвейная пріѣзжала...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Реманъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. В. Боцановскаго, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. К. Кемиревича-Данченко, Н. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XVI.

Въ дверяхъ появилось нѣчто блѣдное, развинченное, въ такомъ зеленомъ атласѣ, что, будь тутъ освѣщеніе поярче, было бы больно смотреть. Добровольскій подошелъ къ ней какъ старый знакомый. Хотѣлъ ее ободрить.

— Вы не бойтесь, здѣсь всѣ свои.

— А чего же мнѣ бояться, ежели я ничего такого не сдѣлала. Не украла и не убила. То бояться только дурные люди. Злыдни. А я совѣтъ хорошая.

Блѣлый носорогъ вскинулъ на нее большіе, хотъ и выпѣвшие отъ старости, глаза и наклонился къ сосѣду.

— Человѣчество назадъ пошло. Нимфа Эгерія и Пифія древле были куда умнѣе.

— Онѣ не брали разовыхъ по четвертой.

— Недорого!

«Особыя порученія» мгновенно сообравили обстановку, чуть не клонувъ нимфу Эгерію въ плечо острымъ носомъ и шопотомъ:

— Пожалуйста, въ ту комнату. Тамъ тамъ все приготовлено...

И когда г-жа Затршимкевичъ исчезла за дверями—въ гостиной точно волна прокатилась. Всѣ встали и повернулись къ вхо-

дившей въ эту минуту Сутугиной.

— Ольга Федоровна. Вы всѣхъ знаете, позвольте мнѣ только представить вамъ двухъ... м-сье Лемэмъ.

Она зорко всмотрѣлась въ него. Тотъ отвѣтилъ ей равнодушнымъ взглядомъ. Точно она не представляла для него никакого интереса. Только когда онъ обвелъ ея плечи и грудь—у него на блѣдномъ недвижномъ лицѣ шевельнулись ярко красныя губы... На мгновеніе въ нихъ почудилось что-то жадное, звѣринное, хищное.

— Вампиръ...—подумала она и протинула ему руку такъ, какъ протягиваютъ ее для поцѣлуя.

Онъ было и наклонился, но опустилъ ея пальцы и точно сказалъ глазами: «потомъ».

Сутугина вздрогнула. Ознобъ прошелъ по всему тѣлу. На одну секунду она почувствовала себя совѣтъ безсильной. Мелькнула мысль: «Этотъ все можетъ. Онъ опасенъ». И въ то же время ей стало какъ-то заманчиво-жутко. Потянуло къ нему. «Змѣя»—опредѣлила она Лемэма и круто обернулась къ новому лицу.

— Ольга Федоровна... Наша гордость, профессоръ Таволгинъ.

Откуда у бѣлаго носорога прыть взялась! И какъ эта каріатида могла такъ сломиться

исползая, припадывая къ милостиво протянутой рукѣ.

— Я такъ рада! (Ольга Федоровна воображала, что она мститъ Лемэму преувеличенной любезностью къ Таволгину). О, я много слышала о профессорѣ и давно хотѣла познакомиться. Хотъ вы и врагъ нашъ, но такіе враги дѣлаютъ честь...

Бѣлаго носорога даже въ потъ бросило. Сутугина искоса взглянула на Лемэма: какое на него это произвело впечатлѣніе? Но Лемэмъ ушелъ уже въ уголъ, сѣлъ въ кресло и, полуопустивъ вѣки, казалось, ничѣмъ не интересовался.

— Ольга Федоровна... Господа... Прошу прислушаться. Программа нашего вечера такова. Сначала явленія. М-сье Затршимкевичъ была такъ любезна, что согласилась первымъ номеромъ поставить ихъ. Потомъ сеансъ... И то и другое—въ полусвѣтѣ. Мадамъ Затршимкевичъ—медиумъ исключительной силы. Ей не нужна цѣль, столы и другой инвентарь обычныхъ профессионаловъ. Банальные ступи, колдосольники, гармонія, вся эта бутафорія мѣщанскихъ сеансовъ давно оставлены ею.

— То пуская панъ Гузикъ интересуется тымъ глупствомъ,—ворвался рѣзкій голосъ изъ дверей въ темную комнату.—А для меня это все—тьфу...

Городцовъ недовольно оглянулся и, наклонясь къ Сутугиной, тихо:

— Я вамъ говорилъ—глупости сверхъестественной.

Та замѣлась.

И, отыскавъ глазами Лемэма, улыбнулась ему.

Онъ, очевидно, не принявъ этого на свой счетъ.

«Мой будущъ», подумала она, и промол-

— М-сье Лемэмъ.

Тотъ медленно всталъ... Отвѣтилъ границу, гдѣ за медлительностью начинается «нехотя».

— Садитесь рядомъ.

Поклонился и еще спокойнѣе подошелъ къ пей.

«И на челѣ его высокою не отразилось ничего», вспомнилось ей. «Только почему у него губы такія?».

И ее опять потянуло къ этимъ жаднымъ, липкимъ, свѣтлымъ яркимъ на блѣдной маскѣ губамъ.

— Мадамъ Затршимкевичъ будетъ запечатана и связана, т. е. ее бечевками переплетутъ всю. Руки и ноги имъ же привяжутъ къ ручкамъ и ножкамъ кресла.

— Только, чтобы безъ скандала.—отозвалась она.—Меды люди шкандаливы, а я не порожня, а замужемъ.

Городцовъ отмахнулся какъ отъ мухи.

— На всѣ узлы приложить печати. Концы бечевки тоже прищипываютъ къ креслу. На нее накинуть покрывало.

— Затѣсу Изиды,—благотворно прошепталъ Добровольскій.

— На полѣ бросить три простыни. Онѣ нужны для материализующихся духовъ. Просить до этихъ не дотрагиваться...

— Вещь деликатная,—не унимался Таволгинъ.

— Потому, что это причиняетъ нестерпимую боль медиуму и грозитъ опасностью ея здоровью.

— Интеллигентныя купцы съ перьями интрикуютъ,—послышался негодующій голосъ медиума...—Ото хамы... Я къ нимъ и за это рублей не согласна.

— Иванъ Фомичъ, займитесь. Кому угодно присутствовать при этой операціи?

Иванъ Фомичъ («особыя порученія» то-жъ) ярко освѣтилъ ту комнату, куда вошелъ блѣлый носорогъ и еще кое-кто. Мадамъ Затршимкевичъ усадили въ кресло. Перевязали, какъ мумію.

— Подъ мышками не трогайте, бо я банде щекотлива.

— Не бойтесь, не бойтесь.

Ее прищипывали къ ручкамъ и ножкамъ, къ столамъ и къ полу. На нѣкоторомъ разстояніи бросили простыни...

Потушили электричество... Но ранѣе этого она уже спала.

Изъ кабинета въ темнотѣ другой комнаты была видна смутно фигура спеленутаго медиума.

Разговаривали шепотомъ. По сторонамъ сверху чудились легкіе трески и шумъ, и угадывалось странное движеніе въ пустотѣ.

Голоса смолкали... Скоро въ тускломъ свѣтѣ приспущенной лампы можно было различить смутные силуэты молчаливыхъ людей...

— Господа, пожалуйста, разговаривайте. Медиумъ такой силы, что ему это нисколько не мѣшаетъ.

Ольга Федоровна вздрогнула.

Ей показалось, что чьи-то пальцы чуть-чуть касаются ея плечъ и груди. Она быстро обернулась къ Лемэму, но тотъ неподвижно сидѣлъ рядомъ, сложивъ руки на груди... И опять какой-то захватывающій ознобъ желанія пробѣгалъ по всему ея тѣлу.

— Мсье Лемэмъ.

— Слушаю-съ.

— Фу, вы, какъ въ телефонъ: то, слушаю.

Онъ промолчалъ.

— Станный вы!

— Это мнѣ говорить часто.

— Вы напрасно... какъ бы это выразить... отгораживаюсь отъ насъ.

гаю,—едва различимымъ шопотомъ уронивъ ей. Онъ умѣлъ такъ говорить, что никто другой его не слышалъ. Точно вышлалъ.

Она вздрогнула.

— Послушайте, это колдовство... Почему вы знаете мои мысли?..

— Колдовства нѣтъ!.. Есть только угадываніе... Всѣ люди связаны между собою невидимыми нитями. И по нимъ бѣгутъ отъ одного къ другому желанія, идеи, впечатлѣнія, вопросы. Передается безъ словъ чувство радости, боли, тоски...

— Душевный телефонъ?

— Вы хорошо назвали.

— Почему же я этого не ощущаю?

Потому что вы еще безграмотны! Нужно умѣть читать.

— Вы не очень любезны.

— Вы меня возьмете такимъ, какой есть.

— Возьму?

— Да.

Она попробовала улыбнуться.

— Это не смѣшно.

— Когда же необыкновенное событіе должно случиться?

— Сегодня!

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновского, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

Содержаніе главъ А. В. Амфитеатрова, Ф. К. Сологуба и В. И. Немировича-Данченко. Архитекторъ Виленицкій найдетъ мертвымъ въ домѣ случайнаго знакомаго, и послѣ слѣдствія самый трупъ его исчезъ. Какія-то слабо видныя нити ведутъ отъ этого случая къ появившемуся на горизонтѣ Петрограда челоуѣку съ фамиліей Лемэмъ, видимо, стоящему во главѣ загадочнаго «общества 13-ти». Придворная камарилья назойливо протаскиваетъ авантюриста-окультиста ко двору, ведя на него атаку во время спиритическихъ сеансовъ въ министерскихъ салонахъ.

XVII.

— Ну, мсье Лемэмъ, перестанемъ шутить, сказала Ольга Федоровна:—Я давно хочу васъ спросить. Отчего вы насъ всѣхъ стороните?

— Кого васъ?

— Вы понимаете! Сколько разъ наши передавали вамъ желаніе принять васъ въ Царскомъ... Я знаю, вы очень честолюбивы.

— Не то слово.

— Какое же?

Властолюбивъ. Люблю имѣть, а не казаться имѣющимъ.

— Все равно. Что-жъ вы не знаете, что единственный путь ко власти, къ силѣ, къ блеску ведетъ черезъ Царское.

— Велъ!

Она отинулась.

— Какъ велъ?

— Такъ. Мнѣ ни вы, ни ваше Царское не нужны.

— Совѣтъ не ясно...

— Потому что вы всѣ и слѣпы, и глухи. Слушайте, Ольга...

— Федоровна,—показала она.

— Все равно. Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ. Положеніе васъ всѣхъ огуманило. Вы сверху ничего не видите, что дѣлается внизу. Вѣдь бездонный океанъ народа кипитъ такою бурей, какой съ 1789 года не было въ мірѣ. Смерчи взымаются до самаго неба... Готовятся катаклизмы, которые васъ всѣхъ поглотятъ. А вы на своемъ зыбкомъ островкѣ считаете себя совѣтъ благополучнымъ!

— Это что-жъ... Революція?

— Вы сказали.

— Ну, мсье Лемэмъ, бросимъ объ этомъ. Мнѣ даже странно. Такъ не похоже на то, чѣмъ мы всѣ васъ считаемъ. Такой прощипованный и вѣрить бреднямъ этихъ несчастныхъ, выброшенныхъ народомъ за бортъ... У насъ единственная живая сила—войска.

— Вы думаете?

Не улыбайтесь такъ. Даже Шалапинъ въ Мефистофель не сумѣлъ... Да, войско за насъ! Развѣ вы не слышали, какъ нашего возлюбленнаго монарха встрѣчали на фронтѣ...

— А раньше въ Костромѣ?—насмѣшливо вставилъ онъ.

— Да, раньше въ Костромѣ. А четвертаго дня, когда его величество на руки поднялъ и передалъ цесаревича солдатамъ, что это было!..

— Помните въ Риголетто? Съ маленькимъ измѣненіемъ: сердце народное, какъ вѣтерокъ полей...

И уже злобще и серьезно:

— Вы говорите по-итальянски?

— Да.

— Che dico io dice il Padre Eterno...

— Ebbene?

— Ольга... ну, если хотите пока Федоровна, даю вамъ совѣтъ. Совѣтъ друга, вашего искренняго друга...

И вдругъ, голосъ его сталъ мягокъ, онъ точно ласкалъ ее своими модуляціями.

— Мнѣ безконечно жаль васъ. Вы понимаете, мнѣ вѣдь не нужны вы со всей вашей силой и властью. А я вамъ сейчасъ... Ну, какъ провидѣніе, что-ли. Все, что у васъ есть—переведите завтра же на иностранную валюту. Еще есть время продать ваше Тверское имѣніе, землю въ Сочи и реализовать ваши тамъ въ Раменскихъ сахарныхъ заводахъ.

— Почему вы знаете мои дѣла?

— Не будемъ о пустякахъ. У васъ villa въ Биаррицѣ?

— Да.

— Обратите все въ фунты стерлинговъ и уѣзжайте.

— Ну, мсье Лемэмъ. Довольно. Не морочьте меня больше.

— Какъ вамъ угодно.

— Я удивляюсь. Какъ вы даже смѣете говорить мнѣ все это.

— Я... все... смѣю!

— Вѣдь стоило бы мнѣ...

— Донести?

— Фу, какое отвратительное слово... Проговоритесь.

— Во-первыхъ, вы не проговоритесь. А во-вторыхъ, повторяю, я, какъ это нынче принято говорить, вѣдь предѣловъ досягаемости. Не мнѣ васъ бояться—а вамъ меня...

— Смотрите... Смотрите...

Изъ открытыхъ во мракъ дверей, за которыми сидѣлъ припечатанный медіумъ, вдали показалось бѣлое... Маленькое. Оно перѣшительно остановилось... И не прошло, а какъ-то проскользнуло въ кабинетъ... Направилось къ окну, закутанному въ темныя гардины. Откинуло ихъ и спряталось за ними. Вслѣдъ показался изъ того же мрака другой бѣлый силуэтъ... Онъ подвинулся къ полукругу сидѣвшихъ и началъ расти на ихъ глазахъ... Поднявъ широкую складку простыни, волною шевельнулъ ее по направлению къ Лемэму... Изъ-за гардинъ выскользнуло бѣлое маленькое. Хотѣло приблизиться къ большому, но, точно чужая воля остановила его. Оно вдругъ сизнзилось, сизнзилось и точно въ полѣ ушло... На немъ только и осталось, что скомканная простыня.

— Однако! хрипнулъ бѣлый носорогъ.

— Хотите, чтобы фигура подошла къ вамъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... Я не вѣрю... Но терпѣть не могу такихъ шутокъ... Ахъ, да что это, наконецъ...

Что-то изъ-за его спины протянуло бѣлый рукавъ, скользнувшій по его лицу и положило ему на лобъ книгу.

— Позвольте... Нельзя ли, чтобы меня не трогало. Я понимаю—это фокусъ, но у меня оживленіе сердца!.. И потомъ я челоуѣкъ сырой... Мнѣ уже за семьдесятъ.

— Какая книга?.. Какая книга?... заинтересовались кругомъ.

Бѣлый носорогъ—отвернулъ переплетъ и въ полусвѣтѣ прочелъ и разомъ успокоился.

— Не могу не признать что это... ну, или вы называете призракъ, что ли... весьма и весьма любезнѣ... Это мое сочиненіе, преподнесенное его высокопревосходительству.

И онъ пріятно заулыбался во всѣ стороны.

— Оно у меня было заперто въ шкафу. Подъ ключомъ.

Опять жуткая тишина.

Что-то длинное, окутанное въ простыню, вышло изъ мрака. Точно большая ящерица. Сгорбилось. Горбъ поднялся. По ей бѣлымъ складкамъ угадывалась челоуѣческая фигура... Громадная... Приблизилась къ Лемэму... и вдругъ опустившись передъ нимъ на колѣни, протянула къ нему руки...

— Yade retro!

Тихо проговорилъ онъ.

Ольга Федоровна протерла глаза: припредилося ей?.. Никого передъ ними не было и только простыня одна шурша уплывала во тьму къ медіуму.

— Ну и чертовщина!

Добровольскій обернулся къ бѣлому носорогу.

— Медіумъ дастъ и болѣе изумительныя явленія. Но сегодня она здѣсь впервые. Ваши флюиды недостаточно согласованы съ ея флюидами. Настоящей гармоніи пока нѣтъ между присутствующими и ею...

Изъ мрака послышался стрѣлъ.

— Надо скорѣй разбудить. Медіумъ страдать.

Лемэмъ поднялся.

Прошелъ туда. «Особыя порученія»—за нимъ.

— Зажгите свѣтъ. Только сначала слабый.

Лампочка въ углу всыжугала...

— Пригласите войти.

«Особыя порученія» высочайше въ кабинетъ.

— Ваше превосходительство, Ольга Федоровна, господа... можно туда... кто желаетъ убѣдиться.

— Я желаю!

И первымъ двинулся бѣлый носорогъ. За нимъ послѣдовали всѣ.

— Теперь большой свѣтъ.

Четыре рожка засверкали вверхъ.

Посреди комнаты металась и вздыхала въ креслѣ г-жа Затриммисъ.

Лемэмъ, положивъ ей руку на голову...

Успокоилась. Стихла...

— Проснись!

Ширро открыла глаза. Обвела всѣхъ и слабо, виновато улыбнулась.

Печати были цѣлы. Отвертывались ихъ, взломали, обрѣзали веревки. Медіумъ г-жа устало потягивался и потиралъ руки. Веревки впились въ нихъ, оставили красныя слѣды.

— Чешется и болить. Такъ болить... Ого вы, господа, все видите, а я така несчастная—ничего. Сило, а потомъ мнѣ рассказывать.

— Хотите рюмку мадера?

— То я такъ устала! Такъ устала... Задыхаю совсемъ...

— Такъ прикажете?

— Да, но и рюмку коньяку...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе въ среду)

—♦♦♦♦♦—

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. О. Босяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. И. Потаненко, Ф. К. Сологуба и др.

XVIII.

Ясновидецъ изъ Чебоксаръ.

Перерывъ былъ, небольшой.

Подали холодный ужинъ. Мадамъ Затринимкевичъ изумила всѣхъ, запрашивая, почему шифъ не умѣетъ дѣлать бычаса и ердишъ господарскихъ.

— Это такъ бѣда. И сонъ отъ ей наилучшій... И никакъ чартаки послѣ не увидишь... Только въ носу свищеть... Какъ въ пенкѣ отъ вѣтровъ.

Сейчасъ же съѣлъ опять...

Мадамъ Затринимкевичъ попросила позволенія ухачъ.

— У меня муажъ. Овъ одинъ никакъ спать не можетъ...

И, раскрывъ семейную тайну, исчезла.

Худой и длинный, какъ складывающійся англійскій футъ, чиновникъ занялъ ее мѣсто. Это былъ говорящій медіумъ. Его способности раскрылись случайно. Служить акцизнымъ надзирателемъ въ Чебоксарахъ и вѣкъ бы свѣковалъ въ глуши, да у соборнаго протопопа узнали корову. Собрались у него на пульту въ преферансъ и вдругъ въ сильный разгаръ игры Анемподистовъ заснулъ. А, заснувъ, началъ мычать.

— Софронъ Степанычъ, — хотѣли разбудить его, да отца Онуфрія остигло.

— Цес!.. Это не просто... въ ветхомъ вавѣтъ указуются примѣры пророческихъ сновъ. И древле бывали ясновидцы!..

— Въ акцизномъ то вѣдомствѣ!

— Погоди!.. Попробую возложить на него руки.

И возложилъ.

Тотъ замычалъ еще значительнѣе...

— Зри духовнымъ окомъ... Гдѣ животное? Бурое, съ бѣлыми носереди лба знакомъ. Видишь?

— Мму!.. Вижу... Мму!

— Реки, чадо возлюбленное... Триста дѣльновѣхъ плачешо... Отъ чреслъ холмогорскихъ.

— Въ... Тащжиной роцѣ... Во рву...

Номоникъ уѣзнаго исправника съ мѣста взвился.

— Это, гдѣ въ прошломъ году мельника Хряпкина зарѣзали...

— Оно и есть.

Анемподистовъ скоро проснулся. Обвелъ всѣхъ рыбимъ взглядомъ. Вынулъ водки. Прищелъ въ себя.

— Чортъ знаетъ что! И съ чегобы! Это проклятая буженина все... Мнѣ-то корова приснилась. Подумаешь, какой сюжетъ! Тыфу, и точно я къ соснамъ ея приналь и сосу.

— Нѣтъ, ты не скажи...

Свириетѣловъ немчался распорядиться по свѣжымъ слѣдамъ. За корову три полки плачены. Сливки то въ палецъ отъ нея. Поди поинци...

«Животное» нашли, и къ Анемподистову стали прибѣгать во всѣхъ загадныхъ случаяхъ. Особенно прославился онъ, когда въ таинственномъ снѣ указали, куда телеграфистъ Сучкинъ увезъ купеческую жену Мопументову... Ясновидецъ оказался столь изумительный, что пріѣхавшій изъ Петрограда въ свое имѣніе на дѣтнія каникулы важный чинъ, изъ тѣхъ «обоего пола персонъ, кои имѣють пріѣздъ ко двору съ кавалергардскаго подѣзда» осенью взялъ его съ собою, перевелъ на службу въ столицу и началъ его демонстрировать на аристократическихъ сеансахъ. Рекомендовалъ только не давать ему водки.

— У него наша специальная чебоксарская слабость есть: какъ запычется, такъ сейчасъ, не глядя накая, блискающую даму

хватаешь, — объяснялъ тотъ, — въ отсутствіи дамъ, — смирише овецъ. Я его никакъ огучить не могу на кончикъ стула садиться. Онъ ужъ и мимо попадалъ. Ушибался...

Анемподистовъ въ столицѣ живо образовался. Салоны оказали свое вліяніе. Онъ выучился произносить pardon, «же ву при» сморкался не столь громогласно и даже за спиритическими ужинами не обнаруживалъ своего влеченія къ дамскимъ авантюстамъ. А съ тѣхъ поръ какъ его произвели въ надворные совѣтники, сталъ выпячивать какъ Городцовъ нижнюю губу и зачесывать лысину на подобіе латаній.

Заснулъ онъ быстро.

Лемэму ничего не стоило усыпить его. Не въ первый разъ практиковалъ на немъ свою силу. Правда, предпочиталъ для этого своихъ ясновидящихъ дамъ, но въ кружкѣ Городцова привыкли къ этому. Все-таки чиновникъ своего вѣдомства и въ случаѣ чего, сора изъ избы не вынесетъ...

— Ольга Федоровна, что вамъ угодно знать? — подкатился къ ней министръ, точно на мягкихъ шинахъ.

— Мосе Лемэмъ.

— Слушаю-съ.

— Могу я задать вопросъ о томъ, о чемъ мы говорили?

— Пожалуйста.

— Такъ вотъ, долго ли продлится эта несчастная война.

Анемподистовъ заметался, заворочалъ шеей, точно ее давили воротничекъ, хотъ онъ былъ широкъ ему.

— Годъ... Нѣтъ меньше года...

— Мы разумѣется побѣдимъ?

— Я вижу ужасъ... ужасъ... ужасъ... Вездѣ кровь... Дымъ отъ пожаровъ застилаетъ все... Крики... Врагъ ослабѣетъ, захочетъ мира... Но мы спасемъ неожиданно. Не могу... Душно... На улицахъ убиваютъ... Все шибетъ. Казни... казни...

— А еще?

— Не смѣю... Никому, никому пощады... Люди звери... И Боже ты мой!.. Не могу... не могу... На дѣтѣ морей... И еще живыхъ заканываютъ. Жгутъ въ коштрахъ... дѣтей... дѣтей... Женщины... Другъ друга... Братъ на брата...

Лино его изсказилось судорогами.

— Проспие.

Открылъ затуманенные глаза. Взялся за голову.

— Темна вода во облацѣхъ! — засмѣялся «бѣлымъ носорогъ».

— Эко лаворочалъ!

Анемподистовъ оглядывался на всѣхъ, ничего не понимая.

— Ну, и наговорили вы!

— Ей Богу не виноватъ. Я самъ не знаю... Только что вотъ въ головѣ мутно... И во рту дурной вкусъ. Точно мѣдную копѣйку держалъ...

— Вотъ прополощите. Хорошій барсакъ... Можно еще? — спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Я готовъ. Помилуйте...

Опять его усыпили...

— Вы знаете мою жену?

— Такъ точно.

— Видите вы ее?

— Вижу.

— Гдѣ она?

— Не здѣсь... далеко... Огни открыты... Тепло... И море... Кинарисы...

— Что она дѣлаетъ?

— Сидитъ. Рядомъ офицеръ, раненый... За руку ее держитъ... Она хочетъ уйти, а онъ ее не пускаетъ.

«Бѣлаго носорога» передернули...

— Ну дальше неинтересно... Она въ Крыму лечится...

— Спросите его. Откуда я пріѣхала?

— Изъ Царскаго Села. Изъ дворца.

— Что сейкасъ дѣлаетъ императрица?

— Молятся... И плачутъ.

— Грозить ли ей что-нибудь...

Горе всемъ — кто въ этомъ мѣстѣ. Большое горе.

Ольга Федоровна вздрогнула. Ей стало жутко...

— Ну и сеансъ... Все зловѣщее. Страшное...

гс. Немировичъ-Данченко.

Продолженіе слѣдуетъ.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченка, В. Ф. Гоцяновскаго, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Камайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XIX.

«Умеръ ли Бяленицкій?»

— Ну и сеансъ... Все зловѣще. Страшно—вырвалось у Ольги Федоровны.

И всѣ здѣсь почувствовали, точно темная и душная грозовая туча надвигается на нихъ. «Особыя порученія» даже свѣту прибавили. Все легче. Городцовъ хотѣлъ обратиться все въ шутку.

— А можетъ быть, еще можно помочь дѣлу?

— Да..

— Время не ушло?

— Нѣтъ. Крупная перемѣна спасетъ все.. Если не упустить... Я вижу лучъ во тьмѣ. Человѣкъ—который любить Россію пишеть, предупреждаетъ..

— Ну и слава Богу! Значить все будетъ въ порядкѣ.

И Городцовъ повеселѣлъ.

— А теперь, Ольга Федоровна, мы его, какъ воробья, шапкой накроемъ. Ну-ко Аендерская волшебница во фракъ,—насчетъ современности. На злободневную, какъ выражаются писаки, тему. Чего-нибудь «особеннаго» изъ событий дня..

Юнъ мигнуть «особымъ порученіемъ».

— Какъ того-этаго фамилія?.. Ну еще инженеръ... Жилецъ изъ квартиры офицера.. Убили, а онъ исчезъ... Еще двадцать восемь тысячъ подъ подушкой и стаканъ главнейшу.. Стаканъ на столѣ. А деньги подъ подушкой.

И засмѣялся.

— Вчера въ газетахъ писали, — никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Сколько времени ищутъ!

— Офицеръ этотъ Берениковъ... Онъ женится на belle soeur нашего Верховиланова.

— Вотъ-вотъ. Какой ударъ прекрасной Маріи Евстафьевнѣ..

— Подъ домашнимъ арестомъ. Съ третьяго дня... Ну, да, авось..

— Бяленицкій, выше высокопревосходительство.

— Ну, слава Богу. Бяленицкій... Именно Бяленицкій. Мосе Лемэмъ. Я хочу спросить..

Магъ и волшебникъ сдвинулъ брови и пристально вѣлся въ Анемподистова поволабующимъ взглядомъ.

— Пожалуйста.

— Умеръ ли Бяленицкій?.. Простѣйте... Знаете.

— Знаю...

— Такъ умеръ или нѣтъ..

Молчаніе.

— Говорите...

— Не..

Медіумъ точно боролся съ чѣмъ-то, даже шено запрокинулъ такъ, что кадыкъ выперся, будто выскочить хотѣлъ..

— Не.. могу... Не могу... Не могу.

— Почему?

— Сильный меня.. Есть воля..

— Такъ вначитъ живъ?..

— Ищите!..

— Гдѣ?

— Мышлетъ..

Вѣки его приподнялись. Похъ нимъ не было видно зрачковъ. Одне бѣлки.

— Да, умеръ, или нѣтъ? Если умеръ отбѣйте, да.

Широко раскрылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то и какъ будто захлебнулся. Въ горлѣ у него заклокотало..

— Я нахожу, что медіума нельзя больше тревожить. Вѣтъ, что-то загадочное. Онъ не владеетъ своими силами. Можно вызвать нервный ударъ.. Проснитесь.

И Лемэмъ дунулъ ему въ лицо.

Анемподистовъ всталъ и зашеталяся.

— Прощу... Воды..

Подали.

— Зачѣмъ вы хинить плете? Спросилъ Лемэмъ? Софронъ Степановичъ отодвинулъ стаканъ.

— Фу, какая горечь. Я воды просить, Господи!

— Да здѣсь вода, попробуйте?..

Тотъ сдѣлалъ глотокъ.

— Да... вода.

— Нѣтъ это водка и крѣпкая. Спиртъ почти?

Анемподистовъ точно ожегъ ротъ, даже задохнулся и задышалъ часто-часто..

— А вѣдь вы ошибились, это медъ!

— Нѣтъ?..

— Я вамъ говорю. Попробуйте..

— Медъ и есть... Слишкомъ приторно. Съ чаемъ хорошо бы.

Всѣ оживились. Тягостное впечатлѣніе сгладилось. На Лемэма смотрѣли благодарно. Заговорили разомъ.

— Какая у мосе Лемэма сила!

— Изумительная!..

— Мосе Лемэмъ... Гдѣ Лемэмъ.

Лемэма не было.

— Какъ Мефистофель провалился въ таратары!.. Замѣтить «бѣлый носорогъ».

— Мосе Лемэмъ просить извиненія. Онъ ушолъ... Торопился.

Объявилъ «особыя порученія»...

— Удивительно таинственный господинъ!

— Двухогій иксъ.

— И мнѣ пора! Встала Ольга Федоровна..

Ее проводили до передней..

Сѣла въ автомобиль... Опустила стекло.

Ночь была яркая, лунная. Отѣхала немного и на тротуаръ замѣтила знакомую тонкую фигуру..

— Мосе Лемэмъ? Вы?

— Нѣтъ не я..

Она засмѣялась... Только смѣхъ былъ какой-то нервный, вызывающій.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой глупый вопросъ. Хотите я васъ подвезу. Садитесь. Вы въ Европейской гостиницѣ?..

— И въ другихъ мѣстахъ..

— Пожалуйста. Я еще спать не хочу. Луна чудесная..

И опять ее обдало ознобомъ. И всю такъ и потянуло къ этимъ изящнымъ и тонкимъ рукамъ, невидимо трогавшимъ весь вечеръ Лемэмъ съл.

— Куда же?

Онъ задумался.

— На Каменноостровскій.

Автомобиль понесся... Прошло нѣсколько минутъ.

— Чего же вы молчите?

А у самого голосъ дрожить.

— Вообще какой вы таинственный... Я думаю, что и Лемэмъ не ваша фамилія.

— Въ древней Греніи меня звали Эфіальтомъ.

— Вы серьезно или шутите?

— А вы думаете, это возможно?

— Богъ знаетъ, съ вами возможно все...

говорите же... Такъ мы, подчеркнула она вамъ не нужны?

— Нѣтъ.

— А вы намъ?

— Вамъ лично да... И очень...

— Когда.

— Скорѣе, чѣмъ вы думаете..

— То-есть какъ скорѣе... Ну чертъ жъ сяцъ.

Молчать.

— Черезъ недѣлю.

Молчать.

— Сегодня. Сейчасъ?

— Да.

— Фу—сплошная загадка. Вѣчная ска... а губы... губы...

— Что губы?

— Какъ у вампира! Даже стра..

И не окончила.

Точно желѣзные руки обвили ее и хлопныя, красныя, жадныя губы припали къ ея губамъ.

Она было забила... Даже ладонями уперлась въ грудь ему и вдругъ вся поникла. Ни воли, ни сознанія... Точно въ ней и душа и мысль и сердце провалились куда-то. Что-то огромное горячее охватило ее... Вся будто пустая—она снаружи чувствовала его и только его..

Автомобиль остановился.

— Выходи..

Сознаніе вспыхнуло на минуту.

Шофферъ?..

— Не бойся... Я отниму у него память.

Онъ и сейчасъ спитъ... Посмотри.

«Вампиръ»! Опять, но уже про себя проговорила она.

Лемэмъ вынулъ ключъ и самъ отворилъ подъездъ... Посторонился. Она прошла впередъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе,—главы П. П. Гидича,—взвѣра).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. 9. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XX.

Членъ второй думы.

Смерть Бяленскаго и исчезновеніе его трупа всколыхнуло всѣхъ. Никто не зналъ истинныхъ причинъ этого событія. Видимо, подкладка всему—была строго подготовленный, хорошо выполненный грабежъ.

У Верхоплавцевыхъ особенно рѣзко отозвалось это происшествіе. Берениковъ въ ихъ семьѣ былъ свой, родственникъ. Верхоплавецъ взялъ его на поруки, и даже домашній арестъ былъ съ него снятъ. Но дѣло ни на шагъ отъ этого не подвинулось впередъ. Братъ Алеша пробѣжалъ изъ Москвы куда-то въ Омскъ, и не возвращался. Алеша какъ-то осунулся, глаза его стали казаться еще болѣе круглыми. Каждый вечеръ онъ приходилъ къ Верхоплавцевымъ, и подолгу молча сидѣлъ съ Нидіей, точно имъ предстояла долгая разлука. Юстина печально поглядывала на него, съ обычнымъ видомъ дельфійской пифіи. Она раздражала его. Его раздражали и золотой обручъ, что она носила въ своей античной прическѣ, и ея задумчивый взглядъ.

— Да бросьте вы, дузина, этотъ скверный маскарадъ, — сказалъ онъ ей однажды. — Вы несчастны уже тѣмъ, что вамъ дали желѣзное имя Юстина. Почему — Юстина? Это напоминаетъ Византію, постное масло,

и противную, дряблую безвольность. А вы еще къ этому прибавляете какіе-то обручи на голову, пришиваете къ платьямъ какіе-то крылатые рукава. Бросьте, — никогда не надо оригинальничать! Оригинальничаютъ только тѣ, кому не за что болѣе ухватиться.

— Вы, Алеша, ходите эти дни съ раздранными нервами. Я васъ понимаю и не обижаюсь, — мягко говорила Нидія. — Я предупреждала васъ, что произойдетъ что-то ужасное. Вы мнѣ не вѣрили. А теперь видите, что я была права.

Самъ Верхоплавецъ, членъ второй Думы, председательствовавшій теперь въ какихъ-то двухъ комитетахъ, человекъ уже пожилой, уравновѣшенный, бритый, былъ похожъ на англичанина, по выправкѣ, манерѣ держаться, по образу мыслей. Онъ былъ вѣчно занятъ своими дѣлами и со снисходительной небрежностью относился къ тѣмъ оккультическимъ собраніямъ, что завела его жена. Онъ возвращался домой въ дни-сборища только къ ужину. Не то онъ бывалъ въ эти дни въ своихъ засѣданіяхъ, не то у пѣвчихъ вдовой маркизы Инессы Львовны, съ которой игралъ въ безикъ, и которую онъ считалъ другомъ дѣтства, хотя она была моложе его лѣтъ на десять. — Къ Юстинѣ онъ тоже относился отрицательно.

— Знаешь, Мери это просто непонятно,

какъ одѣвается Юстя! — возмущался онъ. — Голыя руки, какая-то разлетайка, — точно она хочетъ испорхнуть на крышу. Это хорошо въ дамскихъ кружкахъ эстетовъ, а не въ порядочной семьѣ. Хотя бы ты, какъ старшая сестра, повлияла на нее, объяснила бы ей, что это отзывается статисткой изъ московской оперетки...

— Ты-бы съ ней самъ поговорилъ, меня она не слушаетъ, — возражала Марья Евстафьевна.

Исторія съ неожиданной смертью Бяленскаго (да и смертью-ли?) его поразила менѣе, чѣмъ друтихъ. Онъ только замѣтилъ:

— Я такъ и думалъ, что этимъ кончится. Бываютъ фizioноміи такъ скроенныя, что только идти не сумѣвъ прочесть на нихъ все до конца. Такое лицо было у этого зодчаго. Я считаю себя далеко не психологомъ; но когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ, и я взглянулъ на него, — тотчасъ-же подумалъ: «Э-э, милый, — ты кончишь плохо, и ничего въ своемъ дѣлѣ не создашь!».

— Онъ былъ талантливый архитекторъ, — возразилъ Берениковъ. — Я видѣлъ его проекты. Въ немъ было много фантазіи и искренняго творчества.

Верхоплавецъ сморщился, точно про-рванная облатка съ хинной пошла на его языкъ.

— Въ зодчествѣ фантазія — нуль въ кубъ! — сказалъ онъ. — Фантазія нужна декоратору. А зодчему нужно логическое творчество. Развѣ Акрополь — фантазія? Развѣ Айя-Софія или Вестминстеръ — фантазія? Тамъ есть опредѣленная идея, выраженная гениально. Художникъ знаетъ, что творитъ. Онъ знаетъ, что Софія — храмъ молитвы, что Вестминстеръ — высшее государственное учрежденіе, — и создавалъ въ этомъ на-

правленіи. А нынѣшніе зодчіе думаютъ о формахъ, строятъ вышшія гримасы, и опускуютъ главное: приращеніе архитектурно-чeskихъ элементовъ идеи зданія въ концепцію.

Николай Никаноровичъ такъ привыкъ говорить въ засѣданіяхъ рѣчи и «резюмировать», что никакъ не могъ отдѣлаться отъ книжнаго, приподнятаго языка. Онъ всегда вмѣсто «господствовать» говорилъ — «доминировать», вмѣсто «зачаточный» — «эмбриональный», вмѣсто «справка» — «анкета». При этомъ онъ говорилъ, что необходимо беречь «прекрасный русскій языкъ» и что это забывалъ еще кто-то изъ писателей.

Когда произошла катастрофа у Береникова и тотъ ему подробно разсказалъ, какъ все случилось, Верхоплавецъ все происшедшее очень не одобрилъ.

— Ты съ братомъ во всемъ виновать самъ, — сказалъ онъ. — Что за разгильдяйство, за халатность, — скажу болѣе: что за сносная распушенность! Ты что-то такое изобрѣтаешь, братъ твой тоже. И вдругъ вы позволяете входить въ вашу квартиру какой-то бабѣ со своимъ ключомъ?

— Она проходитъ черезъ парадный ходъ, — ее видитъ всегда швейцаръ, — объяснилъ Алеша.

— Но почему-же она не можетъ вынуть кого-нибудь съ чернаго хода? Наконецъ, что за свинство, что за распушенность, что вы позволяете входить женщинамъ въ вашу комнату, пока вы въ кровати, пока вы раздѣты? — Вычистить платье! Для этого выставляютъ платье и обувь за двери. Да, — выставляютъ за двери! Ты говоришь, что эта блблгзая баба завьла при видѣ незнакомаго покойника на кровати твоего брата?

Завоешь! Особенно, если она предварительно вымила глинтвейнъ, что стоялъ на столѣ съ вечера. Кстати: почему ночью, пока ты спалъ, Бяленскій не могъ его выпить? Онъ проснулся, почувствовалъ жажду, пошло твое уже охладѣло... Вѣдь надо быть такимъ кретиномъ, какъ этотъ судебный слѣдователь, чтобъ придавать значеніе пустому стакану... Потомъ: что такое двадцать восемь тысячъ? Почему это пухлая пачка ассигнацій? Залогъ всегда вносятся бумагами. Одинъ листъ въ двадцать тысячъ, одинъ въ пять, и шесть бумажекъ по пяти-сотъ, — это вотъ такой тоненькій пакетъ. Что у Лучинина, — газетная контора, гдѣ набираются деньги отъ розничной продажи и отъ объявленій кухарокъ и горничныхъ?

Разъ, вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ начали собираться участвующіе въ оккультныхъ собраніяхъ и пришелъ еще одинъ только Берениковъ, Верхоплавецъ, уже одѣтый совсѣмъ, чтобы ѣхать, говоритъ Алешѣ:

— Все это глупо, все неестественно, натянуто, какъ въ оперѣ. Ложатся спать — поютъ; умираютъ — поютъ; убиваютъ — поютъ...

— Вы бы, Никка, оставили оперу въ покоѣ, — отозвалась золотообручная Нидія.

— Зачѣмъ? Опера такая-же ложь, какъ та, что охватила нашу жизнь огненнымъ кольцомъ, — возразилъ онъ. — Черезъ это кольцо нельзя перескочить, какъ прыгаютъ черезъ костры пьяные пѣмцы на куалербергъ. Мы ушли по шею въ трясину джи и сидимъ въ этомъ ржавомъ болотѣ. Вся Россія мнѣ представляется разогрѣтой и размыченной тоной, гдѣ обыватели икаютъ, сидятъ среди лягушекъ и червей въ трясинѣ, довольно поводить глазами и ничего не хотятъ. А когда ихъ ухватитъ Немезида за

шиворотъ, они удивятся и крикнутъ: «Ка-раулъ!»

— Я думаю, что и Немезида сидитъ съ ними въ болотѣ, — проговорилъ задумчивъ Алеша, — и никого болѣе за воротъ не беретъ.

Верхоплавецъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, а я полагаю, что въ одно прекрасное утро вдругъ она точно съ неба свалится... «А кто здѣсь Ляпкина-Тяпкина?» Подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» Вотъ Юстя устремляетъ свои очи въ безвоздушное пространство, видитъ безплотныхъ духовъ, слышитъ голоса, — а главнаго не видитъ и не слышитъ...

Юстина встрепенулась.

— Чего я не вижу?

— А того, что Немезида близка. Что мечъ ея занесенъ надъ нами. Чѣмъ заниматься оккультными утопіями, гораздо лучше подумать о томъ, что ожидаетъ насъ завтра.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Отъ редакціи. Въ послѣднемъ фельетонѣ В. И. Немировича-Данченко, по корректурному просмотру, напечатано: «жилицъ изъ комнаты» (вмѣсто «мертвецъ») и «у самого голоса дрожить» (вмѣсто «у самой»), что относитъ рѣшину къ герою вмѣсто героини.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXI.

Въ это время вошла въ комнату Марья Евстафьевна, пышная, душистая, спокойная, съ вздрагивающими ноздрями и съ папирасой, которая идетъ инымъ женщинамъ, даже когда онѣ не курятъ.

— Что ожидается насъ завтра?—спросила она мужа.

Въ отвѣтъ онъ посмотрѣлъ на часы.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ.

— Ты и сегодня убажашь?

— Я и сегодня убажаю. Неужели ты думаешь, меня интересуетъ вся эта банда Деметровъ и компанія, что ты поешь чаемъ и кормишь осетриной и рыбчиками?

— Безикъ интереснѣе?—Не безъ ехидства спросила она.

— Сегодня—увы!—у меня засѣданіе Общества содѣйствія торговымъ сношеніямъ съ Австраліей.

Она косо усмѣхнулась.

— Вопросъ необычайной важности?

— Да, въ Австраліи воловьё мясо лучше нашего, чернаго. Консервированное оно понизитъ у насъ цѣны на мясные продукты. Это вопросъ гораздо болѣе важный, чѣмъ многіе думаютъ. Если мы не успѣемъ заключить договоръ во-время,—насъ ожидаетъ голодъ.—Кончится тѣмъ, что говядина на нашихъ рынкахъ будетъ продаваться по двадцать рублей за фунтъ. Да, да,—и это будетъ. Это утверждаютъ всѣ экономисты!

Онъ подошелъ къ зеркалу, вынулъ карманную щеточку, пригладилъ волосы, и закончилъ:

— Повторяю, Мери: если бы твой кружокъ задался цѣлью подумать о ближайшемъ будущемъ, это было бы гораздо продуктивнѣе, чѣмъ заниматься отвлеченными пырпаями въ область психики. Впрочемъ, я думаю, ты сама занимаешься оккультизмомъ отъ нечего дѣлать, потому что это нынче въ модѣ. Алеша ходитъ сюда, какъ ходилъ бы, если-бы здѣсь играли въ домино или фанты.

Юстя увлекается мистицизмомъ, потому что она юрдивая по натурѣ. А вотъ идетъ Нидія...

— А Нидія?—Ужъ докончи и ея характеристику,—попросила она.

— А Нидія хочетъ быть поближе къ Алешѣ, и какъ можно болѣе провести съ нимъ времени.—Ну, до свиданія,—я їду!

Вопедная Нидія ничего не сказала. Беренинцовъ слегка покраснѣлъ и, проводивъ круглыми глазами «члена второй думы» и пошедшую вслѣдъ за нимъ Марью Евстафьевну, повторилъ свое обычное:

— Потифарь!

XXII.

СЛѢПЕЦЪ.

Мери, сказавъ въ прихожей мужу что-то, чего не хотѣла говорить при кузенѣ и сестрахъ, воротилась въ гостиную въ сопровожденіи только что прїѣхавшаго отставного слѣпца-польковника, который носилъ фамилію Широ. Онъ только полгода какъ сталъ бывать въ домѣ Верхонлазцевыхъ и былъ аккуратнымъ посѣтителемъ оккультныхъ собраний. Какъ всѣ слѣпцы, онъ шелъ прямо, неподвижно глядя впередъ неморгающимъ глазами, скромно сложивъ на брюшкѣ руки.

— Здѣсь сестры и Алеша,—предупредила его хозяйка.

Онъ старался угадать,—кто и гдѣ сидитъ, и внимательно прислушивался къ каждому шелесту, придавая лицу радостно, нѣсколько виновное выраженіе. Нидія помогла ему:

— Здравствуйте, Павелъ Васильевичъ,—сказала она, взявъ его за осторожно протянутую ей руку, и наблюдала, какъ подходили къ нему Юстя и Алеша, тоже здоровались и старались ему помочь въ рукопожатіи. Онъ все благодарно улыбался и съ чувствомъ называть всѣхъ по именамъ.

— Вѣтра, кажется, нѣтъ?—спросила хозяйка, когда Широ ушелъ въ кресло.

— Вѣтра нѣтъ, морозъ, мѣсяцъ свѣтитъ: сегодня полнолуніе.

Онъ сказалъ это такъ, точно видѣлъ сейчасъ зеркальный щитъ зимняго мѣсяца, а не получилъ свѣдѣніе о полнолуніи изъ сегодняшняго календаря, что по утрамъ читала ему лектриса.

— Хотя сегодня пятница,—заговорилъ онъ, сгоняя съ своего лица улыбку,—но я навѣрно не зналъ, будетъ-ли у васъ обычное собраніе.—Я думалъ, что событія на квартирѣ Алексѣя Давидовича могли повліять...

— Напротивъ, я надѣюсь, что сегодня будетъ весьма оживленно,—сказала Марья Евстафьевна.

— О, я такъ этому радъ,—заговорилъ слѣпецъ.—Вы знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я лишился зрѣнія, единственное утѣшеніе мое—это проникновеніе въ глубины теософій и оккультизма.

— Между тѣмъ и другимъ разница,—замѣтила Юстина.

— О, да! Я знаю. Но занятіе однимъ не исключаетъ возможности погруженія и въ другую область.—Это мое единственное утѣшеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я ослѣпъ...

— А вы давно ослѣпли? — прервала его Юстина.

Лицо его изобразило меланхолію и страданіе.

— Пять лѣтъ.

— А причины?

Онъ покалъ плечами.

— Говорятъ, наследственность... Такъ вотъ я чувствую, что оккультизмъ даетъ мнѣ силы мириться съ моимъ несчастьемъ. Я чувствую, что это временное испытаніе. Пусть мое тѣлесное зрѣніе утеряно. Зато внутреннее зрѣніе духа влутъ отверзлось. Я сталъ видѣть, чувствовать, понимать многое, что прежде мнѣ было неясно и недоступно.

Онъ говорилъ это нѣсколько нараслѣвъ, какъ заученный урокъ. Видимо, онъ повторялъ это не разъ и слова слились уже въ стереотипную фразу.

— А скажите, васъ не волнуетъ политика, война, отношеніе къ союзникамъ, наши финансы?—спросила Нидія.

Онъ усмѣхнулся.

— Съ некоторыми поръ все это мнѣ кажется мелкимъ. Духовная жизнь—вотъ,

центр и смыслъ мірозданія... А политика, социализмъ, культура,—все это ничтожно и мелко. Истинныя величіе и сила,—въ томъ огромномъ міровомъ пространствѣ, гдѣ разбросаны коесмы — сознательные и прекрасные. Мы—частица одного изъ такихъ міровъ. Да, ослѣпнуть,—величайшее несчастье, но слѣпота открыла свѣтъ въ душѣ моей, и этого свѣта не преодолѣть никакой тѣмъ...

— Скажите, — начала Нидія, когда онъ замолчалъ, — а какого вы мнѣнія о Леммѣ?

По лицу его дрогнула судорога: точно пробѣжала какая-то мысль.

— А его еще нѣтъ здѣсь? — спросилъ онъ.

Хозяйка сказала, что нѣтъ.

— Я его мало знаю.—Онъ помолчалъ, — точно размышлялъ, сказать или нѣтъ. Потомъ прибавилъ: — Я слушаю три раза его сообщенія и онъ мнѣ показался... Я не хочу сказать—шарлатаномъ,—сохрани Богъ! А...

— А чѣмъ же? — спросилъ Беренинцовъ.

— А... карьеристомъ. Въ тонѣ его голоса, въ моментъ пострепенія рѣчи, есть что-то сухое, противное. Его голосъ—не тотъ естественный голосъ, которымъ снабдила его природа. Это искусственно выработанный тембръ. Бываютъ такіе почерки. Люди рѣшаютъ почему-нибудь порвать со своимъ прошлымъ и вырабатываютъ себѣ новый, дѣланный почеркъ... Это легче, чѣмъ переработать свою рѣчь... Онъ—интересный субъектъ, интересный противникъ... Но типе!..

Слѣпецъ приподнялъ голову и прислушался.

— Это онъ идетъ сюда.

Въ дверяхъ показалась фигура Лемма. Онъ, какъ всегда, холодный, сдержанный, уравновѣшенный, не то почтительно, не то насмѣшливо подошелъ къ хозяйкѣ и спросилъ:

— Я не помѣшалъ?

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Реманъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцановскаго, П. П. Гильдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродскій, В. И. Некжировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

Загадочная смерть и слѣдомъ исчезновеніе трупъ архитектора гяженицкаго волнуютъ столицу. Къ дѣлу, очевидно, прикосновенна шайка авантюристовъ, присвоившая себѣ имя «Чортовой дюжины» и возглавляемая свѣтскимъ проходцемъ Лемэмомъ. Противъ темныхъ силъ, воплощенныхъ въ Лемэмъ и «Дюжинѣ», намѣчается борьба, центръ которой слѣпецъ офицеръ Широ.

XXIII.

ТАЙНА ТРИНАДЦАТИ.

Въ дверяхъ показалась фигура Лемэма. Онъ, какъ всегда, холодный, спокойный, уравновѣшенный, не то почитительно, не то насмѣшливо подошелъ къ хозяйкѣ и спросилъ:

— Я не помѣшалъ?

— Мы васъ ждали, — отвѣтила Марья Евстафьевна. — Мы говорили съ Павломъ Васильевичемъ объ оккультизмѣ, — и я хотѣла его спросить въ ту минуту, когда вы вошли, какого онъ мнѣнія о цифрѣ тринадцать? У насъ въ домѣ въ послѣднее время только и говорятъ, что объ этой цифрѣ.

Алена дотронулась до руки Ниди и приказала ей глазами на дверь. Она вышла въ соседнюю комнату, и остановилась, какъ всегда, у окна.

Лемэмъ сѣлъ рядомъ со слѣпцомъ и, повернувъ голову, сталъ въ упоръ смотрѣть въ его незрячіе глаза. Широ слегка повернулся къ нему бокомъ, и даже подвинулъ свое кресло такъ, чтобы избѣжать его взгляда.

— Тринадцать? — сказалъ онъ, и легкая улыбка волнистой линіей пробѣжала по его губамъ. — Чортова дюжина? Число, какъ число. Какъ три, семь, девять... Девять — число даже болѣе мистическое. На девятый день бываетъ кризисъ всѣхъ болѣзней, — что съ точки зрѣнія обывателя земли должно считаться очень важнымъ. Въ «чортовой дюжинѣ» больше шарлатанства, чѣмъ истиннаго значенія.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ Лемэмъ.

Широ обернулся въ его сторону и медленно, сквозь зубы, какъ лунатикъ сказалъ:

— Нѣтъ, я не ошибаюсь.

Брови Лемэма нахмурились, но онъ тотчасъ же придалъ своему лицу безразличный видъ. По движеніямъ мизинца правой руки, который тр судорожно сжимался, какъ пойманный червякъ, то распрямлялся во всю длину, замѣтно было, что Лемэмъ неожиданно наткнулся на какое-то препятствіе. Хотѣлъ что-то сдвинуть съ своего пути, и не могъ. Холодные слѣпые глаза все такъ же смотрѣли на него, та же улыбка змѣилась на тонкихъ губахъ.

— Я не ошибаюсь, — повторилъ Широ — Я говорю только то, что знаю. Есть прямой путь знанія, путь къ истинному свѣту, и есть волнисто-колеблющаяся линія, которая заводитъ неопытныхъ въ дебри...

Слѣпецъ положилъ свою правую руку на ручку кресла съ той стороны, цѣлѣ сдѣлать Лемэмъ, и, все усмѣхаясь, впился незрячими глазами въ своего соседа. Лемэмъ почувствовалъ, что блѣдное восковое лицо Широ, съ безкровными губами, большимъ, широкимъ носомъ, почти безкровное, съ рѣдкой пепельной бородой, — точно стало шире и больше. Точно большой свѣтлый комъ блѣлъ передъ нимъ и улыбался.

— Прежде, чѣмъ утверждать что-нибудь господинъ Лемэмъ, надо хорошо знать то, о чемъ говорить, — продолжало блѣдное лицо. — Надо быть чистымъ съ головы до ногъ. Нужно, чтобы каждый фибръ былъ освѣщенъ вѣрой въ великое знаніе. Нужно, чтобы каждая капля крови была очищена ртутью змѣянаго яда зла. А если нѣтъ этого, — лучше отойти отъ великаго ученія...

Теперь уже Лемэмъ старался улыбаться.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? — спросилъ онъ.

— Если тѣ силы, — продолжалъ

Широ, — тѣ силы, которыми располагаетъ человѣкъ, онъ употребить не на добро, если въ его замыслахъ будетъ руководить имъ личная польза, во вредъ ближнимъ, то... то стрѣлы, пущенныя имъ могутъ обратиться на него самого и убить его...

Онъ вдругъ слегка наклонился къ Лемэму и тихо-тихо прошепталъ, такъ что тотъ едва уловилъ эти звуки:

— Советую вамъ быть со мной осторожнымъ.

— Я не боюсь васъ, — шепнулъ такъ же Лемэмъ и быстро вставъ, слѣлалъ нѣсколько шаговъ къ противоположной стѣнѣ.

— У васъ, кажется, новая картина? Ея прежде здѣсь не было? — спросилъ онъ.

— Да, — сказала Юстинна. — Эрмитажная копія. Это Мери купила на аукціонѣ

— Я купила ее третьяго дня на аукціонѣ общества поощренія художествъ, — подтвердила Мери. — Правда, мило? И недорого.

Она поднялась навстрѣчу толстой пожилой дамѣ и костлявому длинноволосому молодому человѣку. Это была писательница Бубенцова и поэтъ Демицдевъ — постоянные посѣтители собраній Верхославцевыхъ.

— Бойтесь меня! — шепнулъ слѣпецъ Лемэму, проходившему мимо него.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

XXIV.

КОШМАРНАЯ УГЛОВЩИНА.

Бубенцовой было уже побольше полулѣтка, но это не смущало ея. Она оголяла грудь дѣлала такой низкій вырѣзъ у шеи, утломъ вылизъ, что одинъ художникъ-портретистъ у нея спрашивалъ: «А вы не боитесь запылиться?» Бубенцова вступила въ тотъ возрастъ, когда женщины начинаютъ нравиться совсѣмъ молодые люди — студенты, правовѣды, кадеты. Она говорила:

— Я изучаю ихъ, какъ писательница. Я изучаю въ нихъ бутоны прядущаго цвѣтенія. Пока это вербныя распуковки будущаго расцвѣта. Они нѣжны, доверчивы, любознательны, воспримчивы. Они еще не испорчены жизнью...

— И вы ихъ портите? — спрашивали ее.

— Я ихъ научаю жизни, и остерегаю! — отвѣчала она.

Очевидно, она остерегала и Демицдева, длиннокудраго поэта, съ пылью на темени, образовавшейся еще въ эпоху самаго нѣжнаго дѣтства. Онъ могъ ей годиться не толь-

ко въ сыновья, но, чего добраго, и во внука, хотя уже три года, какъ печатался и римовалъ такіе страшные слова, какъ «путь» и «другъ», «касаемо» и «блистаемо». Онъ объяснял свою близость къ прорѣзанной писательницѣ своимъ испорченнымъ вкусомъ. Разкалясь на софѣ, онъ говорилъ умирающимъ голосомъ:

— Я люблю лимбургскій сыръ съ его мякроками. Отъ Бубенцовой пахнетъ румянами — пусть; съ носа слышится пудра — пусть; губы намазаны какимъ-то алымъ саломъ — пусть... Это даетъ взвинчивающій меня ароматъ...

Онъ говорилъ это ей въ глаза. Она трепала его патишавшей морщиться рукой по тонкой птичьей шеѣ, болтавшейся среди опромныхъ отворотовъ воротника, какъ языкъ у правдиваго козла на звонницѣ, и одобряла:

— Милый мальчикъ!

У Бубенцовой была дочь, — кончившая институтъ. Она начала мазаться и подводить глаза съ тринадцати лѣтъ, такъ что старая дѣва, мадемуазель Вутчинина, бывшая ихъ классной дамой, говорила:

— Несчастная, что же вы себѣ оставляете на будущее, если уже теперь начали мазаться?

А преподаватель алгебры, преграбый полякъ Хросцицкій, не стѣняясь заявилъ:

— Бубенцова прямо въ дѣвки претъ! Вся съ матъ!

Вмѣстѣ съ писательницей и поетомъ вояротились въ гостиную и Ниди съ Аленой. Ниди была чѣмъ-то взволнована. Аленка сразу стала центромъ общаго вниманія.

— Расскажите, пожалуйста, какъ все это случилось, — говорила Бубенцова, облизывая красныя губы, — это такъ интересно!

И Берендиръ въ сотый разъ началъ рассказывать про глнтивейнъ, опроборенную голозу прокурора, про выкачанныя бѣлые бабы, про исчезающее тѣло.

— Я бы хотѣлъ, чтобы со мной случилось что-нибудь подобное, — лѣниво протянулъ Демицдевъ, когда Алена кончила своею эпопею. — Я бы хотѣлъ, чтобы у меня на кровати умеръ внезапно близкій мнѣ чедовѣкъ. Это переживанія...

— Это, кошмарно! — воскликнула Бубенцова.

П. Гильдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. О. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагородской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXV.

Юстина села рядомъ со слѣпцомъ и спросила тихо у него:

— Откуда у васъ эта сила?

Онъ встрепенулся, но по своему обыкновенно, отвѣтилъ не сразу.

— Вы до вашей болѣзни занимались оккультизмомъ? — успѣла спросить она его, пока онъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Да, — не торопясь отвѣтилъ онъ. — Я родился въ Бомбей. Въ то время онъ былъ центромъ теософическаго общества. Потомъ родители мои жили въ Америкѣ и Англіи, потомъ — въ Эберфельдѣ. Въ Эберфельдѣ жила и глава теософовъ того времени — Желлиховская. У насъ въ домѣ въ Лондонѣ бывала Круиксъ, какъ оной человекъ. Медумическіе сеансы я видѣлъ съ дѣтства, — вотъ почему они меня совсѣмъ не интересуютъ... Всѣ эти Олыкотты и компаніи обивали пороги нашего дома. Медумизмъ, оккультизмъ и теософія сплетались въ неразрывной клубокъ. А если къ этому присоединить и престижиджигаторство...

Юстина замѣтила что Лемэмъ, сидѣвшій неподалеку, старается вслушаться въ ихъ разговоръ и уловить, о чемъ идетъ рѣчь. Она дотронулась до рукава Широ, и сказала:

— Говорите тише.

Слѣпой полковникъ усмѣхнулся и замѣтилъ:

— Вѣрно Лемэмъ подслушиваетъ. — Онъ возвысилъ голосъ, чтобы тотъ его услышалъ.

Я думаю, что настоящая его фамилія не Лемэмъ, а вѣрнѣе Quand mème.

— Это, кажется, девизъ Сары Бернаръ? — спросила дѣвушка. — Я помню,

онъ вышлѣлъ на занавѣсъ ея театра въ Парижѣ.

— Да, — она іудейскаго племени, — отвѣтилъ Широ.

— Я бы желалъ, — мечталъ въ слухъ поэтъ, отвалился въ креслахъ и заложивъ ногу за ногу, такъ что выше ботинка можно было видѣть не только черныи чулокъ, но и что-то сомнительно-сѣраго цвѣта. — Я бы желалъ, чтобы рядомъ со мной на кровати ночью лежалъ женскій трупъ, притомъ женщины мнѣ близкой.

— Вы поклонникъ некрофиліи? — серьезно спросилъ Лемэмъ.

Поэтъ посмотрѣлъ на потолокъ, и сказалъ: — Нѣтъ. Но... но я понимаю некрофиловъ. То шепчущее болѣзненное чувство, что наплываетъ на...

— Въ самомъ дѣлѣ, — будетъ! — сказала строго Марья Евстафьевна. — Мнѣ не нравится эта тема!

— Почему же? — удивился Демидцевъ. — Неужели лучше говорить объ удручившихъ газахъ, о Распутинѣ, о Шалыгинѣ? Почему мертвые хуже живыхъ? Трупъ — бездушная оболочка, — только пустой ящикъ, изъ котораго все вынуто. Въ то-же время — это звено между великимъ духомъ и падалью. Оно осуждено уже на сгниваніе. Но въ немъ еще кое-гдѣ ютятся искры жизни, — какъ перебѣгающіе огоньки въ потухающемъ кострѣ... Я зналъ одну женщину, которая умирая, въ агоніи, привлекала къ себѣ мужа...

— Оставьте! — воскликнула хозяйка.

— Я рѣшительно противъ такихъ разговоровъ.

Демидцевъ замолчалъ, повернулъ къ ней голову, потомъ всталъ, точно собиравшись уйти.

— Вы хотите перемѣны разговора? — спросилъ онъ, извольте, пусть тогда говорятъ другіе, а я замолчу.

И онъ сѣлъ опять на свое мѣсто, только положилъ сверху другую ногу и сталъ ею показывать, что госпожа Бубенцова находила весьма граціознымъ жестомъ.

Вошелъ старый сенаторъ, Авениръ Леонтьевичъ Лещукъ-Лыпихинъ, — крестный отецъ Ниди подвижной, румяный, несмотря на свои годы, со сверкающей полированной лысиной, вошелъ слегка прихрамывая на лѣвую ногу. Онъ поздоровался съ сестрами, подставляя имъ для поцѣлуя гладко выбритыя щеки и самъ цѣлуя ихъ, а воздухъ. Онъ былъ какой-то ихъ дядя, но почему дяди — и какой: двоюродный, или троюродный — этого никто не могъ опредѣлить. Только онъ указывалъ на одно:

— Я присутствовалъ при крещеніи всѣхъ трехъ сестеръ, и видѣлъ, какъ восприемники плевали на чорта, дули на него и заявляли: «отрекохся». И самъ плевалъ, когда крестили Нидию.

Это было большой шансъ для него, и потому онъ говорилъ всѣмъ тремъ сестрамъ «ты».

Поздоровавшись, веселый и довольный, какъ всегда, довольный всѣмъ: и службой, и погодой, и племянницами, — онъ усѣлся на диванъ и спросилъ:

— Ну, какъ ваша чортова дюжина поживаетъ?

Вопросъ этотъ онъ обратилъ прямо къ Лемэму. Тотъ какъ будто удивился, и спросилъ:

— Почему «моя»?

— А чья же? Вѣдь вы ея инициаторъ? — Марья Евстафьевна обиженно остановила его.

— Нѣтъ, дядя, это моя идея. Я рѣшила, что цифра тринадцать должна фигурировать за нашими интимными ужинами, — вопреки суевѣрію и предрассудкамъ.

Ну, и исполать тебѣ, — сказалъ Лыпихинъ.

— Господи! Широ отрицаетъ мистическое значеніе этой цифры, — проговорилъ Лемэмъ.

— Полковникъ? Напрасно полковникъ! — сенаторъ, все добродушно пошмыгивалъ. — Напрасно! Вы, значитъ, плохо осифомлены. Чортова дюжина теперь болѣе сива, чѣмъ когда-нибудь.

Слѣпецъ поднялъ голову. — Сила? Почему?

— Сила, съ которой надо считаться. Здѣсь уже съ годъ, какъ образовалась, организовалась банда. — Она живетъ грабежами, или, какъ теперь принято называть, экспроприациями. Не мелочи участники ея не мараютъ рукъ, — не куда пахнеть сотнями тысячъ, — они уже поводятъ носомъ. Говорятъ, эта банда называется «Чортовой дюжиной».

— Да, я объ этомъ слышалъ, — отозвался небрежно Лемэмъ. — Ну, что же, — они занимаются экспроприацией имущества только миллионеровъ? Наши министры, градоначальники и администраторы грабятъ и выжимаютъ соки изъ обывателей, не считаясь съ ихъ имущественнымъ цензомъ, да еще говорятъ, что это долгъ службы.

— У Бяленскаго изъ квартиры похищено около девяносто тысячъ, — сказали Берениковы.

— Болѣе миллиона, — поправилъ его Лемэмъ.

— Я говорю, что мнѣ сказали, слѣдовательно, — объяснилъ Алеша.

Лемэмъ улыбнулся.

— Ему, конечно, и книги въ руки.

— Сваха говоритъ въ одной пьесѣ Островскаго, — проговорилъ сенаторъ, — что для нея все, что больше тысячи, то миллионъ. Не все ли равно, — девяносто тысячъ или полтора миллиона? — Во всякомъ случаѣ это уголовщина, да еще кошмарная.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцяновскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградской, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXVI.

РАЗГРОМЪ ЮВЕЛИРНАГО ДОМА ДЮБУА.

— Что же, напали на слѣды похитителей?—спросилъ Лемэмъ.

— Нѣтъ, сдѣлано чисто, и всѣ слѣды заметены. Правда, нашлись кой-какія анти...

— А какія?

— Дактилоскопическаго характера.

— А, я знаю, — радостно воскликнула госпожа Бубенцова. — Это отпечатки отъ грязныхъ пальцевъ.

Лемэмъ покачалъ головой.

— Это плохая улика, — сказалъ онъ. — Да вдобавокъ, теперь въ Америкѣ, найденъ способъ перерождать ткани на концахъ пальцевъ.

— Такого способа нѣтъ, — раздался изъ угла голосъ. — Это сказалъ Шпро. — Пробовали для этого брать азотную кислоту, но неудачно...

— Азотная кислота уже оставлена, — замѣтилъ Лемэмъ.

— Да, — продолжалъ слѣпецъ, — и вмѣсто нея попробовали примѣнять электричество. Даже просто усиленно терли концы пальцевъ каждакомъ и пемзой. Операция эта болѣзненная, и не даетъ — увы! — должныхъ результатовъ.

— Вы заблуждаетесь, полковникъ, — сказалъ Лемэмъ.

Полковникъ загадочно улыбнулся.

— Нѣтъ, я не заблуждаюсь. Сначала, правда, стирание даетъ свои плоды и узоръ фибровъ сглаживается. Но спростъ поставить преступника въ невозможность продолжать

эти опыты, какъ, природа совершаетъ буквально чудо. По прошествіи недѣли на сглаженныхъ мѣстахъ проступить сперва еле замѣтно прежній рисунокъ. Потомъ онъ дѣлается все опредѣленнѣе и яснѣе съ каждымъ днемъ. И черезъ пятнадцать дней онъ фотографически-точно воспроизводитъ прежній узоръ сочетанія волоконъ. Искусственное стирание только подчеркиваетъ желаніе преступника уничтожить слѣды преступленія.

Сенаторъ кивнулъ головой, точно слѣпецъ могъ видѣть этотъ кивокъ.

— Да, я слышалъ то же, — сказалъ онъ.

— И кромѣ этихъ эфемеридъ — дактилоскопическихъ отпечатковъ — ничего не нашли? — продолжалъ допытываться Лемэмъ.

— Нѣтъ, нашли еще кое-что. Но вотъ что интересно. На ручкахъ несгораемой кассы Бяленицкаго, и на вещахъ квартиры Четвергова... На квартиру этого профессора вѣдь тоже былъ налетъ... Слѣды отъ пальцевъ оказались тождественны...

Лемэмъ улыбнулся. Иронически, зло улыбнулся.

— А на ассигнаціяхъ, что опечатавъ судебный приставъ у Алексѣя Даниловича, не нашли такихъ-же слѣдовъ? — спросилъ онъ.

Сенаторъ вытянулъ далеко впередъ губы.

— Это идея! — сказалъ онъ. — Я предложу, чтобы произвели изслѣдованіе.

— Ну, что-же, — и несомнѣнно найдутъ ты же слѣды, — сказалъ слѣпецъ.

— А вы слышали, что произошло сегодня въ Морской? — спросилъ Лемэмъ, обводя глазами все собраніе и какъ будто желая

дѣлать разговоръ новое направленіе. — Вы знаете, что разгромленъ ювелиръ Дюбуа?

Никто объ этомъ не зналъ.

— Налетъ произведенъ былъ необычайно смѣло и дерзко. Не думаю, чтобы какіе-нибудь дактилоскопическіе снимки дали результатъ. Я могу передать вамъ тѣ подробности, что завтра появятся во всѣхъ газетахъ.

— Но я знаю Дюбуа, — это очень почтенный человѣкъ! — воскликнула хозяйка.

— Очевидно, есть люди, что съ этимъ не считаются, — возразилъ пасмѣшливо Лемэмъ. — Если у этого почтеннаго человѣка много денегъ, — ихъ отбираютъ отъ него — въ видѣ ли золота, бумагъ или драгоценныхъ камней — безразлично.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, — какъ было дѣло, — торопила писательница.

Лемэмъ провелъ платкомъ по своимъ усамъ, какъ будто для того, чтобы виднѣе были его алые, крупные губы, остановилъ на нѣсколько секундъ глаза на Юстинѣ, какъ будто хотѣлъ узнать, а что она думаетъ и почему она такъ любопытно уставилась на него, и началъ.

— Вчера къ почтенному человѣку, какъ назвала Дюбуа многоуважаемая хозяйка здѣшняго дома, явился господинъ въ темныхъ очкахъ и съ рыжеватой бородой. Онъ отрекомендовался директоромъ какой-то кинематографической фирмы и сказалъ, что имѣетъ надобность переговорить съ Дюбуа глазъ на глазъ. Дюбуа, человѣкъ осторожный, и всегда ходитъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ. Такъ принято у ювелировъ всего міра.

— И чудесно дѣлается, — одобрилъ сенаторъ.

— И чудесно дѣлаютъ, — подтвердилъ Лемэмъ. — Принялъ онъ посѣтителя въ отдѣльномъ кабинетѣ, куда ведутъ изъ магазина три ступеньки. Тамъ, подъ столомъ у него всегда лежитъ огромный догъ, похожій на тигра...

— Да, я знаю этого дога, онъ съ золотой

медалью, — сказалъ Алеша. — Его зовутъ Бобъ.

— Ну, вотъ видите — всѣ мои герои, о которыхъ вы знаете, знакомы слушателямъ. — Марья Евстафьевна знакома съ самимъ ювелиромъ — Алексѣй Даниловичъ, — знаетъ его дога...

— Я люблю поговѣ больше людей, — сказалъ Алеша.

— Дѣло вкуса. — Ну, вотъ, пришелъ посѣтитель въ кабинетикъ Дюбуа и началъ рассказывать. Фирма ихъ хочетъ поставить дѣло кино на широкую ногу. Хотятъ они дѣйствовать чисто по-американски и привлечь къ своей работѣ крупнѣйшіе торговые дома столицы. Они хотятъ начать съ Дюбуа. — Старикъ вообразилъ-было, что ему собираются предложить пай въ предпріятіи и началъ отказываться: онъ весь поглощенъ заказами по своему дѣлу и ему некогда разбрасываться. Но директоръ кино его успокоилъ: никакихъ денегъ и взносовъ имъ и надо. А только они хотятъ воспроизвести для ленты налетъ экспроприаторовъ на ювелирный магазинъ. Величайшая реклама для Дюбуа, чисто въ американскомъ стилѣ, — когда лента разойдется по всему міру, гдѣ будетъ запечатлѣнъ разгромъ его магазина. И наружный фасадъ, и онъ самъ, и всѣ его клерки будутъ фигурировать по всему свѣту...

— Тонко! — замѣтилъ сенаторъ. — Что же старикъ?

— Сначала онъ отмахивался, — говорилъ, что не надо. Потомъ логика директора въ очкахъ его начала побѣждать. Въ концѣ концовъ, онъ согласился, но согласился условно, обѣщавъ дать отвѣтъ сегодня утромъ.

— Это интересно! — воскликнула писательница. — Правда, это интересно, Антиной?

Антиной лежалъ въ креслѣ и, должно быть, воображалъ возлѣ труппы любимыхъ женщинъ. Онъ не отвѣтилъ ни слова.

П. Гнѣдичъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Рسمانъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцановскаго, Ч. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагородской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXVII. НА АДСКИХЪ КОНЯХЪ.

Лемэмъ продолжалъ разсказъ:

— На утро директоръ явился снова.

«Ну, что же, вы согласны?» — Чортъ съ ва-
ми, — все равно! — Когда же? — Тогда сей-
часъ. — Я познакомлю васъ съ пятерыми
изъ моихъ артистовъ; вы имъ покажете,
какъ и что надо дѣлать. И сейчасъ же при-
ступимъ. — Явились пять какихъ-то бри-
зкихъ физиономій. А директоръ говоритъ:
«Покажите, что собственно надо брать, гдѣ
у васъ самыя дорогія вещи, которыхъ клер-
ковъ надо связывать?» — Да скажите имъ,
чтобы они только дѣлали видъ, что сопро-
тивляются, а сами поддавались бы моимъ
ребятамъ»...

— Ахъ, прохвосты! — не выдержалъ се-
наторъ.

— Такъ заразили господина Дюбуа, что
онъ самъ началъ помогать и указывать.
Появился фотографъ съ аппаратомъ, уста-
новилъ его въ углу. Къ магазину подъѣхали
два автомобиля. Директоръ говоритъ: «А вы
бы нашего дота посадили на цѣпь; собака
глупа, она не понимаетъ, что все это ими-
тація и начесть рвать моихъ актеровъ».

Собаку заперли въ чуланъ. Потому всѣ на-
дѣли маски...

— Чортъ знаетъ, что такое, — раздалось
опять восклицаніе сенатора.

— Въ десять минутъ все было готово.
Клерки перевязаны, самъ ювелиръ съ
заткнутымъ ртомъ и связанными руками си-
дѣлъ въ креслахъ, и на него былъ наведенъ
револьверъ. А потомъ всѣ уѣхали въ авто-
мобиляхъ и ушли пѣшкомъ. Аппаратъ съ
фотографомъ исчезъ ранѣе...

— Ну, и что же? — спросила Марья Ев-
стафьевна.

— Освободили ихъ только черезъ полча-
са. Не только вещи, а и деньги изъ кассы
оказались взятыми. Несгораемый шкафъ
въ кабинетъ, почему-то отворенный Дюбуа,
очиненъ тоже... Дали знать въ сыское...
Но, конечно, пока ничего не нашли.

— Но кто же вамъ это рассказывалъ? —
спросилъ Беренниковъ.

— Самъ Дюбуа. Я былъ въ магазинѣ ча-
са черезъ три послѣ налета. Я пришелъ за
старой брошью, что отдалъ въ починку не-
дѣлю назадъ. Она оказалась тоже похищен-
ной. Дюбуа извинялся, разводилъ руками,
увѣрялъ, что, если найдутъ грабителей, от-
дастъ немедленно...

— Такъ вы что же думаете? — спросилъ
Беренниковъ, — что это дѣло опять-таки
«Чортовой дюжины»?

— Что-жъ, это весьма возможно, — точ-
но раздумывая, отвѣтилъ Лемэмъ, — оста-
навливая свой взглядъ на Юстинъ.

— Это навѣрно такъ, — подтвердила та.

— А не все ли равно: одна ли шайка со-
вершаетъ разбой, или много есть такихъ
висяльничковъ? — спросилъ слѣпецъ. — Важ-
но то, что развелась эта плѣсень, что стали
грабить нагло, открыто, среди бѣлаго дня.
Виноваты мы сами нашимъ инертнымъ,
пассивнымъ отношеніемъ ко всему окру-
жающему.

— Да, да, мы все пассивны! — пролепе-
тала писательница.

— Но, повторю, — сверкнувъ своими
крѣпкими зубами, заговорилъ Лемэмъ, —
эти экспроприаціи направлены исключи-
тельно противъ богатѣйшихъ представите-
лей буржуазіи и правительства. Частной
гражданской собственности грабители не
трогаютъ.

— Однако, на профессора Четвергова на-
летѣ былъ? Онъ, кажется, не буржуа и
не капиталистъ? — спросила Марья Ев-
стафьевна.

— Что же у него взяли? Хотѣли отобрать
часы, да и тѣ возвратили... Тогда какъ
господину Дюбуа...

Лемэмъ съ презрительной усмѣшкой под-
черкнулъ конецъ своей рѣчи.

— Господину Дюбуа едва ли удастся
возвратить то, что у него ограблено. Нынче
экспроприаторы не такъ наивны, какъ
прежде: они не прячутъ украденное въ под-
валы или среди могилъ на кладбищахъ.
Повѣрьте, уже крупнѣйшіе брилліанты вы-

нуты изъ оправъ и съ какимъ-нибудь изъ
вечернихъ поѣздовъ уносятся далеко отъ
столицы, зашитые въ полы елейныхъ, ста-
рообрядческаго вида, добродушныхъ пасса-
жировъ, вздыхающихъ и творящихъ еже-
минутно крестное знаменіе.

— Такъ что вы видите въ партіи этихъ
мерзавцевъ чисто политическое направле-
ніе? — спросилъ сенаторъ.

— Не политическое, ваше высокопре-
восходительство, — полнасмѣшливо попра-
вилъ его Лемэмъ, — а скорѣе социальное. Да,
тутъ социалистическіе принципы проводятъ
красной нитью... Мы вообще напомнимъ
большинхъ, крупныхъ событій, и вопросъ
объ экспроприаціи вещей у извѣстныхъ
ювелировъ — вопросъ спорный. Подходить
ли это къ категоріи грабежей на большихъ
дорогахъ, или во всемъ этомъ есть какая-то
идейная подкладка? Общественная жизнь
не только у насъ, а и во всей Европѣ впе-
нула въ ложную колею. Война, что пере-
живаемъ мы, не поможетъ народамъ освобод-
иться отъ этихъ путъ...

— А вы бы свою мысль облекли въ бо-
лѣе удобопонятную форму, — предложилъ
сенаторъ.

Часы ударили половину десятого. Марья
Евстафьевна шепнула Ниди:

— Какъ сегодня собираются поздно.

— Извольте, — проговорилъ Лемэмъ и
выпрямился. Онъ забралъ въ широкую
грудь побольше воздуха, чтобы не преры-
вать дыханья при длинныхъ періодахъ рѣ-
чи, и, какъ опытный ораторъ, пригото-
вился говорить.

— Мы, — началъ онъ, — летимъ въ какую-
то преисподню. Какіе-то адскіе кони, дыша-

щіе пламенемъ, влекутъ насъ на колесахъ
Плутона въ мрачный Аидъ, какъ некогда
влекли Прозерпину...

Шпро поморщился. Онъ не любилъ, ко-
гда говорилъ Лемэмъ. Отшлифованныя за-
вершенныя фразы, громоздясь одна на дру-
гую, возводили передъ слушателями, цѣлый
узорный замокъ, злобный, ужасающій. Въ
манерѣ оратора было то, чѣмъ пегедали
когда-то идейные романтики. Они пугали
демоническими образами слушателей. Какъ
сказочные звѣри на башняхъ средневѣко-
выхъ соборовъ, эти угрозы сидѣли по кар-
низамъ, оберегая всѣ ходы и выходы отъ
проникновенія туда свѣтлой мысли. Съ
одной стороны, всѣ колонны, всѣ своды
неслись вверхъ, говорили о небѣ. Разно-
цвѣтные круглые розетки алтарей, окра-
шивая въ радужные цвѣта дымъ кадила,
напоминали фантастическій рай, органъ
звучалъ неземными звуками. Съ другой —
искривленные образы, скрученные гримаса-
ми, горбатая странилица въ судорогахъ, —
напоминали бѣдному человечеству о мірѣ
страданій и вѣчныхъ мукъ. Съ одной сто-
роны — кроткій ликъ Раснигата на крестѣ;
съ другой — свирѣпая инквизиція, таин-
ственная, всеожигающая, беспощадная...

У Шпро связалось представленіе о Ле-
мэмѣ инквизиторъ, о Лемэмѣ — Игнатіи Ло-
йолѣ. Онъ видѣлъ неискренность въ его
словахъ, но не могъ не склониться передъ
той внутренней силой, которая иногда въ
нихъ чувствовалась. И тѣмъ внимательнѣе
онъ приготовился теперь его слушать, не
желая проронить изъ его рѣчи ни слова,
установившись незрчими глазами въ ора-
тора.

— Мы несемся отъ свѣта къ мраку, —

подолжалъ Лемэмъ. — Цвѣтущія поля, ро-
щи и горы, яркій свѣтъ солнца, душный
воздухъ, живой просторъ морей и долинъ
остались тамъ, зады. Впереди — мрачныя
стѣны тюрьмы. Будущее человечества
ужасно.

Онъ сдѣлалъ картинный взмахъ рукою.

— Одна часть людей, — подавленныхъ,
низшихъ классовъ, — брошена на стививую со-
лому. Среди грязи, крысъ и мышей она
пьетъ вонючую воду, грызетъ хлѣбъ съ пе-
скомъ, рождаетъ такихъ же несчастныхъ,
недоношенныхъ, подобныхъ себѣ людей.
Другая часть человечества, — что мнитъ себя
высшей, — сидитъ неслучайно на жирныхъ
берегахъ сонной Лемы и тихо колеблетъ
своимъ тучнымъ чревомъ. Середины между
нищетою и счастливымъ прозябаніемъ на
верху — нѣтъ.

— Развѣ? — спросилъ сенаторъ.

— Нѣтъ, — строго отвѣтилъ ораторъ. —
И горе будетъ человечеству, если оно не
остановитъ бѣднейшей слои въ подземномъ
пропасти.

Поэтъ повернулъ въ свою заливную го-
лову и одобительно посмотрѣлъ: онъ былъ
согласенъ съ тѣмъ, что онъ стоялъ у ру-
бежа.

— Есть указанія, — продолжалъ Ле-
мэмъ, — что паръ Вальтасара приходитъ къ
концу. — Уже слышны роковые шаги...

А. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бонч-Бруевича, П. П. Гудича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Некрасова-Данченко, Н. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XVIII.

ДВѢ ГРОЗОВЫЯ ТУЧИ.

Юстина вспомнила о Номсидѣ, о которой говорилъ часъ назадъ мужъ ея сестры. — Какъ странно, что онъ сошелся въ мысляхъ съ Лемэмомъ? Только онъ говорилъ въ томъ, пошломъ стилѣ, какъ привыкъ говорить въ своихъ засѣданіяхъ, — а Лемэмъ говорить опредѣленными, красочными образами. По крайней мѣрѣ, ей казалось, что этотъ странный, удивительный человекъ говорить красочно.

— Мы наканунѣ того переворота, что рисуетъ вамъ Іоаннъ Богословъ, въ своемъ «Апокалипсисѣ», — продолжалъ Лемэмъ.

— Дьяволъ ссылается на святое писаніе, — улыбался, шепчуль слѣпецъ, но такъ, что Юстина слышала и недовольно повела плечами.

— Помните, — говорилъ ораторъ, — ту катастрофу, что рисуетъ имъ Іоаннъ? Прекрасное небо скрутится въ трубку и откроется новое. Горы сдвинутся съ своего мѣста. Царя укроются съ престоловъ въ уединенныя мѣста. И съ востока раздастся призывъ къ тѣмъ, кому дана власть вредить на моряхъ и на сушѣ: «Остановитесь!» — Но люди не послушаются этого оклика. И тогда изъ бездны выйдутъ шѣри, и умерщвленные имъ, непогребенные трупы будутъ гнить по всему міру... И день этотъ близокъ. Повторяю: ири Ватасаровъ приходитъ къ концу, — все извѣщено, объявлено и раздѣлено.

Онъ холодно и мрачно посмотрѣлъ на присутствующихъ. Демидцевъ этому не повѣрилъ, онъ закачалъ ногой и началъ смотрѣть на концы своей ботинки. Бубенцова вздыхала, сенаторъ морщился, Алеша пытливо пронизывалъ Лемэма своими крупными

глазами. Юстина вся насторожилась, выпрямилась и душой была гдѣ-то далеко, далеко отъ этой гостиной. Нидія смотрѣла на капитана, — и безпокойная мысль за его участь дѣлала ее равнодушной ко всему окружающему. Хозяйка вышла, какъ всегда, на длинныхъ деревянныхъ шпцахъ какую-то полоху. Лицо слѣнца было холодно и спокойно.

— Надо готовиться къ ужасной катастрофѣ, — закончилъ Лемэмъ. — Всѣ эти налеты, экспроприации, — все это предвѣстники будущаго. И единственное успокоеніе, единственный выходъ для людей — глубокое, безповоротное прозрѣніе въ оккультныя и очищеніе своей души...

— Да, очищеніе души! — повторила восторженно.

— А пока очищаютъ кассы ювелировъ, — насмѣшливо сказалъ сенаторъ.

Марья Евстафьевна на него укоризненно посмотрѣла. А Лемэмъ съ наглостью и дикимъ поворотомъ къ нему свое красивое лицо.

— А пока очищаютъ кассы ювелировъ, — подтвердилъ онъ.

— А какъ-же по вашему мы должны подготовиться къ катастрофѣ? — спросила Юстина, и голосъ ея зашевелился.

— Люди должны силотиться. Мы вѣкъ — «соучастники сворби», какъ говоритъ апостолъ, — привуче заговорилъ Лемэмъ. — Мы должны заставить себя болѣе подлѣить другъ друга. Мы должны забыть распри, должны забыть личности. Мы должны слѣстись въ одинъ неразрывный клубокъ, какъ мудрыя змѣи обвиваются, чтобъ уюорить противостоять зимнимъ холодамъ.

— Змѣи любятъ другъ друга болѣе, чѣмъ люди себя подобныхъ, — оный точно про се-

бя, но на этотъ разъ громко сказалъ слѣпецъ.

— Будемъ, какъ змѣи! — подтвердилъ Лемэмъ.

Алеша внезапно всталъ и подошелъ къ нему.

— Послушайте, — твердо сказалъ онъ, неожиданно самъ для себя. — Мнѣ кажется, что съ нѣкоторыхъ поръ я прикованъ какой-то цѣпью, измѣннически, подло... Кто-то на меня наложилъ эту цѣпь...

Лемэмъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ вами? — спросилъ онъ. — Я васъ не понимаю?

— Что со мной? — удивился Алеша самъ на себя. Но точно исполнилъ чью-то волю, смотрѣлъ прямо въ глаза Лемэму. Онъ повторялъ какія-то слова, что внушены были со стороны, онъ повиновался какой-то силѣ. Но радъ былъ, что нашелъ въ себѣ силы повиноваться.

— То, что вы сейчасъ говорили, — продолжалъ онъ, — наборъ фразъ. Все это спущено и пригодно. Дѣлю не въ этомъ...

Нидія изумленно смотрѣла на него. Онъ иногда позволялъ себѣ выходить, но все это было въ извѣстныхъ предѣлахъ. Теперь это выходило изъ всякихъ границъ.

— Вы скажете, — продолжалъ Алеша, — что я перво настроенъ — эти событія послѣднихъ дней сдѣлали меня невѣроятнымъ. Да, можетъ быть, до извѣстной степени вы правы. Но можете-ли вы поклясться Всемогущимъ Богомъ, что во всемъ происходящемъ вы не при чемъ, и что та пачтина, что опутывается вокругъ меня, помыляется безъ вашего вліянія?

Лемэмъ несколько поблѣднѣлъ. Онъ изпричь всѣ усилія своихъ внутреннихъ скрытыхъ силъ, чтобъ противостоять открытому напору, и насколько могъ спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы съ ума сошли! Походите, выйдите воды и опомнитесь!

Но Алеша стоялъ неподвижно передъ нимъ.

— Я не сумасшедшій, — продолжалъ онъ. — Я прекрасно сознаю все, что вокругъ меня. И я вижу гораздо болѣе, чѣмъ думаете

вы. Я вижу всѣ нити интригъ, которыя плетутся вокругъ меня.

— Алеша, опомнись, что ты говоришь! воскликнула Нидія.

— Онъ совсѣмъ боленъ, — замѣтила Маря, — и отклонилась въ сторону вязанье. Юстина, вся трепещущая, съ похолодѣвшими пальцами уставилась на говорившихъ.

— Вы должны прекратить вашу игру, — продолжалъ Алеша, точно не слыша тѣхъ возгласовъ, что были обращены къ нему. — Вы должны болѣе того: распутать тѣ узлы, что затянуты крутомъ. Я этого хочу, я этого требую. Я вижу, какъ испуганно смотритъ на насъ Маря. Въ ея чинной гостиной я, такъ всегда чинно державшійся, вдругъ начинаю говорить въ такомъ повышенномъ тонѣ? Что дѣлать, Маря! Такъ надо. Я долженъ это сказать и сдѣлать, и я исполняю въ этомъ не раскаиваясь. Ну-съ, господинъ Лемэмъ, — я жду отъ васъ отвѣта?

Лемэмъ поднялся съ кресла.

— Я полагаю, — заговорилъ онъ, — оставаться долѣе здѣсь, въ этомъ домѣ, мнѣ неудобно? Завтра я буду имѣть честь...

— Призвать мнѣ секундантовъ? засмѣялся Алеша. — Я ихъ не приму, — потому что драться съ вами не буду. Мнѣ уже наскучило здѣсь на то, что между нами будетъ дуэль. Я тогда стринуть всякую возможность ея, — я подтверждаю это теперь.

— Я горѣю не то хотѣлъ сказать, — перекашивая лицо и обнаруживая шрамъ на шеѣ, который нисколько до сихъ поръ скрывался, возразилъ Лемэмъ. — Я хотѣлъ сказать, что завтра...

— Мнѣ рѣшительно все равно, — грубо перебилъ его Береняиновъ, — мнѣ рѣшительно все равно, что вы сдѣлаете завтра. Но я требую, чтобъ выполнили то, что я требую...

Юстина подошла къ кузону.

— Вы извинитесь сейчасъ-же передъ Лемэмомъ, — строго сказала она. — Вы извинитесь передъ сестрою и нами.

П. Гудичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Реманъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боцановскаго, П. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградской, В. Н. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XXIX *).

НОЧНОЙ ВАГОНЪ.

— Вы извинитесь сейчасъ-же передъ Лемэмомъ,—строго сказала Юстина.—Вы извинитесь передъ сестрою и нами.

Онъ съ улыбкой покачалъ головой.

— И не подумаю,—сказалъ онъ, опускаясь на свое мѣсто, въ кресло. — Оставьте, Юстина, меня въ покоѣ.—Васъ не касается то, что я знаю, что я чувствую, и что знаю Нидя: видите, она молчитъ. А Мери... Берите примѣръ съ нея: все кланить въ шей, но она сдерживается...

— Признюсь,—я удивлена,—начала Мери.

— Странно, если бы вы не были удивлены —сказалъ онъ.

Демидцевъ подошелъ къ Лемэму.

— Я вамъ сочувствую,—напряженнымъ голосомъ заговорилъ онъ, глядя не на него, а куда-то въ стѣну.—И если уйдете вы, уйду и я.

Лемэмъ взглянулъ вопросительно на хозяйку.

— Я извиняюсь передъ вами за Алешу,—сказала Мери.—Онъ такъ расточенъ.

— Пожалуйста, Мери, не извиняйтесь за меня,—предупредилъ Алеша.—Я хотѣлъ это сказать, я сказалъ, не раскаиваюсь и не беру назадъ ни одного слова.

— Въ такомъ случаѣ, я уйду,—сказалъ Лемэмъ, и протянулъ руку хозяйкѣ.

— Нѣтъ, я не прощаюсь съ вами, сидьте,—сказала она.

— Я уйду,—твердо сказалъ онъ.

— Да, вы уйдете,—подтвердила Юстина.

— Вы уйдете,—какъ отдаленное эхо повторилъ Широ.

Лемэмъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку Мери, сдѣлавъ общій полуоклонъ, и ровной походкой направился къ двери. Поэтъ,

раскачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ, двинулся вслѣдъ за нимъ.

— Куда вы, Антиной?—простонала Бубенцова.

Когда Лемэмъ вышелъ съ поѣздомъ изъ подъезда дома, гдѣ жили Верхоплавцевы, плѣшивый молодой человѣкъ спросилъ:

— Вы куда?

Лемэмъ хотѣлъ отдѣлаться отъ него, и потому отвѣтилъ:

— Я въ Царское. Тамъ почую.

— Хорошо. Я провожу васъ до вагона.

Они пошли молча. Ночь была попрежнему очаровательна. Снѣгъ скрипѣлъ, мѣсяцъ заливалъ молочнымъ серебромъ, громады домовъ, дымъ, какъ привидѣнія, кучился и повисалъ надъ крышами. Рѣдкій ѣздокъ и прохорый свѣдѣтельствовали о томъ, что Рождество еще не наступило и святочные праздники —лучшее время нашей сѣверной зимы—еще далеки. Лемэмъ сосредоточенно ступалъ, уйдя до носа въ бобръвый воротничекъ пальто. Онъ былъ взбѣшенъ всѣмъ происшедшимъ, но не хотѣлъ показывать этого передъ тѣмъ недоноскомъ, что шагалъ въ ногу рядомъ съ нимъ. Мимо нихъ, звеня и трубя, пронеслись пожарные. Они дошли до Загороднаго проспекта и повернули къ вокзалу. На поворотѣ Демидцевъ вдругъ проговорилъ:

— Да...—потомъ, помолчавъ, добавилъ:

— Вы хотите въ Царское?

Лемэмъ отвѣтилъ, что нѣтъ.—«Что онъ точно слѣдитъ за мной?»—подумалъ онъ, и опять погрузился въ свои мысли, точно не замѣчая своего спутника. Когда они пришли на вокзалъ,—онъ взялъ билетъ, и поэтъ внимательно смотрѣлъ, какъ кассиръ давалъ Лемэму сдачу. Швейцаръ сказалъ, что осталось до отхода поѣзда пять минутъ, и поднялъ ихъ на лифтѣ. Они вышли на платформу передъ самымъ отходомъ Лемэмъ проводилъ пе-

редъ спутникомъ планы, и вошелъ въ вагонъ. Прежде, чѣмъ онъ открылъ двери изъ коридорчика въ пассажирское отдѣленіе, поѣздъ уже тронулся.

Въ вагонѣ сидѣло двое. Какая-то старушка, съ необычнымъ количествомъ покупокъ, и какая-то дама, лица которой не было видно, такъ какъ освѣщеніе вагоновъ здѣсь скудное. Онъ сѣлъ на диванъ у свободнаго окна и видѣлъ, какъ побѣжали мимо огни фонарей и темные столбы навѣса надъ неуклюжей платформой. Голубые просвѣты дѣйствительнаго снѣга мелькнули на откосахъ канала.

Вдругъ неясная женская фигура зашевелилась, и спросила:

— Лемэмъ, вы?

Онъ узналъ: это была Ольга Федоровна. Онъ перешелъ къ ней, поздоровался, и сѣлъ противъ нея. Она сказала, что забязала къ нему, что у нея спѣшное дѣло.

— Въ среду васъ ждутъ,—сказала она.

«Ага!»—точно сказала его лицо,—«накопецъ!» Но было темно, голосъ его былъ такъ ровенъ. Онъ переспросилъ:

— Въ среду? Хорошо.

— Я хотѣла непременно переговорить съ вами до вашего прѣзда,—начала она.—Это очень важно и нужно.

Она покосилась на копошившуюся фигуру старушки, что-то бормотавшую про себя, и понизала голосъ.

— Необходимо составить программу, согласно которой надо говорить и дѣйствовать,—проговорила она.

— Вы боитесь,—по-англійски возразилъ онъ, и въ голосъ его послышалась насмѣшка,—что я недостаточно тактиченъ, и могу дѣйствовать только по известной указкѣ?

— О, не то!—воскликнула она.—Вы достаточно тактичны и смѣлы (она назвала его «bold-man», что, пожалуй, больше, чѣмъ смѣлый человѣкъ).—Но надо дѣйствовать осторожно. Малѣйшій опрометчивый шагъ можетъ повести къ гибели.

— Да къ гибели все и идетъ,—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, еще не все потеряно, хотя вокругъ формируются кружки и комплоты. Необходимо вести дѣла въ известномъ направленіи. Единственно, что можетъ задержать и отдалить катастрофу,—окультизмъ. Мистицизмъ уже весь истерпанъ, все при-

ходить къ концу. Завтра утромъ намъ необходимо видѣться.

Онъ подумалъ.—Завтра? Хорошо. Ровно въ два я буду у ювелира Дюбуа. Вы опаздате его?

— Ну, еще бы,—онъ придворный. Правда, что сегодня его разгромили?

— Кажется. Мы говоримся о дальнѣйшемъ: какъ, гдѣ и когда мы увидимся. До двѣнадцати я валяюсь. Кстати, не слыхали ли вы случайно о полковникѣ Широ?

Она повторила фамилію: — Широ? Широ?.. Что-то такое знакомое.. Широ? Гдѣ, когда... Постойте...

— Онъ сѣвъ. Совѣмъ сѣвъ.

— А!—воскликнула она:—этотъ! Знаю, знаю... Это неопредѣленная, таинственная личность. Онъ почитается здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?

— Въ Петербургѣ... въ Петроградѣ, называйте, какъ хотите... Онъ появился от куда-то съ юга. Онъ окультистъ. У него были рекомендательныя письма отъ очень высокопоставленныхъ особъ изъ-за границы. Онъ свободенъ, какъ по-русски, говорить по-нѣмецки, и живетъ дома въ Потедамѣ. Но здѣсь онъ очень остороженъ, и избѣгаетъ высшихъ круговъ. Я его видѣла раза два...

— Вы говорите: это таинственная личность?

— Мнѣ такъ говорили про него. Не то это шпіонъ, не то ученый. Я даже не знаю,—слѣнецъ-ли онъ, не притворяется-ли только. Впрочемъ, мнѣ говорилъ окулистъ Дибичъ,—вы знаете профессора Дибича?—что у него вырѣзаны хрусталики въ глаза, и онъ ничего абсолютно не видитъ.

— Можетъ, Дибичъ только кажется, что у Широ хрусталики вырѣзаны?—спросилъ Лемэмъ.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, его надо остерегаться, и пальца ему въ ротъ не класть, какъ говорилъ старецъ.

П. Гнѣдичъ.

(Въ завтрашнемъ номерѣ главы П. П. Гнѣдича и И. Н. Потапенко).

*) Во вчерашнемъ № глава XXVIII ошибочно помѣчена XVIII-ю.

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азэртэхи, В. В. Бадитинскаго, П. П. Гибдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградекскій, М. Ксиревича-Данченко, М. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

Въ Петроградѣ орудуешь зага дочная организація «Чортовой дюжины». Еще неясны нити ведутъ къ этой шайкѣ авантюристовъ, прикрывающихся отчасти оккультными интересами, и отъ странной смерти архитектора Бленицкого (можетъ быть, и оставшагося въ живыхъ), и отъ миллионнаго разгрома одного изъ капиталѣйшихъ ювелирныхъ магазиновъ столицы. Въ одномъ изъ свѣтскихъ домовъ палаживается своеобразная слѣжка за лицомъ, повидимому, стоящимъ во главѣ организаціи и именующимъ себя Лемэмомъ, натурой безспорно одаренной, хотя и явно преступной.

XXX.

— А что старецъ подблываетъ? — поинтересовался Лемэмъ.
— Онъ пьетъ больше, чѣмъ надо.
— Онъ кончить плохо и скоро.
Ольга Федоровна беззаботно посмотрѣла на него.
— Вы думаете?
— Я говорю вамъ навѣрно.
— А почему вы спросите меня объ этомъ дѣлѣ?
— Я сейчасъ видѣлъ его. Онъ показался мнѣ подозрительнымъ. Завтра я о немъ поберу справки.
— Онъ живетъ замкнуто. А что тотъ аркариеръ, что былъ убитъ, и котораго тѣло втрѣчь почесло?
— Лемэмъ улыбнулся.
— Да пока ничего, все тоже. Дѣшги фальшивыя, тѣла найти не могутъ.
— Да не самъ ли покойникъ ушелъ? Говорятъ, это бываетъ?
— Бываетъ. Весьма возможно.
— Вы вѣрите въ такую возможность?

— Я всему вѣрю. Теперь вѣкъ всякихъ возможностей. То, что вчера казалось дикимъ, невѣроятнымъ, сегодня оказывается совершившимся фактомъ. Люди просыпаются отъ своей спячки, и рѣшаются дерзать. Да, они дерзаютъ. Черезъ годъ, если мы встрѣтимся съ вами.
— А почему бы намъ и не встрѣтиться?
— О, годъ по нынѣшнему времени очень длинный срокъ. Все можетъ измѣниться. Можетъ быть, черезъ годъ не будетъ ничего на этомъ мѣстѣ: ни Царскаго, ни Петербурга.
— Что вы за ужасы пророчите! — воскликнула она.
— Черезъ годъ, — продолжалъ онъ, — вы вспомните мои слова, и увидите, что я былъ правъ. Все будетъ новое. Придутъ другіе люди. Другое право будетъ властвовать надъ нами. — Слѣпцы прозрѣтъ, пѣмые будутъ говорить, разслабленные возьмутъ подмышку свои постели, и пойдутъ съ ними по улицамъ. Камни начнутъ говорить, а люди притаются и замолчатъ.

— А что же, лучше будетъ, или хуже? — спросила она.
— Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, — кто это сказалъ? — спросилъ онъ, и, вставъ, началъ застегивать свое пальто.
— Куда вы? — удивилась она.
— Сейчасъ «Рогатка», — я здѣсь сойду, — сказалъ онъ, цѣлуя ее перчатку. Старушка все чего-то копошилась въ углу. Поѣздъ шелъ тише, и клубы дыма, что неслись мимо оконъ вагона, куда-то пропали.
— До завтра, — сказалъ онъ, и прибавилъ: — Запомните нашъ сегодняшний разговоръ. До завтра!

Онъ вышелъ изъ вагона на платформу бѣленькой каменной станціи. Поѣздъ свистнулъ, и тронулся дальше. Нѣмая зимняя ночь, съ высокой луной и серебрянымъ узоромъ звѣздъ, смотрѣла на землю съ высокаго морознаго неба..

П. Гибдичъ.

XXXI.

БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ.

Выходка Алексѣя Даниловича и вынужденный уходъ Лемэма произвели на оставшихся въ домѣ Верхонлавцевыхъ хозяекъ и гостей гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ это казалось, можетъ быть, даже имъ самимъ. У всѣхъ явилось желаніе замолчать происшедшее, и каждый испытывалъ боязнь, чтобы кто-нибудь не вздумалъ, обсуждать поступокъ Беренинкова и поведение Лемэма. Всѣ чувствовали, что это могло бы повести къ несправедливому обостренію разговора, а больше всѣхъ боялась этого Марья Евстафьевна, всегда мужественно

стоявшая на стражѣ выдержанной корректности своихъ вечеровъ.

И она, не желая дать короткому молчанію разрастись въ долгую и опасную паузу, торопливо, но останавливаясь на выборѣ, предложила обществу первую попавшуюся тему: правда-ли, что изъ Париза на-дмахъ придутъ какіе-то парламентскія свѣтила для важныхъ секретныхъ политическихъ переговоровъ?

На тему откликнулся сенаторъ Лещукъ-Лѣвухинъ, считавшій, что важный санъ обязываетъ его быть компетентнымъ въ политикѣ. Но, въ качествѣ консерватора, хотя и умѣреннаго, во всему, что «изъ Назарета», т. е. отъ парламента, онъ не могъ отнестись иначе, какъ съ легкимъ малетомъ скептицизма. Въ такомъ тонѣ онъ и повелъ свою рѣчь, но слушалъ-ли его кто-нибудь, этого нельзя сказать съ увѣренностью.

Прежде всего, помимо установившагося настроенія, вниманію комѣнать Беренинкова. Ему не сидѣлось. Уходъ Лемэма насколько не удовлетворялъ его и не могъ сгладить того страннаго протестующаго волненія, которое было такъ непривычно и чуждо его мирной душѣ. Напротивъ, оно возростало и впитывало въ себя новое содержаніе, уже совсѣмъ не выжущееся съ его отношеніемъ къ окружающимъ людямъ. Его возмущала Марья Евстафьевна съ ея кованной свѣтской холодностью, такъ мило, «съ такимъ неподражаемымъ тушемъ», умѣющая смѣлѣть всѣ рѣзкости и сглаживать шероховатости. Вотъ и теперь она не допустила даже разговора о личности Лемэма. Боже сохрани! Еще, пожалуй, кому-нибудь придетъ охота назвать его проходнымъ или сорвется съ языка еще болѣе неудобное слово и оскорбитъ своды ея безупречнаго салона. Юстина своимъ поведеніемъ вызывала въ немъ чуть не подлинную ненависть. Въ самомъ дѣлѣ,

вѣдь это же она потребовала, чтобы онъ извѣстился передъ этимъ господиномъ. Она трепещетъ передъ нимъ, его особа для нея — казалъ-то неприкосновенная святѣйна. И никто не принялъ его сторону, никому не захотѣлось даже принять во вниманіе его особое душевное состояніе. Всѣ увидѣли въ его словахъ только нарушеніе установленныхъ свѣтскихъ формъ. Даже Ниди...

Ему стало нестерпимо больно, когда очередь въ его памяти дошла до дѣвушки, которую онъ любилъ. Вѣдь и она не нашла ничего другого, какъ пригласить его «опоминуться»...

И въ то время, какъ онъ мучился этими мыслями, въ ушахъ его раздавались, производимыя сенаторомъ, какія-то неуживыя даже ему самому, слова о пагубной распатанности политической мысли, о нашемъ бѣдномъ вѣкѣ, когда отсутствуютъ сильные люди, способные твердо держать въ рукахъ бразды, направляя ту самую колесницу, о которой здѣсь недавно такъ туманно говорили, къ всеобщему благу.

Дядя-сенаторъ при случаѣ умѣлъ врать красивыя слова, но роковымъ образомъ всегда попадалъ въ проищныя общія мѣста. И Беренинкову ужасно хотѣлось заставить его замолчать, и притомъ какимъ-нибудь необыкновеннымъ способомъ, ну, хотя бы подошли къ нему и закрыть ему ротъ ладонью, или сказать: «Вы бы лучше снѣгасили какъ-нибудь, ваше высокопревосходительство»...

Но тутъ онъ почувствовалъ, что озлобленность его притупляетъ опасные размеры, и испугался самого себя. Пожалуй, потерявъ власть надъ собой и выкинуть что-нибудь неоправданное.

Тогда онъ видѣлся и вышелъ въ соседнюю небольшую комнату. Но и здѣсь еще

слишкомъ чулась близость «враговъ», быть соблазнъ вернуться, и онъ прошелъ дальше, въ довольно большую и нарядную залу. Тутъ ему сразу стало хорошо, но не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ примирился, нѣтъ, хорошо стало именно его раздраженію и злости, — они могли вольно бушевать безъ помехи и не стѣсняемыя взглядами, читающими въ глазахъ и заставляющими въ душу.

Въ залѣ былъ полумракъ. Марья Евстафьевна, хотя и не стѣнялась въ средствахъ и расходовала ихъ довольно щедро, все же придерживалась, какъ она говорила, «принципиальной экономіи», и въ домѣ, несмотря на присутствіе гостей, огни зажигались только въ тѣхъ комнатахъ, которыя въ данный моментъ были нужны. И зала была тускло освѣщена изъ соседней комнаты. Эдакое соответствие назастроенію Алексѣя Даниловича. Мебель здѣсь была несложная. Стулья стояли у стѣны; одинъ уголъ былъ занятъ длиннымъ концертнымъ роялемъ, по покрывавшая его шелковая голубая ткань свидѣтельствовала, что онъ здѣсь играетъ роль обязательной декорации, и концертовъ на немъ не даютъ.

Беренинковъ, скрестивъ по-наполеоновски руки на груди, что при его фигурѣ было не лишнею комизма, зашагалъ по комнатѣ.

М. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. В. Баженова, П. П. Гудьча, А. С. Гриня, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. М. Немировича-Данченко, М. Н. Потанина, Ф. К. Сологуба и др.

XXXI.

Алена была не правъ въ своихъ приговорахъ. Оставшись въ гостиной, сестры думали именно о немъ, конечно, каждая по-своему. Но всё очень слабо воспринимали красноречивые доводы сенатора. Марья Евстафьевна — та еще отъ времени подавала ничего не значащаго ропсха, вроде: «Да»? «Вы полагаете, дядя»? «Я никакъ этого не думала», а Юстина и Нидя молчали.

Ушорно молчалъ и Широ. На его замкнутость, какъ закрытая книга, лица легли глубокия тѣни. Казалось, онъ испытывалъ какое-то душевное страданіе. Но въ его неподвижныхъ глазахъ никакой мудрости не прочтешь бы малѣйшаго намека на характеръ мыслей, вызванныхъ происшедшимъ.

Только Бубенцова, казалось, ничего не почувствовала и не поняла. Единственное, что ее во всемъ этомъ тронуло и близко коснулось ея души, это отсутствіе шета, ни съ того ни съ сего увязавшагося сопровождать этого мага. По расчету выходило, что провожать ее домой, пожалуй, придется сенатору, а въ этомъ она не видѣла ничего забавнаго.

Прошло минутъ пять послѣ того, какъ изъ гостиной вышелъ Беренниковъ. Нидя мучилась неясными, но тѣмъ болѣе тяжелыми мыслями. Для нея было несомнѣнно, что Алексѣй бѣжалъ изъ гостиной неспроста, она смутно чувствовала, что тамъ, за несконными стѣнами, зрѣтъ какая-то драма, которая ближе всѣхъ касается ея, можетъ быть — только ея. Это она почувствовала еще въ тотъ моментъ, когда Беренниковъ поднялся, и ей хотѣлось послѣдовать за нимъ. Но она признала это «неудобнымъ», а теперь упрекала себя. Вѣдь онъ можетъ тихонько уйти совсѣмъ и Богъ знаетъ чего надѣлать.

Мари слегка подняла голову отъ своей работы и пылливо взглянула на нее. По поблѣднѣвшимъ щекамъ, по горящимъ зорамъ, она поняла, что блѣдой дѣвочки

дальнѣйшее соблюденіе приличія неминуемо, и тихо, чуть замѣтно, медленно, вынула голшвей. Нидя посмотрѣла на это, какъ на подтвержденіе или добрый совѣтъ, осторожно поднялась и вышла.

Не найдя въ сосѣдней комнатѣ Береникова, съ превозмощнымъ сердцемъ, она приблизилась къ загн и остановилась въ дверяхъ.

— Алена, что съ вами?

Онъ подошелъ къ ней и схватилъ ея руки.

— Нидя... Если бъ ты знала, какъ необходима ты мнѣ сейчасъ...

— Но я же здѣсь, Алена...

— Пойдемъ, сидѣть вонъ тамъ... Нѣтъ, лучше будемъ ходить... Дай мнѣ руку! Пойми, — говорилъ онъ, съ усиленіемъ сдерживая свой полетъ, когда они, рука объ руку, ходили по залу. — Пойми... Когда въ душѣ встрѣтились четыре вѣтра и рвутъ ее на части... И человекъ одинъ, не на кого ему опереться... Противъ него всѣ...

— Какъ? И я? Алена, ты это можешь думать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ?

— Теперь уже не думаю.

— Но въ чемъ же дѣло? Что случилось? Неужели это... Вотъ эта ничтожная сцена?

— Ахъ, нѣтъ... Боже мой... Нѣтъ, это только эпизодъ. Но, видишь ли, мы живемъ въ какой-то преступной безпечности... Да, очень много проводимъ время... Вечера... Ляжцы... Сеансы... А между тѣмъ, — я это вотъ только-что поняла... Между тѣмъ я близокъ къ пибели...

— Ты съ ума сошелъ!.. Какъ ты можешь это говорить!..

— Словъ не пугайся, Нидя, не въ нихъ дѣло. То, что я сказалъ сегодня этому... Ну, все равно... Это было результатомъ какого-то наитія. Да, и мнѣ понятны ваше изумленіе, даже, пусть, негодованіе. Помилуй Богъ, — Алена, милый, легкій, скользящій по поверхности вещей и мыслей, и вдругъ... Но нужно тебѣ знать, что Алена уже не такой, — не скользящій, не лег-

кій и... не жалкій. Я углубился... Да, за эти вотъ пять минутъ... Ты думаешь, этого не бываетъ? Нѣтъ, бываетъ. Словно молния ударила въ темноту и прошла сквозь всего человѣка. И теперь — basta. Я больше не пассивенъ. И я разорву эти смелые канаты, которыми онъ опуталъ и меня и всѣхъ васъ. Чью же, ты все-таки думаешь, что я сумасшедшій?

— Нѣтъ... Но сидѣть, милый, у меня голова кружится...

Сѣли, и онъ замолчалъ, а ей хотѣлось сказать ему что-то важное, что-то такое близкое, что уже онъ непременно пойметъ, — какъ незаконно она вся на его сторонѣ. Но ей казалось, что она не знаетъ такихъ словъ.

— Алена, я тебя понимаю, я тебѣ сочувствую, я... почти такъ же думаю, какъ ты, и я хочу помочь тебѣ, но я боюсь за тебя... Вотъ ты этого не знаешь... что потерять тебя — мнѣ все равно, что умереть...

— Господи... Нидя!.. — говорилъ Алексѣй, прижимая ея руки къ своему лицу: — Когда такъ говорить... Когда есть это... Развѣ можно приобщить? Значитъ, мы боремся вмѣстѣ?

— Да, милый Алена, да. И одинъ безъ другого — ни шалу.

— И, знаешь, мы должны благодарить судьбу. Намъ счастье давалось даромъ. Правда, вѣдь оно намъ ничего не стоило. И оттого оно было такое спокойное и... маленькое. А вотъ, когда мы почувствовали, что оно въ опасности и его надо отвоевать, оно вдругъ выросло, выростетъ еще больше и станетъ такимъ большимъ, что оно намъ хватить на всю жизнь...

Изъ гостиной они уже въ столовую, гдѣ былъ готовъ ужинъ. Они тоже поднялись и направились туда. Марья Евстафьевна мелькомъ взглянула на нихъ и поняла, что Нидя чѣмъ-то успокоила его и сблала пригоднымъ для общества.

XXXII.

НА ВѢСАХЪ РАЗУМА.

На одной изъ широкихъ улицъ, прилегающихъ къ Таврическому саду, въ небольшомъ трехэтажномъ домѣ старой стройки, случайно уцѣлѣвшемъ въ такомъ видѣ среди недавно отреставрированныхъ шестиэтажныхъ громадъ въ стилѣ параднаго безвкусица, помещалась квартира слѣпота полковника Павла Васильевича Широ.

Домъ съ маленькими чистенькими двор-

комъ, съ одной парадной дверью на улицу Стариннымъ уютномъ въшло отъ кронштейна въ вестибюль съ жарко-нагрѣтой печью отъ почтительно отворившаго дверь и какъ то любезно, не-родственному, снимающаго съ послѣдителей шубы, стараго швейцара, по видимому, послѣдствіемъ и высохшаго изъ этой должности; отъ удобной отлогой лѣстницы, покрытой изрядно утоптаннымъ и какъ бы приросшимъ къ ступенкамъ ковромъ съ сѣрой полотнянною дорожкой; отъ орыхлѣваго и плохо служившаго тимо на первой площадкѣ.

На лѣстницѣ было всего шесть квартиръ, и жили въ нихъ все люди одиночные и семейные, оттого въ вестибюль всегда было тихо и чинно.

Квартира полковника находилась во второмъ этажѣ; въ ней числилось четыре комнаты, а жильцовъ было всего трое: самъ полковникъ, его дальняя родственница, особа лѣтъ тридцатипяти, говорившая по-русски съ страннымъ акцентомъ, не позволявшимъ опредѣлять національность, и служанка. Знакомыхъ у полковника въ Петербургѣ было не много, и онъ самъ нерѣдко выходилъ изъ дома и отправлялся къ кому-нибудь изъ нихъ, если не далеко — то пѣшкомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ зонтируя при помощи своей палки и правильно угадывая дорогу, дальны же разстоянія совершая въ извѣстномъ экипажѣ, но къ нему приходили очень рѣдко, — можетъ быть, въ виду его слѣпоты, боясь утруждать или щадя его покой. И только два человека были его постоянными посетителями: высокій старикъ съ бритыми, антикварнаго склада лицомъ, съ длинными бѣлыми волосами, и худощавая дама, всегда одѣтая въ черное. Когда они приходили воровать, старикъ только произносилъ вопросительно: «Есть?» и указывалъ вѣнкомъ головы наверхъ. — Дама, пожалуйста! — ошвыцалъ швейцаръ Ефимъ, и старикъ подымался во второй этажъ, въ квартиру Широ, не произнося больше ни слова. Когда же они прибѣжали вмѣстѣ съ дамой, въ ея каретѣ съ какимъ-то гербомъ, то разговаривали на языкѣ, котораго Ефимъ не понималъ. Но лицо у дамы всегда было закрыто тусклою темной вуалью, и Ефимъ даже не зналъ, какое оно.

И. Потанин.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азарѣвичъ, В. Ф. Бонч-Бруевичъ, П. П. Губина, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагорский, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Солгуба и др.

XXXII.

Только въ послѣднія недѣли число посетителей квартиры слѣплого полковника увеличилось: къ старику съ бритымъ английскимъ лицомъ и худощавой дамѣ прибавился третій.

Этотъ новый гость никогда не являлся одинъ, а всегда дама въ черномъ привозила его съ собой. Это былъ человекъ странной пачужности, приводившій Ефима въ смущеніе: старый швейцаръ не зналъ, какъ къ нему отнестись и за кого принимать его.

На немъ была длинная до земли шуба, какую носятъ духовныя особы, и Ефиму представило почтеніе ко всѣмъ духовнымъ лицамъ, при появленіи его хотѣлось назвать его «батюшкой». Но, по снятіи шубы,—правду сказать, съ изрядно потертымъ мѣхомъ и вообще неважной,—оказалось, что онъ совсѣмъ не батюшка. На немъ не было ни расы, ни подрясника; худое, тоншее тѣло его облегалъ застегнутый на всѣ пуговицы длинный, ниже коленъ, черный спортукъ; на шею—мягкій воротничокъ съ пирожкомъ, закрывавшимъ всю верхнюю часть груди, галстукомъ, на рукахъ—мягкія бѣлые перчатки.

Когда-же Ефимъ смотрѣлъ на его лицо, то въ головѣ у него мелькало даже не «батюшка», а прямо—«святѣйшій уродливецъ».

— Ну, прямо вотъ, будто съ иконы сошелъ образъ великомученика Господня,—объяснялъ онъ свое впечатлѣніе отъ новаго посетителя полковничьей квартиры.

И правда, было что-то мученическое въ лицѣ этого человека. Блѣдное, изможденное, но безъ малѣйшаго отбѣика болезненности. Обрамленное по краямъ цѣпью темными негустыми волосами, сливавшимися въ узкую борозду, съ строгими тонкими чертами, оно казалось прекраснымъ, особенно благодаря высокому открытому лбу и живымъ, трепетно горящимъ глазамъ. Длинные темные волосы, прямые, невьющиеся, спускались до плечъ. Держась онъ прямо и нѣсколько принуд-

тельно, какъ-бы боясь сдѣлать лишнее движеніе.

Люди эти просиживали въ квартирѣ полковника Широ долгіе часы, иногда оставаясь тамъ до полуночи, но что они дѣлали, о чемъ и на чемъ языкъ говорили,—этого никогда не могъ узнать старый Ефимъ. Наглухо была заперта дверь въ квартиру, и не раздавались тамъ, за этой дверью, громкіе голоса. Самъ полковникъ хорошо оплачивалъ услуги акуратнаго швейцара, а бритый старикъ и дама въ черномъ прямо таки были щедры, и Ефимъ ничего не могъ сказать про нихъ дурного. Но, когда онъ думалъ о нихъ самъ съ собою, то и хозяинъ и его постоянные гости казались ему странными. Ничего такого, не за что даже зацѣпиться, а все же что-то не такъ, какъ у всѣхъ. Иногда мелькала въ головѣ и такая мысль: «То ли они колдуютъ, то ли фальшивыя ассигнаціи дѣлаютъ».

Но онъ, какъ старый слуга «съ выдержкой», никому этихъ своихъ странныхъ сомнѣній не высказывалъ, считая, что это—не его дѣло.

Но однажды въ подъѣздъ вошла молоденькая дѣвушка въ изящной коротенькой шубкѣ, въ красивой мѣховой шапочкѣ, съ здоровымъ открытымъ лицомъ, съ ясными глазами, и, когда она спросила Ефима о квартирѣ полковника Широ, онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ, конечно, съ должной почтительностью отвѣтилъ на вопросъ, указавъ ей второй этажъ и назвавъ номеръ, но глаза его говорили: «Что тебѣ тамъ дѣлать, милая барышня?»

Дѣвушка же поднялась во второй этажъ и, остановившись у двери, на которой не было никакой досочки, ни карточки, нажала кнопку звонка. Дверь открыли не сразу, а подумавши. Прислуга съ длиннымъ лицомъ, не русскаго типа.

— Мнѣ нужно видѣть Павла Васильевича! сказала дѣвушка голосомъ, видимо по природѣ звонкимъ, но сдерживаемымъ внутрен-

нимъ волненіемъ, которое придавало ему мягкую вибрацію.

— Войдите, пожалуйста,—не по-русски отчеканивая слоги, попросила прислуга.

Дѣвушка вошла въ довольно просторную переднюю, изъ которой двѣ двери вели въ комнаты, а третья въ коридоръ, и всѣ были плотно прикрытыми.

— Какая ваша фамилія?—по-прежнему спросила женщина.

— Я скажу самому Павлу Васильевичу.

Женщина повела блѣсоватой бровью, но не возразила, повернулась и ушла въ коридоръ. Слышались шаги въ комнатахъ и тихій говоръ въ крайней изъ нихъ; оттуда дверь отворилась и вышла другая женщина, высокая, полная, немолодая, но еще не стѣсненная и далеко не потерявшая привлекательности. Но много портילה впечатлѣніе одежда—какой-то безфасонный длинный балахонъ изъ сѣраго сукна.

— Вамъ лично полковника?—спросила она красивымъ груднымъ голосомъ.

— Да, непременно лично,—отвѣтила дѣвушка.

— Но полковникъ не видитъ. Онъ слѣпъ.

— Я это знаю.

— Войдите сюда, пожалуйста.

Во время этого діалога она внимательно разсматривала дѣвушку; казалось, она рѣшала вопросъ, можно ли ее пустить къ полковнику. Дѣвушка поправила ей, и она рѣшила вопросъ утвердительно.

Полковникъ Широ, въ короткой сѣрой тулупкѣ, застегнутой доверху, сидѣлъ въ твердомъ надетомъ креслѣ за длиннымъ письменнымъ столомъ. При появленіи гостя, онъ приподнялся и, опираясь пальцами рукъ о край стола, наклонился впередъ, а голову повернулъ къ ней.

— Я имѣю честь знать госпожу?—спросилъ онъ съ той странной своей улыбкой, въ которой всегда былъ отблескъ какого-то страданія.

— Да, вы меня знаете, Павелъ Васильевичъ... Я—Лентовская...

Онъ покачалъ головой.

— Простите... Память у меня... Не знаю.

— Пѣтъ, вы знаете. Вы привыкли къ фамиліи моей сестры... Ея мужа... Верховларцева... Вы были у насъ третьяго дня вечеромъ...

— Ахъ... Такъ вы... Ну, да... Тамъ сидите же, прошу... Я радъ. Вы, значить, Юстия Евстафьевна?..

— Я—Нидія, Павелъ Васильевичъ...

— Нидія Евстафьевна... Да, я узнаю вашъ голосъ. Здравствуйте!..

Онъ протянулъ руку, она пожала ее. Оба сѣли. Нидія бѣлымъ взглядомъ осмотрѣла комнату: много шкафовъ, напольныхъ книгами, и много книгъ, еще не освобожденныхъ отъ почтовыхъ обложекъ, на столахъ и на окнахъ. «Зачѣмъ ему книги, если онъ не можетъ читать ихъ?» подумала Нидія, но тутъ же и отвѣтила себѣ: ему читаетъ эта женщина или кто другой.

— Я радъ,—повторилъ полковникъ,—а все-таки надѣ объясните. Вѣдь вы не просто. И я какъ-то чувствую: вы испытываете волненіе...

— Да, да...—съ еще болѣе усиливающимся волненіемъ заговорила дѣвушка,—это я объясню. Конечно, не просто. И вотъ—прямо: вы помните этотъ разговоръ у насъ, вначалѣ, когда вы пришли. О господинѣ Леммѣ... Вы тогда сказали: карьеристъ. Но въ гостинной люди обыкновенно даютъ отзывы о другихъ осторожно. А я хочу знать ваше настоящее мнѣніе. Я вамъ вѣрю, Павелъ Васильевичъ, вашему чутью вѣрю, и мнѣ это очень важно.

— А для чего это?

— Позвольте мнѣ сказать вамъ это потомъ. Я вамъ обещаю, и не солгу. Теперь же это мнѣ нельзя...

— Я вамъ тоже вѣрю и скажу. Да, я скажу вамъ это. Но прежде другое...

— То, что онъ сила?

— Темная, не умѣющая падать ничего и ничего, что пересѣкаетъ ему дорогу. Ибли его грубы, а средства тонки, какъ паутина. Борются съ этой силой—почти навѣрняка идти на гибель. Но она такъ ядовита, что въ концѣ концовъ сама отравляется своими же ядомъ и гибнетъ, и всегда какъ-нибудь некрасиво и позорно...

— Но если ждать нельзя... Если человекъ не можетъ? Если онъ опутанъ этой паутиной и вотъ-вотъ задохнется...

— Я знаю... Вы говорите о нашемъ другѣ, Алексѣ Даниловичѣ Беренниковѣ... Я это понималъ тогда... Я такъ хотѣлъ бы помочь ему и вамъ...

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Госканъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Бодянского, П. П. Гудьича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нигридовъ, В. И. Некжировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XXXIII.

ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДВИГЪ.

Нидія Лентовская вся подалась къ слѣ-
пому полковнику:

— Помогите намъ, Павелъ Василье-
вичъ... Погибнуть мы можемъ только оба...
А онъ придавленъ этой смертью у него на
квартирѣ...

— Архитекторъ Бяленницкій... я знаю.

— Какія-то деньги, похищеніе трупа...
Онъ на порукахъ, онъ почти подъ судомъ...
И его имя...

Голосъ ея дрожалъ, а глаза были полны
слезъ. Полковникъ уставился на нее не-
видящими глазами и улыбнулся.

— Тутъ не всему слѣдуетъ вѣрить... Не
все такъ, какъ кажется...

Позвонили въ передней. Полковникъ бли-
же поклонился къ ней и заговорилъ по-
сѣбно.

— Онъ слишкомъ горячъ — вашъ другъ,
а тутъ пужень ледъ... Каждый шагъ
долженъ быть взвѣшенъ на вѣсахъ разума...

— О, Боже... Отъ него этого ждать
нельзя... Онъ не умѣетъ взвѣшивать...

— Но я умѣю... Мои вѣсы къ вашимъ
услугамъ, Нидія Евстафьевна.

Дѣвушка поднялась и, протянувъ руку,
прикоснулась къ его рукѣ.

— Благодарю васъ, благодарю...

Она быстро вышла въ переднюю и ли-
цомъ къ лицу столкнулась съ человѣкомъ
въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ стран-
нымъ лицомъ, которое ее поразило. Но,
выйдя на улицу, она забыла объ этомъ лицѣ.
Она спѣшила домой къ завтраку, когда
обыкновенно приходилъ къ нимъ Берен-
никовъ.

Нидія была незнакома. Она перероди-
лась, выросла, изъ дѣвочки, пассивно при-
нимавшей все, что посылали ей жизнь, пре-
вратилась въ женщину. И это случилось
въ тотъ вечеръ, когда, послѣ сцены съ Ле-
момъ, она увидѣла настоящую драму въ
душѣ Алеша. Тогда она поняла, какъ онъ
ей безконечно дорогъ, и что любовь обя-
зываетъ. На слѣдующій же день у нея
произошелъ непріятный разговоръ съ
Юстиной, которая вздумала выговаривать
ей за вчерашнее поведение Алеша. О, какъ
она плакала тогда въ своемъ голосѣ рѣ-
шительныя ноты и сколько оказалось
твердости въ ея словахъ, и это потому,
что она выступила на защиту Алеша. Въ
своихъ упрекахъ сестрѣ она зашла даже
гораздо дальше, чѣмъ хотѣла, бросивъ ей
намекъ, что Лемомъ дѣйствуетъ на нее не
столько чарами, сколько своей рафиниро-
ванной парукностью, и почти поссорилась
съ Юстиной.

Марья Евстафьевна потомъ спросила ее:
— Что съ тобой, Нидія? Какая муха
укусила тебя?

— Ахъ, Мери, тебя шокируетъ даже то,
что дѣвушка стала немного серьезнѣе от-
носиться къ жизни, ну, и... сдѣлалась чуть-
чуть требовательнѣе къ людямъ...

— Это ты о комъ же? Все еще о Ле-
момъ? Но, милочка, развѣ нельзя любить
человѣка и, въ то же время, не быть все-
цѣло на его сторонѣ?

— Нѣтъ, нельзя, Мери. Любить... да
и все надо дѣлать всецѣло. А мы всему от-
пускаемъ себя по щепоточкѣ. Мы—взрос-
лые люди, а мысли и чувства у насъ ка-

кія-то ялишутскія. Я съ этимъ покончила
и только...

Марья Евстафьевна пожала своими кра-
сивыми плечами и рѣшила не продолжать
этого разговора. И Нидія чувствовала те-
перь себя въ домѣ одинокой, потому что
она одна вышла изъ прежнихъ рамокъ, а
сестры остались въ нихъ, и, кажется, на-
всегда.

Но когда Алеша повторилъ ей о сво-
емъ непоколебимомъ рѣшеніи во что бы то
ни стало сорвать маску съ Лемма, она
вдругъ поняла, что, въ сущности, у нея
нѣтъ никакого опредѣленнаго взгляда на
этого человѣка. Тутъ тоже было «по щепо-
точкѣ»—и скептицизма, и преклоненія, и
боязни, и презрѣнія. А съ такой неустой-
чивостью развѣ она могла идти рука-объ-
руку съ Алешей и помогать ему? Вотъ
тутъ-то она и вспомнила о слѣбомъ пол-
ковникѣ. Почему-то ему она вѣрила без-
условно. И, рѣшившись повидать его, она
чисто по-женски сказала себѣ: «Какъ онъ
скажетъ, такъ я и буду».

Но, велико было ея огорченіе, когда она,
даже опоздавъ къ завтраку, не нашла дома
Алексея Даниловича. Это было необычно.
Ужъ къ этому часу онъ не-о-еменно являл-
ся, особенно въ послѣднее время, когда
уѣхалъ его братъ Михаилъ. А съ тѣхъ
поръ, какъ онъ изъ прежней квартиры,
гдѣ, послѣ ужасной исторіи съ Бяленни-
кимъ, рѣшительно не могъ оставаться, пе-
реѣхалъ въ гостиницу, онъ проводилъ у
нихъ почти цѣлые дни. Значитъ, у него
явилась помѣха, что-нибудь случилось, мо-
жетъ быть—опять ужасное... Что же, пой-
ти къ нему? На это даже она, «вышедшая
изъ рамокъ», не могла е е рѣшиться.

Алексѣй Даниловичъ явился поздно, ча-
са въ четыре, и какой-то совсѣмъ возбужде-
женный.

— Что съ вами? Почему вы не явились
къ завтраку? Почему у васъ такой видъ,
точно вы рѣшили объявить себя врагомъ
всего человѣчества?—посылались къ нему
вопросы со стороны Марьи Евстафьевны и
Юстины. Нидія же, сдерживая возмущеніе,

боялась показать свое гнѣвъ и только му-
жительно ждала его отпущенія.

Беренниковъ промолвъ нѣтъ бокового кар-
мана раскрытый конвертъ съ огромной пе-
чатю изъ чернаго сукна посрединѣ и пе-
редалъ его Марьѣ Евстафьевнѣ.

— Что это?—спросила она, взяла кон-
вертъ и вынула изъ него сложенный въ
твердо листъ бумаги.

— Разверните. Можетъ быть, вамъ экъ
знакома болѣе, чѣмъ мнѣ.

Она взвѣсивъ на бумагу: наверху на-
кой-то странный знакъ. — Треугольникъ,
острымъ угломъ книзу, внутри черепъ, ко-
сти, крестъ и еще какія-то неясныя начер-
танія, а извѣтъ изъ каждой изъ сторонъ
цифра — 13.

Марья Евстафьевна пожала плечами:—

— Чертовщина какая-то... Это скорѣе по-
части Юстины.

Юстина приближалась и, увидавъ зна-
чокъ, вышла къ ней глазами. — Это тотъ
самый? Какъ въ мемуарахъ?

— Что значитъ, тотъ самый? — спра-
силъ Беренниковъ.

— Тогда, на лекціи профессора Четвер-
това... Ему принесли письмо и онъ ис-е...
Въ письмѣ былъ тотъ же знакъ...

— Почему вы знаете? Развѣ профес-
соръ, прежде, чѣмъ закончить, поставилъ
вамъ письмо?

— Письмо было вложено въ ключокъ, но
однѣ пусокъ поднялъ Лемма, и я увидѣла...

— Лемма?.. Опять Лемма!.. Гдѣ же
исторія, тамъ попрежнему этотъ проко-
дичецъ...

— Алеша!...—остановила его Мери.

— Извинюсь. Но самое печальное то,
что онъ смѣетъ посвящать въ свои тай-
ны, а, въ сущности, чуждыя маниту-
ляціи уважаемую мною Юстину Евстафъ-
евну...

— Я вамъ запрещаю говорить такъ,
Алеша!...—сдержанно сказала Юстина.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Э. Боляновскаго, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXXIV.

— Я вамъ запрещаю говорить такъ, Алеша!.. — сдержанно сказала Юстина.

— Еще разъ извиняюсь. Но несомненно, что цѣль его—втиснуть въ свои дѣла члена безупречнаго семейства, и вы увидите, что однажды, когда все раскроется, Юстина окажется рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ.

— Алексѣй Даниловичъ, но вы, дѣйствительно, кажется, сошли съ ума. Вѣдь это бредъ какой-то! — резко замѣтила ему Мэри.

— Взгляните на траурную печать: тамъ этотъ же знакъ. Прочтите подпись: «Вамъ и вашимъ союзникамъ: бездонная пропасть можетъ оказаться ближе, чѣмъ вы думаете. Итакъ, остерегайтесь, чтобы не оступиться *«Sapienti sat»*. По-вашему, это не стиль Лемэма—съ его плоской и грубой, какъ эта доска, таинственностью?»

Вдругъ поднялась Нидія и, вся волнуясь, подошла къ нему.

— Но что ты сдѣлала, Алеша? Почему ты опоздалъ? Гдѣ ты былъ?

— Гдѣ я былъ? Тайственные маги хорошо позаботились о томъ, чтобы мое время не пропадало даромъ. Къ 12 часамъ я былъ приглашенъ къ судебному слѣдователю, гдѣ въ сртый разъ отвѣчалъ на одни и тѣ же глупые вопросы о трунѣ, о глинтвейнѣ, о деньгахъ, о баронѣ-сосѣдѣ и даже о мрэмъ братѣ Михаилѣ, который виноватъ въ томъ, что Бяльницкій умеръ на его кровати. Слѣствие тоже пошло въ заколдованный кругъ, вѣрнѣе—въ этотъ дурацкій треугольникъ. А, вернувшись домой, я нашелъ это письмо. Его принесла высокая дама, брUNETKA, похожая на цыганку...

— Какъ тамъ, у профессора Четвергова...—вырвалось у Юстины, у которой глаза вдругъ сдѣлались большими.

— Гм... Значитъ, и тутъ прецедентъ... Ну, я разсвирѣлѣлъ и поѣхалъ прямо къ Лемэму...

— Что? Что ты хотѣла сдѣлать?—воскликнула Нидія.

— Сказать ему то, что онъ знаетъ лучше чѣмъ я: что онъ негодяй...

— Я не хочу больше это слушать!.. — сказала Мэри и демонстративно направилась къ двери, но остановилась:—надѣюсь все-таки, вы во-время образумились и не сдѣлали этого?

— Я не засталъ его дома. Съ вечера уѣхалъ въ Царское. Должно быть лижетъ подошвы разнымъ статсъ-дамамъ и фрейлинамъ, добиваясь права дурачить ихъ величества... И въ худшемъ случаѣ получить хоть орденъ. Фокусники и престожижигаторы любятъ обвѣшивать свою грудь орденами.

Обѣ дамы протестующе ушли и сама дверь, тоже въ видѣ протеста захлопнулась. Нидія подошла къ нему и приложила руку къ его лбу.

— Горячій... Милый Алеша, тебѣ надо успокоиться. Сядемъ вотъ здѣсь и поспимъ тихонько... Я разскажу тебѣ кой-что.

Онъ поцѣловалъ ее руку и вдругъ сдѣлался тихимъ и покорнымъ. Послѣдовалъ за нею и они сѣли на диванъ рядышкомъ.

— Какъ я люблю тебя, Нидія,—сказалъ онъ, не переставая цѣловать ее руку.—И какъ странно, что я узналъ объ этомъ только два дня тому назадъ, хотя давно уже говорю тебѣ: «люблю». Нѣтъ, я и тогда любилъ, конечно, всегда... Но я не зналъ, не чувствовалъ, до чего ты мнѣ необходима.

Нидія улыбнулась.

— Вотъ и хорошо. Поэтому—молчи и слушай.

— Я молчу, молчу...

— Ты сказалъ: необходима. Но мы уже пообщались другъ другу, что никогда не будемъ пассивны, и я захотѣла быть для тебя необходимой на дѣлѣ. Только слушай и не сердись. Если даже я была неправа, все-таки не сердись, потому что я вѣдь... тоже люблю тебя, Алеша. Видишь, я предчувствовала и боялась... Какого-нибудь рискованнаго шага съ твоей стороны боялась я.

Но я была безпомощна... И я рѣшилась искать помощи у человѣка, который мнѣ казался сильнымъ... Алеша, я сегодня была у Широ...

— Ты? Зачѣмъ?

— Онъ много знаетъ. Онъ мудръ, Алеша. Мнѣ почему-то онъ представляется, какъ въ «Русланѣ», добрымъ волшебникомъ—Финномъ. Ты хочешь открыто выступить на борьбу съ Лемэмомъ. Такъ я хотѣла знать: не ошибаемся ли мы въ немъ? Не дѣлаемъ ли мы несправедливость? И я спросила его о Лемэмѣ...

— Что онъ сказалъ?

Я запомнила каждое слово. Онъ сказалъ: «Темная личность, не щадящая никого, кто ему мѣшаетъ. Грубые цѣли онъ преслѣдуетъ тонкими средствами». И—слушай это, Алеша: «Съ нимъ бороться—почти значить идти на вѣрную гибель. Но онъ самъ отравитъ себя своимъ же ядомъ и кончитъ позорно. О тебѣ же сказалъ: «Вашъ другъ слишкомъ горячъ, а тутъ нуженъ ледъ. Надо взвѣшивать каждый шагъ». И общалъ помогать намъ своимъ знаніемъ и опытомъ. Скажи же мнѣ, Алеша, что ты ничего противъ Лемэма не предпримешь—ну, хоть безъ меня...

— Трудно сказать это, Нидія—сказать—такъ исполнить. А развѣ можно ручаться? Ты видишь, какой я... И на каждомъ шагу—неожиданности... А главное—не вѣрю я въ этихъ маговъ, какъ злыхъ, такъ и добрыхъ.

— Ну, пусть не вѣришь... Но мнѣ-то ты вѣришь? Ну, такъ мнѣ и общай...

— Хочу, чтобы было такъ и общаю—насколько выдержать моя воля, я люблю тебя, Нидія, люблю... И ужъ это одно не дастъ мнѣ погибнуть.

Они оба быстро поднялись съ дивана, потому что въ передней послышались шаги и шумъ, и притомъ не было звонка,—значитъ, приѣхалъ самъ Верхоплавецъ, отпирившій дверь своимъ ключомъ. И его голосъ уже звѣнѣлъ въ передней.

— Сенсационныя новости, господа...—говорилъ онъ, входя въ гостинную, куда на его голосъ собрались всѣ, недавно поссорившіеся родственники.—Но, къ огорченію Юстины, ничего таинственнаго, а даже чересчуръ реально...

Посыпались вопросы. Зная отвращеніе Верхоплацева ко всякаго рода «прошест-віямъ», ждали что-нибудь курьезнаго.

— Вы знаете исторію ограбленія ювелира Дюбуа? Ну, конечно... Во всѣхъ газетахъ было. Изумительная изобрѣтательность, голо-

вокружительная смѣлость. Подъ видомъ экспроприаціи для кинематографа, самъ Дюбуа даже связать себя и чуть-ли не помогать громиламъ розыскать самыя пѣныя вещи. Читая, я думалъ: «неужели-же онъ такъ глупъ, этотъ Дюбуа? А оказалось, что онъ вовсе не глупъ. Всѣ похищенные драгоценности полиція нашла аккуратно сложенными въ надлежащихъ ларцахъ...

— Но при чемъ-же тутъ самъ Дюбуа?

— А нашли ихъ въ его-же собственномъ домѣ, въ принадлежащей ему кладовой. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно участвовалъ въ ограбленіи самого себя...

— Да для чего же это?—спросила Марья Евстафьевна.

— Какъ для чего? Онъ застраховалъ свой магазинъ отъ ограбленія въ одномъ американскомъ обществѣ и ему предстояло получить миллионы пять... Въмѣсто этого онъ арестованъ. Говорятъ, что открыты слѣды колоссальной организаціи, въ которой замѣшаны довольно высокопоставленные особы.

— И престожижигаторы!..—съ усмѣшкой вставилъ Беренниковъ.

— Ну, эти никогда не попадаютъ...

— Между прочимъ, господинъ Лемэмъ чуть-ли не пріятель этого Дюбуа!..—продолжалъ свою миссію Алеша.

— Такъ, можетъ быть, онъ и продалъ его... Юстина, не произай меня взглядомъ. Я пошутилъ. А вотъ вторая новость: въ Петроградѣ явился новый пророкъ!.. Да, да, на этотъ разъ настоящій святой. Княжескаго рода, учился въ Казани, въ духовной академіи, собирався въ монахи, но вдругъ раздумалъ и пришелъ сюда изъ Казани пѣшкомъ. Его идея: подвигъ. Россію можно спасти только великимъ всенароднымъ подвигомъ. Подробности этого дѣйства мнѣ неизвѣстны. Молодой человекъ красоты изумительной, живетъ въ домѣ родственницы, княгини Молозерской...

— Его надо пригласить на наши вечера!—сказала Марья Евстафьевна.

— Ба! Новая фраза: Мэри рѣшила совершить всенародный подвигъ!—замѣтилъ Верхоплавецъ и, добродушно смѣясь, направился въ свой кабинетъ.

Нидія почему-то вдругъ вспомнила страннаго человѣка, котораго встрѣтила въ прихожей у Широ и подумала: «Не онъ-ли?»

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азаренко, В. Ф. Бодилевскаго, П. П. Губдича, А. С. Грана, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагорского, В. И. Кекировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XXXV.

НЕ ПРОРОКЪ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТЪ СЛОВО...

О дѣлѣ ювелира Дюбуа въ газетахъ было сообщено безкрасочно и казенно, какъ о простомъ заурядномъ мошенничествѣ, объ арестѣ же его говорилось неопредѣленно, такъ что можно было думать, что ничего подобнаго и нѣтъ. Но, такъ какъ знали, что все это не такъ, то, въ отместку за сокрытіе истины и на зло полицейской цензурѣ, сочиняли невѣроятныя вещи и изъ устъ въ уста передавались чудовищные варианты.

Въ числѣ участниковъ махинаціи называли чистокровныя аристократическія имена, говорили, что Дюбуа—не болѣе, какъ подставное лицо, а въ сущности роскошный магазинъ его принадлежитъ тайной акціонерной компаніи, составленной изъ великихъ князей. Далѣе эта мысль развивалась въ такомъ направленіи: что всѣ драгоцѣнности въ магазинѣ были похищены изъ дворцовъ и изъ Эрмитажа, гдѣ онѣ были подмѣнены стеклянными имитациями, и что тамъ теперь нѣтъ ни одной настоящей драгоцѣнности,—все фальшивыя.

Говорили, наконецъ, что первый намекъ на кладовую Дюбуа былъ сдѣланъ медиумомъ въ спиритическомъ трансѣ, какой-то дѣвицей съ польской фамиліей, во время сеанса у одного изъ министровъ. Благодаря этому, всѣ стали увлекаться спиритизмомъ и предаваться столоверченію, и дѣла польскаго медиума, дамы, пріѣхавшей откуда-то изъ Ломжи въ третьемъ классѣ фуксомъ, безъ билета, быстро поправились: ее звали въ частныя дома на сеансы и усердно платили ей.

У Верхоплавецкихъ очень интересовались этими событіями, но истину узнать было

трудно. Самъ депутатъ относилъ событіе къ обыкновенной уловочной хроникѣ, всѣ же сенсаціонныя украшенія отметаля съ презрѣніемъ. Увлечаться подобными вещами было ниже его депутатскаго достоинства. Беренниковъ въ послѣднее время рѣшительно пересталъ быть «милымъ Алешей», и съ нимъ просто было опасно затѣвать подобный разговоръ.

Оставалось обезпечить Лемэма, который всегда обо всемъ освѣдомленъ наилучшимъ образомъ. Позвонила къ нему сама Марія Евстафьевна, но опытный изъ гостиницы былъ полученъ странный: сперва было заявлено, что онъ боленъ и не встаетъ съ постели, а затѣмъ къ аппарату, видимо, подошло другое лицо и сообщило, что господинъ Лемэмъ уже третій день, какъ уѣхалъ, и никто не знаетъ, куда.

Это было въ половинѣ третьяго, дома были только дамы. Впечатленіе отъ пробы-жачней, было, между ними черной копки быстро улетучилось. Въ основѣ ихъ отношеній все-таки лежала глубокая привязанность другъ къ другу и она, естественно, скоро взяла верхъ. Юстина перестала дуться. Главное же—что Нитя удалось дисциплинировать Алешу. Онъ началъ вести себя спокойно и корректно; когда говорили о Лемэмѣ,—молчалъ, и вообще ничѣмъ не нарушалъ «сирискалей» Маріи Евстафьевны, на которыхъ первой заповѣдью стояло: толь легкаго остроумія—въ предѣлахъ свѣтскаго приличія. По этой заповѣди можно было рассказать непристойный анекдотъ, не назвавъ ни одной вещи ея именемъ и, если это было остроумно, то въ наказаніе только шутливо грозилъ пальцемъ. Но рѣзко возвысить голосъ, назвать даже

отсутствующаго прохвостомъ, хотя бы онъ тысячи разъ стоилъ этого,—считалось преступленіемъ.

Въ тотъ моментъ, когда Марія Евстафьевна, получивъ сообщеніе не то о болѣзни, не то объ отъѣздѣ неизвѣстно куда Лемэма, съ недоумѣніемъ повѣсила трубку телефона, въ передней позвонили. Прислуга отперла дверь, велись какіе-то переговоры, затѣмъ принесли карточку. Марія Евстафьевна въполголоса прочитала: «Павелъ Васильевичъ Широ», и улыбка надежды мелькнула въ ея глазахъ. Вотъ кто знаетъ правду и можетъ многое освѣтить...

Она быстро направилась въ переднюю, чтобы встрѣтить и ввести въ комнату почтеннаго слѣпца. Широ цѣловалъ ея руку и усиленно извивался, что такъ запустилъ своей визитъ.

Нитя съ большимъ волненіемъ поздоровалась съ нимъ. Ей пріятно было, что онъ пріѣхалъ,—этотъ человѣкъ производилъ на нее успокаивающее дѣйствіе. При немъ она чувствовала, что у нея (а, значитъ, и у Алешки) есть надежный защитникъ. Но въ то же время она, при звукѣ его голоса, вдругъ вспомнила, что толпа, когда была у него, сдѣлала большую оплошность: не предупредила, что о ея посѣщеніи никто, кромѣ Береникова, не долженъ знать, и теперь боялась, что онъ проговорится.

Но съ первыхъ же словъ ей стало ясно, что онъ это знаетъ и безъ предупрежденія. Онъ обращался къ ней такъ же, какъ и къ другимъ, ничѣмъ не выделяя ея и ни разу не освѣдомился объ Алексѣѣ Даниловичѣ.

Марія Евстафьевна и Юстина заговорили о событіяхъ: Дюбуа, акціонерное общество въ Царскомъ Селѣ, великіе князья, дворцовыя и эрмитажныя драгоцѣнности... Гдѣ тутъ правда? Ужъ Павелъ Васильевичъ, навѣрное, au courantъ всего.

Но Широ сразу разочаровалъ ихъ.

— Какъ можете вы, mesdames, интересоваться такими пустяками? Что можетъ вѣсить на всѣхъ исторіи какое-нибудь мошенничество—пустъ даже и многомилліонное? Ничтожный сиртузъ... Въ то время, какъ на нашихъ глазахъ происходитъ гран-

дознае мошенничество вокругъ одного изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ мірѣ — продажа Россіи...

На лицѣ Маріи Евстафьевны выразилась скука. Ахъ, эта тема ей никогда не увлекала.

— Значитъ, вы считаете это простымъ мошенничествомъ?—спросила она.

— Самое рѣшительное. Но плутаямъ удобнѣе дѣйствовать въ атмосферѣ таинственности. Вы знаете эту игру—въ прятки: всѣ спрятались по угламъ, а однихъ ищутъ ихъ съ завязанными глазами. А они стараются, чтобы было наоборотъ: у всѣхъ завязаны глаза, только у нихъ открыты. Это и достигается при помощи таинственныхъ сенсаций, которыя они сами фабрикуютъ. Повѣрьте, что драгоцѣнности Эрмитажа и дворцовъ цѣлы, а высокопоставленные особы вполне довольствуются правомъ неограниченно черпать изъ государственной казны и не пугаются въ тайныхъ обществахъ съ грѣшными дѣлами. Задача истинныхъ сыновъ родины въ томъ, чтобы пагубному, разлагающему вліянію верховныхъ сферъ противопоставить вліяніе здороваго нравственнаго начала. Только это можетъ спасти Россію отъ гибели. Отчасти я затѣмъ и позволилъ себѣ пріѣхать къ вамъ, чтобы заинтересовать васъ однимъ явленіемъ...

— Можетъ быть, это новый пророкъ, о которомъ говорить?—съ наивностью спросила Марія Евстафьевна.

— Вы слышали? Но только онъ не пророкъ. Нѣтъ, ради Бога,—онъ не пророкъ. Амнула пророка въ нынѣшнее время скомпрометтировано. А онъ престоудный человекъ и даже небольшого ума. Но знаетъ слово и слово это среслось съ его сердцемъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азизова, В. Э. Боденцова, И. П. Губича, А. С. Грина, А. Е. Зарин, А. А. Измайлова, Е. А. Игнатьева, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Солгуба и др.

XXXVI.

ВОСКРЕСАЮТЪ, КОГДА НЕ УМИРАЛИ.

— Говорятъ, онъ красоты необыкновенной! — спросила Юлианна полковника Широ.

— И мнѣ говорили. Но объ этомъ мнѣ не дано судить. Вы можете увидѣть его сегодня вечеромъ въ домѣ княгини Варвары Федоровны Подозерской...

— Это очень интересно! Но тамъ будетъ много народа... Свѣтская публика...

— Не слишкомъ много и не свѣтская. Въ домѣ имѣется большой залъ; а приглашенъ мнръ работниковъ ума и таланта: литераторы, художники, ученые, политическіе и общественные дѣятели. Его трудно было уговорить, онъ не любитъ эстрады. Онъ говорить: выступать надо на площади въ минуты волненія и гнѣва народнаго. Но упростили. Такъ пріѣзжайте.

Сестры выразили желаніе пріѣхать, и Широ поднялся. Пожимая руку Ниди, онъ задержалъ ее въ своей рукѣ и сказалъ:

— Что же, надѣюсь, успокоился вашъ другъ послѣ той бурной сцены съ господиномъ Лемэмомъ?... Э, ничего. Скажите ему, что ничего. Въ нынѣшнее время, когда и мертвые воскресаютъ...

— А развѣ воскресаютъ? — съ волненіемъ спросила Нидія.

— О, да... Въ особенности, когда они не умирали...

Онъ тихо засмѣялся и вышелъ въ переднюю.

Скоро пришелъ Берениковъ, на этотъ разъ пріятно оживленный и радостный. Когда Нидія рассказала ему о визитѣ Широ и привела его слова о мертвыхъ, которые воскресаютъ — въ особенности, когда

они не умирали, онъ только отмахнулся рукой.

— Не понимаю я этой символической абракадабры!.. — и показалъ телеграмму изъ Москвы отъ брата Михаила, извѣщающую, что онъ завтра съ курьерскимъ пріѣдетъ въ Петроградъ. Это и было причиной его радости.

За обѣдомъ Верховлавецъ заинтересовался «не-пророкомъ», который знаетъ слово», и тоже выразилъ желаніе поѣхать, но съ оговоркой — на полчаса, такъ какъ, по обыкновенію, у него — коммисіа, въ которой онъ председательствуетъ.

Часовъ въ 9 вечера поѣхали всѣ, не исключая и Алексѣя. Особнякъ княгини Подозерской на Сергіевской малю кому былъ знакомъ. Княгиня не вела общенія ни съ свѣтскимъ обществомъ, ни съ какими другими. У нея былъ свой, очень маленький, кругъ, которымъ она довольствовалась. Когда-то она вела бурную жизнь, ея романческія похождения и безумныя выходки ревниваго и страстно влюбленного въ нее мужа занимали общество, но это было не здѣсь, а въ Москвѣ, да и тамъ уже было забыто. Но, потерявъ мужа въ японской войнѣ, она вдругъ измѣнилась и бѣжала отъ своего прошлаго изъ Москвы въ Петербургъ.

Обширный старинный залъ, съ тяжелыми гардинами, съ расписными потолкомъ былъ освѣщенъ масляными лампами. Княгиня не выносила запаха нефти, а къ электричеству относилась еще болѣе враждебно. Масляныя лампы давали теплый, мягкій золотистый свѣтъ и это придавало комнатѣ уютъ и своеобразный отблескъ интимности. Публика не наполнила зала и, видимо, была приглашена съ выборомъ. Не мало было

посетелей извѣстныхъ именъ, встрѣчавшихся въ видѣ подписей на картинахъ и на обложкахъ книгъ. Были парламентскіе дѣятели, адвокаты, врачи.

У Верховлавецъ нашлось много знакомыхъ, кой съ кѣмъ поздоровался и Берениковъ, но у дамъ не оказалось никого, и Марья Евстафьевна тутъ же подумала, что ей необходимо въ будущемъ освѣтить свой салонъ новыми знакомствами. Мужъ представилъ ей кой-кого, выбравъ, разумѣется, наиболѣе интересныхъ. Юстинъ было странно отсутствіе Лемэма. Она привыкла бывать на вечерахъ, къ которымъ онъ имѣетъ то или иное отношеніе, и онъ тамъ всегда игралъ роль орacula.

Когда всѣ ушли, на свободномъ пространствѣ залы появился молодой человѣкъ въ алыномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, тонкій, стройный и изящный. Его фигура и смуглое, безконечно художавое лицо, изящные дѣльные пальцы рукъ, простыя, хотя нѣсколько связанныя, несвободныя движенія, все это было такъ красиво, что въ залѣ, послѣ глубокаго молчанія, пронесся изумленный шепотъ.

Нидія сказала себѣ: «это тотъ самый».

Онъ началъ красивымъ мужественнымъ голосомъ, не громкимъ, даже замѣтно усталымъ, но твердымъ и какъ-то убѣдительнымъ. Такимъ голосомъ нельзя высказывать сомнѣнія, такого голоса не бываетъ у колеблющихся.

— Господа, — сказалъ онъ, — если вы ждете отъ меня краснорѣчія, то будете разочарованы. Я не умѣю говорить, сидя за столикомъ, на которомъ стоитъ графинъ съ водой, передъ людьми, пришедшими посмотрѣть, какой я. Я, можетъ быть, сумѣлъ бы завлечь толпу, внутренне готовую къ дѣйствию, но не знающую, куда идти и какъ дѣйствовать. Но вы — не толпа и вы не собираетесь дѣйствовать. Вы только наблюдатели.

Я вамъ скажу, кто я. Свѣтскій по рожденію, но по природѣ чуждый свѣту, я искалъ уединенія и давно, еще почти въ дѣтскіе годы, рѣшилъ посвятить себя монашеству. По окончаніи лицей, изучалъ бogo-

словскую науку въ казанской академіи, поизучивъ, понялъ, что она мнѣ совсѣмъ не пужна. Къ чему наука уединенному отшельнику? Для чего толкованіе Бога человѣку, который чувствуетъ Бога въ каждомъ шелестѣ травы и въ шептаніи воробья? Готовился къ монашеству. Но нѣкто, случайно встрѣченный, умный человѣкъ, познанилъ меня съ положеніемъ моей родной страны и мои мысли вдругъ переизмѣнились. Созерцать Бога въ тишинѣ отдаленнаго скита — блаженство, на которое не имѣетъ права человѣкъ, когда родина его стремительно идетъ къ гибели.

И сталъ я думать: что я могу сдѣлать для родины, я, одинокій, слабый человѣкъ? Одни проповѣдывали, другіе — убивали, но ни тѣ, ни другіе не сдѣлали пользы. И тогда передо мною всталъ образъ Великаго Страдальца, который спасъ мнръ. Я спросилъ себя: что Онъ сдѣлалъ, чтобы спасти мнръ? И я отвѣтилъ: Онъ приналъ подвигъ до самой крестной смерти. И этотъ подвигъ спасъ мнръ. И я понялъ, что я долженъ всѣмъ сказать и самъ совершить: подвигъ, подвигъ — даже до крестной смерти. Но Онъ былъ Богъ и потому подвига Его одного было довольно, чтобы спасти мнръ, а мы люди, и должны всѣ, каждый въ отдельности, принять подвигъ даже до крестной смерти. Пусть коносятся насъ, изгоняють, бьютъ, распинають, вѣшаютъ, тѣмъ лучше, — подвигомъ нашимъ очистится земля; народъ, нынѣ скованный и равнодушный, прильнетъ къ нашему страданію и въ сердцѣ его зажжется огненный пламень, и онъ самъ спасетъ свою землю.

Вотъ и весь я, это все мое добро. Я больше ничего не знаю. Но я совершу подвигъ даже до крестной смерти!!!

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азаровъ, В. Ф. Бонч-Бруевичъ, П. П. Гнѣдича, А. С. Гринъ, А. Е. Заръ, А. А. Измайловъ, Е. А. Нигуровъ, В. И. Ксировича-Данченко, М. Н. Потапенко, Ф. К. Солгуба и др.

XXXVII.

По мѣрѣ того, какъ дикий гость салона испити Подозерской говорилъ свою рѣчь, лицо его оживлялось, глаза расширялись и весь онъ какъ-будто вырасталъ. Последнія же слова онъ произнесъ призывнымъ голосомъ, который звучалъ, какъ колоколъ, а самъ онъ, съ рдѣющими щеками, съ пылающими глазами, былъ прекрасенъ, какъ бѣть. Онъ всталъ, поклонился и вышелъ. Залъ замеръ. Впечатлѣніе было огромное, но никто не понималъ—отъ чего. Не слова же произвели его, они были такъ обыкновенны, въ нихъ не было рѣшительно ничего новаго. Все это было сказано тысячи разъ и въ книгахъ и съ кафедръ проповѣдниковъ. Но не такъ было сказано. Здѣсь говорило горящее сердце, весь человѣкъ наливался въ этихъ словахъ, и ни у кого не было даже минутнаго сомнѣнія въ томъ, что онъ «совершилъ подвигъ даже до крестной смерти».

Публика разошлась группами и всюду происходилъ обменъ впечатлѣніями; были скептическіе голоса, многіе брюзжали, но общее мнѣніе было таково, что, несмотря на краткость сеанса, вечеръ далеко не потерявъ,—въ душѣ осталось что-то, совсѣмъ не похожее на обычныя, всѣмъ пріѣхавшимъ, впечатлѣнія петербургскихъ «наблюдателей».

Марья Евстафьевна упрямилась полковника Широ, сидѣвшаго рядомъ съ нею, привести къ нимъ молодого человѣка, но полковникъ не далъ ей никакой надежды.

— Боюсь, что это не удастся. Онъ нигдѣ не бываетъ. До сихъ поръ никому не удалось замучить его къ себѣ. Но вы можете не со-

мнѣваться, что я употреблю все стараніе.

Замѣтили еще, что какой-то высокій старикъ съ бритымъ лицомъ, съ длинными сѣдыми волосами, похожій на англичанина, находился въ публикѣ, а когда молодой князь кончилъ свою рѣчь и удалился, онъ ушелъ вслѣдъ за нимъ.

Когда ѣхали домой въ автомобильъ всѣ четверо (Верхонлавецъ уѣхалъ раньше) и обмѣнивались впечатлѣніями, Беренинковъ сказалъ:

— Не поклонникъ я этого жанра, а все-таки долженъ сказать, что отъ него вѣетъ чѣмъ-то освѣжающимъ, особенно въ затхлой атмосферѣ нашихъ сеансовъ и всякихъ мистерій.

Дамы промолчали, чтобы не спорить. Разставаясь съ ними, Алексѣй Давидовичъ сообщилъ, что завтра встрѣтитъ Михаила и, если побѣздъ не очень опоздаетъ, привезетъ его къ завтраку.

На другой день, въ полдень, раздался звонокъ у телефона. Юстина, которая въ это время была въ третьей комнатѣ, вскочила и стремительно побѣжала на звонокъ. Тамъ уже была горничная, но Юстина отпала у нея трубку. Во всемъ этомъ было что-то непроизвольное и она сама не могла дать себѣ отчета, почему именно этотъ звонокъ такъ привлекъ ее вниманіе. Прислонивъ трубку къ уху, прислушалась.

— Ахъ, вы? Какимъ-то смутнымъ голосомъ произнесла она. — Наконецъ-то вы нашлись... Гдѣ же вы были? Здоровы ли и когда мы васъ увидимъ?

— У меня въ распоряженіи всего три часа... Если мнѣ позволить...

— Пріѣзжайте въ часъ. Будемъ завтракать. Сестра наѣрное будетъ рада...

— Благодарю. Я буду.

Нечего и прибавлять, что это былъ Лемэмъ. Не этимъ ли и объяснилась поспѣшность, съ которой Юстина побѣжала къ звонку?

Марья Евстафьевна не выразила радости и сказала только, что ничего не имѣетъ противъ, но, въ сущности, была довольна, что эта «интересная фигура» не перестанетъ придавать ей гостиной слегка загадочный колоритъ.

И онъ пріѣхалъ ровно въ часъ, такой-же, какъ всегда, приличный, выдержанный и изысканно-спокойный. На разъ дросы отвѣчалъ неясно, но все же настолько определенно, чтобы заинтриговать. Не былъ ли онъ въ Царскомъ Селѣ? Очень короткое время. Впрочемъ, не разъ. Въ три часа уѣзжаетъ опять на нѣсколько дней, а можетъ быть, и на долго.

Говорили о князѣ, родственникѣ княгини Подозерской, и его выступленіи. Онъ сдѣлалъ непроницаемое лицо. Онъ въ первый разъ слышитъ. Но мало ли теперь появляется всякаго рода кликушъ, и всѣ хотѣтъ спасать Россію, но ее спасти нельзя: должно произойти столкновѣніе планетъ, изъ которыхъ выйдетъ новая планета, это и будетъ спасенная Россія.

Выпѣлъ изъ кабинета Верхонлавецъ, и всѣ отправились въ столовую. Скоро явился Беренинковъ, съ разочарованнымъ лицомъ. Онъ былъ на показѣ, добросовѣстно заглядывалъ въ лица всѣмъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы пассажирамъ, но среди нихъ не оказалось Миши. Должно быть, что-нибудь задержало до завтра. Увидѣвъ Лемэма, онъ сталъ еще болѣе хмурымъ, сухо поздоровался съ нимъ и, занявъ мѣсто за столомъ, былъ молча.

Уже перешли въ гостиную, куда подали кофе. Въ это время въ передней позвонили и раздалось довольно шумное, повидимому, радостное восклицаніе лакея, потомъ вопросы и вообще какой-то разговоръ. Алексѣй выглянулъ въ прихожую и съ изумленіемъ и радостью бросился къ вошедшему, въ то время, какъ лакей стоялъ тутъ же съ двумя чемоданами въ рукахъ.

Пріѣзжій былъ невысокаго роста, но выше Алексѣя, въ длинной шубѣ и тѣхвой

шляпѣ. И лицомъ онъ былъ очень схожъ съ Алексѣемъ.

— Миша, злодѣй!.. Да какимъ же образомъ? Вѣдь я тебя встрѣчалъ!..

— Но не встрѣтилъ! Это очевидно!—отвѣчалъ Михаилъ, смѣясь.

— Ну, снимай же шубу. Всѣ въ гостиной, и будутъ тебѣ рады... — говорилъ Алексѣй, стаскивая съ него шубу.—А почему это съ тобой чемоданы? Ахъ, да, зипрочемъ, ты вѣдь не знаешь квартиры... Ты ничего не знаешь. Неужели успѣлъ побывать въ Омскѣ?

— Успѣлъ всюду... Все рассказываю...

Въ гостиной появленіе Михаила Беренинкова произвело сенсацию. Его закликали вопросами, съ Лемэмомъ онъ былъ знакомъ уже раньше, но всегда относился къ нему отрицательно. И теперь поздоровался холодно.

— Вотъ не понимаю, какъ ты могъ прерывать меня. Я, положимъ, только самозвѣлъ во всѣ глаза и тебя не видѣлъ!—говорилъ онъ, обращаясь къ брату.—И совершенно напрасно протѣзалъ на Екатерининскій планетъ. Оказывается, что ты оттуда выѣхалъ, и ничего не могъ мнѣ сказать, куда. Тамъ мнѣ объяснили, такое-то несчастье произошло, что-ли?..

— А вы развѣ не знаете, Миша?—спросила Марья Евстафьевна.

— Ровно ничего не знаю. Я сказалъ, какъ бѣшеный, изъ города въ городъ и потому не могъ получить отъ него ни одного письма.

— Да, несчастье,—сказалъ Алеша и нахмурилъ брови.—большое несчастье. Въ нашей квартирѣ, на твоей кровати, умеръ Бленицкий...

— Что? Архитекторъ Бленицкий? Маркъ Леонидовичъ?

— Ну, да, да,—подтверждали другіе.—Вѣдь вы-же его знаете, Миша.

— Но, господа, я только что пріѣхалъ, и вы сразу начинаете меня дурачить. Это даже не по-родственному.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, В. Ф. Боднянского, П. П. Глѣдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградского, В. И. Кемировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

Лемэмъ пасторожился.

Лицо его сдѣлалось крайне сосредоточеннымъ. Видно было, что онъ напряженно прислушивался и какъ бы къ чему-то готовился.

— Ну, милый, кто же васъ дурачить? — очень серьезно сказалъ Верхоплавецъ: — Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ вашего отъѣзда, Бяленицкий, Маркъ Леонидовичъ, случайно почевалъ у Алени и ночью умеръ...

— Гм... Въ такомъ случаѣ я ничего не понимаю. Какъ же умеръ, когда я ровно недѣлю тому назадъ видѣлъ его въ Челябинскѣ?

Всѣмъ вполнѣли съ мѣстѣ, только Лемэмъ остался на своемъ стулѣ.

— Вы его видѣли? — спросилъ онъ съ виду очень спокойнo. — Но увѣрены ли вы, что это не было простое сходство?

— Какое сходство, когда я съ нимъ говорилъ? Мы провели съ нимъ полчаса въ вокзальномъ буфетѣ, вмѣстѣ ужинали. Онъ ѣхалъ въ Екатеринбургъ, гдѣ у него дѣло, а я — на Никольскій. Я его спросилъ объ Алени, онъ сказалъ, что не видѣлъ его давно и ничего о немъ не знаетъ...

— Этого не можетъ быть! — сквозь зубы произнесъ Лемэмъ, но вдругъ спохватился. — Впрочемъ, покойники иногда воскресаютъ...

— Въ особенности, когда они не умирали! — Какъ-то подчеркнута отчеканила Нидія.

— Это само собою ясно, Нидія Евстафьевна, — сказалъ Лемэмъ и, взглянувъ на часы, поднялся. — А мнѣ пора... Еще надо захватить къ себѣ и поспѣть къ повѣду въ три часа.. Это срочно.

Онъ простился со всѣми. Никто не задерживалъ его. Даже Марья Евстафьевна такъ была ошарашена сообщеніемъ Мини, что за-

была сказать ему какую-нибудь готовую любезность. Онъ ушелъ.

— Нѣтъ, что же это такое, господа? — промолвилъ Михаилъ Беренинъ, проводя рукой по своему лбу. — Да тутъ — напущено, — не знаю только на кого, на меня или на васъ...

— Значитъ, на глѣбый Петербургъ, потому что это всѣ знаютъ.

— А по моему, — сказалъ Верхоплавецъ, — если на кого «напущено», какъ поварить Мини, такъ это на бѣднаго Марка Леонидовича. И это уже чересчуръ.

— И если принять во вниманіе, — промолвилъ Алени, — что онъ находился подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія и что по этой части большой мастеръ господинъ Лемэмъ... Однимъ словомъ, Мини, — хотя ты и усталъ, — но прости, одѣвайся и ѣдемъ къ судѣбному слѣдователю...

— Вы, можетъ быть, подумали бы, Алени... — возразила Марья Евстафьевна.

— Нѣтъ, Мари, — твердо сказала Нидія: — пусть ѣдутъ — мы должны спасти Аленишу...

Минутой черезъ десять братья поѣхали къ слѣдователю.

И. Потапенко.

XXXVIII.

НЕ ШЕРЛОКЪ, НЕ ПОРФИРІЙ.

Едва братья вышли отъ Верхоплавецкихъ, какъ Алени съ торопливостью подошелъ къ стоящему у подъезда Ванькѣ, чуть не втопнулъ въ сани брата, сѣлъ и сказалъ извозчику:

— На Литейный, къ суду. И гони!

Братъ взглянулъ на него и проговорилъ: — Тебя не узнавать. Чего ты нервничаешь, какъ женщина. И Нидія, и всѣ тамъ. Что случилось съ Бяленицкимъ? Какъ онъ умеръ? Почему ты такъ торопишься къ слѣдователю?

Братъ Михаилъ былъ старше Алени на три года, но и фигурою, и лицомъ, и своею положительностью казался старше его лѣтъ на десять. Тоже блондинъ, онъ былъ нѣсколько темнѣе, имѣлъ окаянную бороду и его круглые, какъ и у Алени, глаза были не голубые, а сѣрые съ тѣмъ металлическимъ отблѣскомъ, который придаетъ взгляду особую твердость.

И, дѣйствительно, онъ былъ твердаго, рѣшительнаго характера, съ яснымъ практическимъ умомъ и дѣловой складкой.

По образованію инженеръ-технологъ, по специальности электротехникъ, онъ, во время войны производилъ электрическое оборудование на достраиваемыхъ огромныхъ предпріятияхъ, успѣлъ изобрести особую систему прожекторовъ, вмѣстѣ съ Алени, — артиллеристомъ по образованію, — разрабатывалъ проектъ электрической пушки, бралъ на себя отъ военнаго вѣдомства поставку и теперь вернулся изъ дѣловой поѣздки по Сибири, куда ѣздили по порученію фирмы Сименсъ и Шукертъ.

Онъ весь кипѣлъ въ дѣловой, практической жизни и слегка поспѣивался надъ Верхоплавецкими и Алени, которые занимались всегда какими-то исканіями.

— Тебя-то я понимаю, — шутилъ онъ, — ты ищешь Нидочку, но чего ищешь Марья Евстафьевна, — не пойму! Мужа нашла, есть деньги, положеніе въ обществѣ. Пей чайку жизни и все! А ее къ разнымъ духовицамъ тянетъ; Юстина скоро отъ малокровія и первнаго разстройства ума рѣшится, да и Нидія...

Теперь особенно, послѣ дѣловой поѣздки, ему всѣ показались какими-то странными, а братъ совершенно измѣнившимся. И исторія съ Бяленицкимъ, и эта поѣздка къ слѣдователю.

— Ахъ! Ты ничего, вѣдь, не знаешь! — возмущенно отвѣтилъ Алени. — Мы отъ слѣдователя вернемся во мнѣ, въ полдень,

и я тебѣ все расскажу. А теперь самое главное.

И Алени коротко рассказалъ ему про странную встрѣчу съ Бяленицкимъ, про деньги, про смерть Бяленицкаго, про слѣдствіе, изумительное исчезновеніе покойника и, наконецъ, про какое-то гнусное подозрѣніе, въ силу котораго слѣдователь взялъ съ него подписку о новѣбздѣ.

— И, вообще, — возмущенно окончилъ онъ, — и я, и Нидія, и всѣ опутаны какой-то паутиной. Я чего-то жду, я весь изнервничался.

— А наши чертежи? — быстро спросилъ Михаилъ.

— Неприбоснованы. Посмотрѣли и оставили.

Михаилъ облегченно вздохнулъ.

— А за стѣнкой квартира нѣмца?

— За дверью, оклеенной обоями, — поправилъ Алени, — на вершокъ правѣе и мы бы вбивали гвозди въ дверь, а не въ стѣну.

— А что за нѣмецъ?

— Не имѣю понятія. Какой-то баронъ. Сейчасъ въ отъѣздѣ... Стой! Направо!.. Жди насъ тутъ...

Извозчикъ остановился у низкаго подъѣзда окружнаго суда. Алени торопливо вышелъ и пошелъ впередъ.

Они спили верхнее платье у расторопнаго швейцара и пошли по широкой лѣстницѣ.

— Сюда, выйне, — говорилъ Алени, шагая черезъ ступеньку.

Имъ встрѣчались и ихъ обгоняли чиновники въ штатскихъ муштрахъ и видмундирахъ, адвокаты во фракахъ, съ портфелями и безъ портфелей, мужчины и женщины, жандармы, полицейскіе и арестанты въ сѣрыхъ курткахъ, сопровождаемые конвойными.

— Въ первый разъ тутъ, — сказалъ Михаилъ, — неприятное зданіе.

— Я тоже его не зналъ, а теперь чуть не постоянный посѣтитель, — желчно отвѣтилъ Алени и взялся за ручку двери.

Они поднялись до верхняго этажа.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гом. нь тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азбукинъ, В. Д. Бодуновъ,
А. П. Гидьча, А. С. Гризъ, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Лигонинъ,
Б. М. Кескировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Солжугинъ и др.

НЕ ШЕРЛОКЪ, НЕ ПОРФИРІЙ.

— Алексѣй Даниловичъ!—съ дѣланной радостью воскликнулъ онъ. — Очень радъ васъ видѣть! Праздникъ души! Ха-ха-ха! —и онъ засмѣялся.

Слѣдователь улыбнулся и, закуривъ па-
пиросу, спросилъ:

— Исторія Дюбуа, — сказалъ Алеша.

— Ладно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфилохова, А. Т. Азизова, З. Я. Батманова, Г. П. Гнѣдича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайлова, Е. А. Игнатьева, В. И. Кемирскнча-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Солгужа и др.

XL.

ТЕМНАЯ ВОДА.

Въ просторной, прекрасно меблированной комнатѣ меблированного дома на Мойкѣ, все сразу приобрѣло отпечатокъ пребыванія аккуратнаго и дѣлового человѣка.

На сторонахъ письменнаго стола лежали стопки книгъ и книгами была забита придвинутая къ столу этажерка; на раскрытомъ ломберномъ столѣ лежали чертежи, планы и карты; за драпировкой въ альковѣ стояла постель Алеши и военное званіе жильца обнаружилось только шпнелю въ крошечной прихожей, шашкой и фуражкой, да на шкафу стояла зеленая коробка, имѣющая форму восьмерки, съ апогетами для парадной формы.

Судя по обстановкѣ, нельзя было подумать, что Алеша мыслями хаотиченъ и характеромъ взбалмошенъ. Но такимъ онъ и не былъ до послѣдняго времени и объ этомъ подумалъ Михайлъ, спокойно слушающій безпокойнаго брата и слѣдя за нимъ внимательнымъ взглядомъ.

— Вотъ тутъ и поселимся, — сказалъ Алеша, — солидно, спокойно и недалеко отъ управленія...

— И отъ Верхопловцевыхъ, — чуть усмѣхнулся Михайлъ.

— И отъ Ниды, — подтвердилъ Алеша, — ты если хочешь, снимешь комнату тутъ-же Обѣдать у Донопа. Кормитьъ прекрасно, а чай, кофе — здѣсь.

Алеша раздвинулъ драпировку и изъ алькова, переодѣтый въ домашній фланелевый костюмъ. Михайлъ полулежалъ на широкомъ оттоманѣ, сбросивъ пиджакъ съ жилеткой.

На немъ была голубая шелковая рубаша и, онъ, приземистый, широкоплечій, съ боль-

шой рыжей бородой казался богатыремъ въ сравненіи съ пухлымъ, круглымъ, маленькимъ Алешей, который зажегъ спиртовку, досталъ алюминиевую кастрюлю, стаканы, и старательно приготовилъ глинтвейнъ, говоря:

— Это для твоего приѣзда. Потомъ пойдемъ обѣдать. Люблю этотъ глинтвейнъ, поилъ имъ Бяленицкаго въ ночь его смерти и послѣ того отскрека, а теперь захотѣлось. Мы съ тобой всегда его пили.

— Готовъ и Расскажи сначала про эту удивительную кончину. Связно и толково. Гдѣ ты его встрѣтилъ?

— Былъ у Мари на обычномъ вечерѣ съ Лемэмомъ. Ушелъ раздраженный. Почему — послѣ. Была выюта, мятель и у Казанскаго собора встрѣтилъ его. Будъ лунная ночь и я бы сказалъ, что онъ лунатикъ. Шелъ въ какомъ-то трансѣ, къ себѣ на Кирочную. Я вижу, что онъ пропадетъ и пригласилъ къ себѣ. Онъ совсѣмъ былъ разбитый... Сдѣлалъ глинтвейнъ, сосчитали деньги, я заснулъ, а на утро онъ мертвый...

Алеша яростно дунулъ на пламя свирты, затѣмъ снялъ кастрюлю и налилъ стаканы.

— Но онъ же не умеръ...

— Былъ мертвъ, какъ диверной гвоздь, послѣ былъ участковый докторъ и запротоколилъ: — смерть отъ паралича сердца — а Шерлоки Холмсы взяли съ собою стаканы и остатки глинтвейна... для анализа. И вотъ штука: въ эту ночь его квартира была разгромлена и очищенъ денежный шкафъ. Чуть не сто тысячъ!

— И потомъ онъ исчезъ?

— Въ томъ то и штука. Самъ ли ушелъ, унесли ли...

— Чертъ запероченную дверь въ соседнюю квартиру?..

— Чувство!

— Но, вѣдь, она была заперта?

— Ну вотъ! — Алеша востолнованно вскочилъ и пробѣжалъ по комнатѣ, — нащупалъ дверь. Хорошо! Узнай, что за дверь, войди въ баронскую квартиру, осмотри тамъ. Кажется, ясно. А они — сорвали обои, отодрали напску, драпки и давай ломаться въ дверь. А тамъ — то же. Тогда они догадались пройти въ квартиру барона и тамъ продѣлали то же. И обои содрали, и напску, и драпки. Раскрыли дверь и довольны!

— Кто же это придумалъ?

— Нашелся умникъ! — Каждый — хочетъ, что-нибудь мудрое придумать.

— И Бяленицкій скрылся?..

— Да! А деньги, которые я считалъ, оказались фальшивыми. И эти идиоты воображали, что я устроилъ этотъ обманъ, заманилъ этого Бяленицкаго, отравилъ и послѣ, — вѣроятно уже мои сообщники — украли трупъ и спрятали! Они не говорили этого, но давали понять, — идиоты! — Алеша вынулъ все изъ стакана и налилъ снова. Лицо его раскраснѣлось, глаза стали совсѣмъ круглые.

— Арестовать не могли. Взяли подписку о невыѣздѣ. Я рапортъ по начальству подалъ. Ну, у насъ, слава Богу, посмѣялись, а могло быть хуже. И теперь онъ живъ! Ты видѣлъ лицо этого Губалова? — Но вѣрно-ли, что ты его видѣлъ?..

Алеша съ тревогой уставился на брата.

Михайлъ закурилъ папиросу и отвѣтилъ: — Какъ тебя!

... Чортъ знаетъ, что! — Какъ его туда занесло.

Михайлъ кивнулъ и потомъ сказалъ:

— Теперь, вспоминая встрѣчу, я помню, что нашелъ его какимъ-то ненормальнымъ. Да! Я терпѣлся бѣгать, говорилъ съ нимъ недолго, но впечатлѣніе помню. Словно онъ былъ во снѣ. Да... все это странно.

— Такъ странно, такъ, — началъ востолнованно Алеша, — и если бы ты зналъ, какъ я за послѣднее время издерганъ!

Михайлъ пытливо посмотрѣлъ на брата. Алеша провелъ рукою по головѣ и вздохнулъ.

— Это было само по себѣ мерзость, по

промѣ того меня, Ниду, Юстину — всѣхъ опутываетъ какал-то шумиха. Липкая, грязная. И все это! Лепетъ.

— Вы полупомѣшанные. Красивый мужчина, гипнотизеръ; вѣроятно, шарлатанъ, а вы его въ пророки...

— Я знаю, что шарлатанъ, но онъ сильный. Я рѣшилъ его разоблачить и доблѣсь, но какъ, не знаю. Самое же главное, — Алеша снова вскочилъ, сѣлъ и почти шопотомъ проговорилъ: — онъ обратилъ свое полное вниманіе на Ниду! Иосифаешь? Теперь и она это чувствуетъ. Я раньше замѣтилъ и онъ возненавидѣлъ меня, а я его. Теперь слѣжу за нимъ. Онъ стращаетъ всѣхъ. Кажется, попалъ въ Царское Село. Но крайней мѣрѣ ѣздитъ туда. Дѣлается силой.

— Изъ чего ты заключаешь, что онъ обратилъ вниманіе на Ниду?

— Сперва почувствовалъ, а потомъ вижу. И онъ старается подчинить ее своей волѣ. Я мѣшаю и не даю ему быть съ ней наединѣ. Юстина чувствуетъ его слабую силу. Сперва она была совсѣмъ у него въ подчиненіи, теперь сопротивляется. Идетъ борьба. Онъ не брезгуетъ ничѣмъ. Вотъ я получилъ такое письмо. Смотри!

Алеша подбѣжалъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, изъ него портфель и досталъ сложенную бумажку.

Михайлъ развернулъ ее, увидѣлъ странный символическій знакъ и прочелъ вслухъ:

— «Вашъ и вашихъ союзникамъ... Кто же у тебя союзники? а?»

— Я, Ниды и еще одинъ. Ты знаешь: слѣпой полковникъ Широ, — серьезно отвѣтилъ Алеша.

Михайлъ кивнулъ и продолжалъ:

— «Бездonnaя аристократія можетъ скататься ближе, чѣмъ вы думаете. Итакъ...» Хорошо это итакъ! «остерегайтесь, чтобы не оступиться. Sapienti sat!»

Михайлъ бросилъ бумажку на столъ и широко улыбнулся.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азбукинъ, В. Э. Бушневъ, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Игнатовъ, В. И. Кемаровъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Солгужа и др.

XII.

Михаилъ Беренниковъ бросилъ бумажку на столъ и широко улыбнулся Алешѣ.

— Это прямо описано изъ книжки Натъ Пинкертонъ за 10 копѣекъ. Что за чушь?

— Тебѣ кажется это чушью, а это угроза и настоящая, — серьезно отвѣтилъ Алеша. — Сперва и я такъ подумалъ. Слогъ дурачій, но это сдѣлано нарочно. Это не такъ глупо, Миша. Я скажу тебѣ, что меня на-дняхъ чуть не искалѣчили автомобилемъ. Я успѣлъ отскочить и унестись. Случай! Послѣ этого меня чуть не убили желѣзной полосой.

— Это какъ?

— Я шелъ, меня обогналъ рабочій съ желѣзной полосой на плечѣ и вдругъ круто повернулся. Полоса почти просвистала мимо моего лица. Он- не рассчитывалъ и сдѣлалъ лишній шагъ. Если бы я не увидалъ его ноги съ выраженіемъ досады, я бы приписалъ это то же за случайность.

Михаилъ показалъ головою.

— И ты думаешь, что это все Лемэмъ?..

— Я вѣренъ. И... можетъ быть это и странно — исторія съ Бяленицкимъ я включаю сюда же. Это паутина. Иногда я чувствую себя, какъ затравленный; я потерялъ способность работать...

— Темна вода во облацѣхъ, — сказалъ Михаилъ.

— Все темно... все мутъ...

Голосъ Алеши прервался. Глаза его за- круглились, лицо отразило ужасъ.

Михаилъ передвинулся на софѣ и положилъ руку на плечо брата.

— Глушоти! Успокойся! Будемъ опять жить вмѣстѣ, займемся пушкой, а попутно разоблачимъ этого шарлатана. Нидія будетъ твоей женой, никто ея не обидитъ. И все это преувеличено. Салонъ Маріи дѣлаетъ свое дѣло и разстраиваетъ всѣмъ нервы. А теперь отбавайся снова и идемъ обѣдать. Я — голодный.

Алеша оправился и, встряхнувшись, сказалъ:

— Идемъ! только не думай, что это разстроенные нервы. Это борьба, борьба за спокойствіе, за честь, за счастье, а можетъ быть, — окончить онъ, — и за жизнь.

— Будемъ бороться вмѣстѣ, — просто сказалъ Михаилъ, — а теперь идемъ! — И онъ всталъ и потянулся за пиджакомъ и жилетомъ.

Алеша снова ушелъ за драпировку.

Черезъ полчаса они выходили.

— Приготовьте мнѣ комнату, — сказалъ Михаилъ человеку, стоявшему въ коридорѣ, — послынный привезетъ чемоданъ, поставьте его у меня и затопите печку. Я люблю тепло.

— Будетъ сдѣлано.

Друзья вышли. До ресторана Дофона надо было пройти нѣсколько саженей.

Алеша вдругъ толкнулъ брата.

— Видишь, — шепотомъ сказалъ онъ, указывая на идущаго съ безпечнымъ видомъ навстрѣчу имъ господина въ котелкѣ и пальто съ воротникомъ «подъ бобра».

— Вижу.

— Этотъ человѣкъ слѣдитъ за мною. Ихъ двое. То ли полиція, то ли по найму Лемэма, но я окруженъ шпионами, — сказалъ Алеша.

XIII.

ВДОВАЯ НЕВѢСТА.

Сергѣй Сергѣевичъ Лучининъ, проспавъ положенные два часа послѣ обѣда, выпилъ стаканъ воды, которую привозили ему изъ Царскаго Села, закурилъ сигару и сѣлъ къ письменному столу, когда къ нему въ кабинетъ быстрой походкой вошла сестра Клавдія Сергѣевна.

Лицо ея отражало тревогу и рѣшимость, глаза горѣли, грудь тяжело поднималась.

— Сережа! — начала она и опустилась въ кресло.

Лучининъ вынулъ сигару изо рта и съ безпокойствомъ взглянулъ на сестру. Онъ никогда не видѣлъ ея такой разстроенной. Даже, когда они получили извѣстіе о трагической смерти Бяленицкаго.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ заботливо.

— Онъ живъ. Его видѣлъ Михаилъ Даниловичъ! — порывисто произнесла она, — а сейчасъ отъ нихъ.

Лучининъ сразу ее понялъ.

— Кто живъ? Какой Михаилъ Даниловичъ?

— Ахъ, Беренниковъ! Братъ Алеша! Онъ ѣздилъ, вернулся и въ дорогѣ, въ Челябинскѣ видѣлъ Марка.

— Бяленицкаго?

— Ну, да! Видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Лучининъ откинулся къ спинкѣ кресла и уставился на сестру. Она въ свою очередь смотрѣла на него съ тревогой и нетерпѣніемъ.

— Бяленицкаго, — повторилъ Лучининъ, — да это бредъ! У насъ дѣло, насъ разграбили, а онъ въ Челябинскѣ! Докторы опредѣлили его смерть отъ паралича сердца, а онъ воскресъ и очутился въ Челябинскѣ! Люди сошли съ ума!

— Ты слухай, слушай! — Клавдія приложила руки къ груди. — Ты ушелъ спать, а меня по телефону вызвала Юстина. Я поѣхала. У нихъ Алеша и Алеша передали разсказъ брата. Видѣ, Михаилъ Даниловичъ былъ съ нимъ товарищемъ. Не могъ не узнать. Только онъ говоритъ, что Маркъ былъ какой-то странный. Будто не свой. Онъ тогда не обратилъ вниманія. Торопился да и не знаетъ. Понимаешь?

— Ничего, — сказалъ Лучининъ, бери снова въ ротъ сигару и приходи въ себя. — Ровно ничего. Если бы я не зналъ Марка, можно бы предположить симуляцію. Самъ себя ограбилъ, самъ себя умертвилъ, слезы замель и утѣль. Въ сложности у него было тысячъ 120. Моей денегъ 60 тысячъ, твоихъ 20, — но затѣмъ ему это дѣлать, когда мы могли заработать на поставкѣ вѣрныхъ 300 тысячъ. Бредъ!

— Но онъ живъ? — воскликнула Клавдія, — и его надо найти. Ты послушай бы, что говорилъ Алеша. Маркъ послѣднее время былъ больной, странный. Съ нимъ что-то дѣлалось. Ты замѣчалъ? Алеша разсказывалъ, какимъ онъ его встрѣтилъ. Видѣ это олимпъ ужасъ! И смерть. Это не была смерть. Викторъ выдумалъ или не разобралъ. И вотъ онъ лежалъ и очнулся. А надъ нимъ чужая воля. И онъ пошелъ. Онъ и сейчасъ во снѣ... Его надо искать, искать, искать!

Пожалуйста, позови къ намъ Михаила Даниловича. Мы все разузнаемъ. Я поѣду его искать сама!

Лучининъ махнулъ рукою.

— Ну, это и безъ тебя можно, но все это такой сумбуръ! Чужая воля. Кому онъ нуженъ, для чего?

— Мы не знаемъ.

— И чѣмъ не знаемъ? Все это бредъ.

— Но позови Михаила Даниловича!

— Это можно. Я позвоню Алексѣю Даниловичу и попрошу. Хоть завтра.

— Понятно, завтра.

Клавдія, видимо, успокоилась.

— Я знаю, что онъ живъ, — заговорила она, — когда ты принесъ странную вѣсть, я была у Юстины. Я люблю ее. Она странная. И она сказала мнѣ, чтобы я не тревожилась, что онъ найдется. Послѣ говорили про его смерть, а я не вѣрила. И вотъ, онъ живъ!

— Если живъ, то онъ долженъ вернуться.

— Нѣтъ. Тутъ странное. Его найти надо. Я увѣрена, что онъ боленъ.

— Хорошо, подумаемъ.

Клавдія кивнула.

— Ты знаешь, я люблю его. Я готова сама искать его. Теперь онъ представляется мнѣ такимъ несчастнымъ, — и на глазахъ ея показались слезы.

— Хорошо, Клавдія, мы все сдѣлаемъ, — ласково сказалъ Лучининъ, — теперь порядись чаемъ.

Онъ любилъ сестру съ нѣжностью отца. Она была на 15 лѣтъ моложе его и, рано осиротѣвъ, воспитывалась подъ его руководствомъ.

Клавдія встала.

— Она оставляла меня, но я торопилась къ тебѣ.

— И хорошо сдѣлала. У нихъ, вѣрно, опять сеансъ?

— Сеансъ и лекціи на время разстроились. Лемэмъ завелъ сношенія съ Царскимъ Селомъ, — и Клавдія уже улыбнулась.

— Будетъ вліятельнымъ, какъ Распутинъ, — сказалъ Лучининъ.

Клавдія кивнула брату и вышла.

Лучининъ остался одинъ, пододвинулъ къ себѣ толстую тетрадь съ чертежами и смѣтами, хотѣлъ заняться и не могъ.

Передъ нимъ вдругъ, какъ живой, предсталъ Бяленицкій, съ глубокими вдумчивыми глазами, съ длинной жидкой бородою, этотъ удивительный человѣкъ, въ которомъ мистическій умъ уживался съ самой реальной практикой и дѣловитостью.

Онъ создавалъ планъ выполненія казеннаго заказа и въ это же время могъ участвовать въ сеансѣ и съ полной вѣрою бесѣдовать съ духомъ выстукиваніемъ.

Беренниковъ, очевидно, не выдумалъ встрѣчи. Что, дѣйствительно, необычно.

Можетъ быть, онъ убѣжалъ отъ сестры, отъ женитьбы? Но при этой мысли красна бросилась въ лицо Лучинина и онъ тотчасъ отогналъ ее, какъ негнущую.

Часы звонко пробили 11 разъ. Въ кабинетѣ вошла горничная и сказала:

— Барышня проситъ васъ чай кушать! — Иду!

Онъ всталъ, взялъ папиросный ящикъ, зажигалку и пошелъ въ столовую.

— Клавдія, — сказалъ онъ, — я не буду откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Заниматься не стану, а поѣду въ инженерный клубъ. Если Михаилъ Даниловичъ не захворалъ, то онъ тамъ — и я все узнаю.

— Спасибо тебѣ, — сказала Клавдія, — я переживаю и сомнѣнья, и увѣренность, и страхъ, и радость. Сегодня вѣло Дашѣ лечь у меня въ спальнѣ. Мнѣ жутко.

Лучининъ покачалъ головою.

— Стыдно. Предоставь эти нелѣпые страхи Юстинѣ и Нидіи. Вспомни, что ты со мной и на волковъ, и на медвѣдя охотилась.

— То не то...

Да! то не то... Клавдія сидѣла въ своемъ уютномъ будуарѣ съ кускомъ тонкаго полотна въ рукахъ, съ нитками и иглой; рука ея искусно дѣлала стежокъ за стежкомъ и на тонкомъ полотнѣ вырисовывался хитрый узоръ, а мысли Клавдіи бѣжали быстрой чередой и создавали картины, яркія, какъ въ кинематографѣ.

Тонкая фигура съ приподнятыми плечами, длинное узкое лицо, длинные обильные усы, длинная жидкая борода. Совсѣмъ «рыцарь печальнаго образа» — и какъ она весело мѣнялась, когда братъ представилъ ей этого Бяленицкаго въ садѣ отеля на берегу Комо!.. Послѣ они путешествовали вмѣстѣ по Италіи. Братъ заботился объѣдѣ, отелѣхъ, прогулкахъ, а Бяленицкій весь преобразился и Клавдія удивлялась бесѣдами съ нимъ. «Марфа и Марія» шутили, звала она брата и Бяленицкаго.

Какъ онъ разсказывалъ, какъ онъ являлся, чего онъ не звалъ! Передъ Клавдіей оживалъ и древній Римъ, и снова возражался. Оживали камни. Въ первый разъ передъ ней раскрывалась красота и величіе искусства и она поняла гармонію линий, уловила звуки въ величавыхъ постройкахъ и краски, линии, контуры зданий, музыка и планетная система для нея слились въ одну гармонію и великіе творцы стали богами.

Словно упительный сонъ были для Клавдіи прогулки съ Бяленицкимъ. Стихи Данте и Петрарка, флорентійскія легенды, страшные разсказы о Дорджинъ, инквизиціи... и самъ Бяленицкій съ преображеннымъ свѣтлымъ лицомъ съ голубыми га-

зами, которые загорались и сияли сапфирами уже не казался ей рыцаремъ печальнаго образа, а чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, нежданнымъ и она полюбила его, полюбила...

Да! въ этой комнатѣ, вотъ тутъ, онъ сказалъ ей волшебныя слова. Она была полна счастьемъ, братъ смѣялся, принесъ бутылку и они втроемъ сидѣли долго — долго — всѣ трое радостные...

Клавдія воткнула иглу въ тонкую ткань и не вынула. Пропитка ушла изъ ея рукъ и она сидѣла недвижно, устремивъ взоръ впередъ собою...

И представилась ей ея женихъ съ растеряннымъ взглядомъ, блѣднымъ лицомъ блуждающимъ гдѣ-то вдали, смѣлый, неясныхъ мыслей... Быть можетъ, онъ пошелъ съ ума! Ужасъ!.. Она застыла.

— Барышня! — раздался осторожный окликъ и горничная Даша вошла въ комнату.

Клавдія вздрогнула.

— Это ты? да, дѣлай постель и сегодня лягъ у меня на диванѣ.

— Письмо вамъ, барышня, — сказала Даша и Клавдія увидѣла въ ея рукѣ конвертъ.

— Письмо? Въ такое время?

— Пришелъ человѣкъ какой-то. Экстра говоритъ. Даша и ушелъ.

Клавдія взяла конвертъ.

— Дѣлай постель!

Даша прошла въ спальную. Клавдія разбѣжала полными руками конвертъ, вынула листъ бумаги и быстро прочла странное письмо.

Прочла, вздрогнула и перечитала снова.

— «Найдите Б., если любите и не жалѣете денегъ. Завтра, Александринскій театр. Все узнаете»...

— Даша, кто принесъ письмо? Посыльный?

— Будто свой человѣкъ. Лакей будто, — отвѣтила Даша изъ другой комнаты и вошла, — сказала «экстра», Даша и ушелъ. Барышня, вамъ худо? Я — воды... Даша кинулась назадъ въ спальную, но когда вернулась со стаканомъ воды, Клавдія уже оправилась.

А. Заринъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. Э. Амфилоховъ, А. Т. Азбукинъ, В. Э. Бадмаевъ, П. П. Губича, А. С. Гринъ, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Игнатьевъ, Е. К. Кекрельча-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Солдатовъ и др.

XLIII.

ВЕЧЕРЬ ЧУДЕСЪ.

Лучининъ угадалъ. Михаилъ Даниловичъ пообедалъ съ братомъ у Дюнова, вернулся въ свое новое жилище, выспался и, зная, что Алеша ушелъ по обычаю къ Верхонлавцевымъ, отправился ужинать въ клубъ. Тамъ онъ привыкъ проводить полуночное время. Хорошій поваръ, прекрасное вино, крупная игра и кругомъ добрые знакомые.

Едва онъ вошелъ въ вестибюль, какъ дружеская атмосфера охватила его сразу. Старый Ефремъ особенно радостно распахнулъ дверь, служители торопливо бросились принять отъ него шубу и шапку.

— Давно не видать васъ было! — сказалъ съ улыбкою швейцаръ и крикнулъ: — въ лѣвый край вѣшай, въ теплый уголъ.

— Въ поѣздкѣ былъ, Ефремъ. Всю Сибирь объѣхалъ.

— Ну, это значить по дѣлу, а я, упаси Богъ, думалъ — хотите.

Берениковъ кивнулъ и сталъ подниматься по широкой лѣстницѣ. Съ площадки до него уже доносился гулъ голосовъ изъ игорнаго зала и смѣхъ изъ столовой. Онъ остановился передъ зеркаломъ и привычнымъ жестомъ оправилъ бороду.

— Берениковъ, здравствуйте! Давно прѣехали?

Берениковъ обернулся и пожалъ протянутую руку.

— Сегодня только. Въздилъ отлично. Инженеръ Полянский, въ растегнутомъ спортулкѣ и жилеткѣ, съ растрепанными волосами и суровымъ лицомъ, кивнулъ и сказалъ:

— Опять проигрался въ пухъ и перья. Нѣтъ ли у васъ сотни-другой?

— Пожалуйста!

Берениковъ вынулъ бумажникъ. Полянского все знали, какъ безумнаго игрока. Онъ иногда въ одну ночь выигрывалъ 100, 150 тысячъ и проигрывалъ ихъ въ слѣдующую. Его огромные заработки все шли на игру, и пріятели смѣялись, говоря, что онъ не можетъ скопить денегъ, чтобы купить приличные часы.

— Метка у этого чорта изумительная. И выдержка, — сказалъ Полянский, беря отъ Береникова деньги.

— У кого?

— У этого Лемэма. И выдержка. Двѣ талии раздавалъ сплошь, тысячу 70, а потомъ на третій отыгрался. Три комплекта и по два куша.

Михаилъ Даниловичъ даже вздрогнулъ. Снова этотъ человекъ!

— Лемэмъ!? Какъ онъ къ намъ попалъ?

— Двѣ недѣли назадъ, какъ баллотировался. Нынѣшняя знаменитость. Вы его знаете?

— Сегодня у Верхонлавцевыхъ видѣлъ.

— Пойду отбываться.

Полянский засунулъ руку за поясъ брюкъ и пошелъ въ игорную залу.

— Вы! Михаилъ Даниловичъ! Вернулись? Радъ!

Изъ столовой вышелъ и подкатился, какъ шаръ, докторъ Ольшанскій. Онъ былъ круглый и толстый, на короткихъ ногахъ, съ короткими руками и огромной головой.

Берениковъ съ радостнымъ чувствомъ пожалъ его руку. Доктора все любили. Онъ не игралъ въ карты, но каждый вечеръ проводилъ въ клубъ, любя поѣсть, выпить и поболтать.

— Идемъ ужинать!

— Нѣтъ, я пойду на игру посмотреть. У насъ новые члены.

— Два шарлатана. Лемэмъ и Дехидцевъ. Одинъ поэтъ и разыгрываетъ чудака, другой магъ и волшебникъ. Оба здѣсь. Приходите къ моему столу и слушайте моего совета: поэту ни рубля займа. Онъ у всехъ занимаетъ. Писать чудесника ни одной ставки! Рэбъ Йегуда говоритъ... — онъ засмѣялся и ушелъ въ столовую.

Берениковъ вошелъ въ игорный залъ, дружески пожмалъ руки направо и налѣво.

Обычная атмосфера азарта охватила его. Игра велась за шестью столами, но все игроки окружали, главнымъ образомъ, одинъ столъ, толпясь, толкаясь и со средоточеннымъ вниманіемъ слѣдя за игрой. Берениковъ подошелъ тоже.

— Опять два куша! — сказалъ кто-то, отдѣлая отъ пачки денегъ двѣ ассигнаціи и готовясь ихъ кинуть.

— Дѣлайте игру до заметки! — раздавался крикливый голосъ. Къ столу потянулись руки съ деньгами.

— Снова? — крикнулъ тотъ же голосъ.

— Изъ тысячи треста. Пятнадцать на ива-ли.

— Игра сдѣлана.

Берениковъ протолкался къ столу и успѣлъ сдѣлать ставку. Прямо передъ нимъ сидѣлъ Лемэмъ съ безстрастнымъ, недвижнымъ лицомъ и медленно, методически раздавалъ карты.

Рядомъ съ нимъ, придерживая руками грудь денегъ, сидѣлъ еврей съ толстыми губами и маленькими глазами, которые словно провѣряли каждую унаважную карту.

Лемэмъ раздалъ по три карты и отложилъ въ сторону колоду.

— Шесть очковъ, восемь, четыре...

Лемэмъ раскрылъ свои карты.

Еврей съ толстыми губами взглянулъ и сразу покраснѣлъ отъ волненія. Вокругъ стола раздавался радостный гулъ.

— Три! бита! комплектъ!

— Господа, не берите денегъ! Все по порядку! — закричалъ еврей, волнуясь, и только Лемэмъ оставался съ тѣмъ же недвижнымъ безстрастнымъ лицомъ и сидѣлъ спокойно, пока еврей распахивался его деньгами.

Берениковъ снялъ 600 рублей.

— Тысячу 15 отдалъ, — сказалъ соседъ.

— Я кончилъ! — произнесъ Лемэмъ и положилъ карты.

Игроки отхлынули и окружили другіе столы. Палецъ Береникова коснулся чьей-то руки. Онъ оглянулся и увидѣлъ Лучинина. Они дружески поздоровались.

— Не играете? — спросилъ Лучининъ.

— Кончилъ.

— Пройдите въ бібліотеку на пару словъ, а потомъ ужинайте, — и онъ взялъ Береникова подъ руку.

Они вошли въ большую, слабо освѣщенную комнату и сѣли въ глубокія кресла передъ каминомъ. Писокія ешники кресель закрыли ихъ.

Едва они сѣли, какъ въ комнату кто-то вошелъ, и голосъ лакея прозвучалъ:

— Извольте ободнать. Сейчасъ при-глашу.

Берениковъ взглянулъ. По комнатѣ без-покойно ходилъ высокій, полный мужчина съ сѣдою бородой. Онъ что-то бормоталъ и вытиралъ платкомъ голову.

Въ комнату быстро вошелъ толстогубый еврей и подошелъ къ посѣтителю.

— Вы за профессоромъ? Да?

— Явите божескую милость! Умирать, дыханья нѣтъ. Мать говоритъ, чтобы без-прѣмьно....

— Ну, я не знаю. Я ему скажу. Автомоби-ль есть?

— Какъ приказывали.

— Ну, и 1.200 рублей?

— Чего тутъ говорить. Одна дочь.

— Ну, и мнѣ 200. Мнѣ сейчасъ. Я тогда ему скажу.

— Будьте милостивы.

— Ну, ну!...

Онъ ушелъ, а посѣтитель глубоко вздохнулъ и снова сталъ безпокойно ходить по комнатѣ.

— Это практика Лемэма. Недурно, — шопотомъ сказалъ Лучининъ.

Берениковъ кивнулъ.

Позвонили шаги, и тотчасъ раздались молящій тревожный голосъ:

— Мусью Лемэмъ! Г. профессоръ! Ужъ, пожалуйста... умираетъ...

— А докторовъ звали? — раздавался метал-лическій голосъ Лемэма.

— Никого теперь. Только вы. Бога ради..

Одна она у насъ.

— Автомобиль? Деньги?

— Пожалуйста. Все, какъ приказано.

— Въ послѣдній разъ....

— Благодарить!...

Позвонили шаги, хлопнула дверь, ком-ната опустѣла.

— Шарлатанъ, — сказалъ Берениковъ.

— Не советъ, — отвѣтилъ Лучининъ, — разсказываютъ про чудеса исцѣленія. Попу-лярность его растетъ. Кунцы докторовъ оставили. Знаете, — вѣра твоя спасетъ те-бя... Сильнѣе всякаго лекарства. А я васъ, батенька, изъ-за сестры обезпокоилъ. Гово-рять, вы видѣли Марка Леонидовича. Раз-скажите, пожалуйста.

— Видѣлъ, — сказалъ Берениковъ, — и теперь думаю, что все это было странно. Тогда я не зналъ всехъ его влеченій, но теперь, сопоставляя ихъ, думаю, что есть что-то неладное...

— А что именно?

— Да я бы сказалъ, что онъ ненормаль-ный. Показался мнѣ страннымъ, но я и обратилъ вниманіе, а теперь ясно. За нимъ уходъ нуженъ, присмотръ...

— Найти его надо, — сказалъ Лучининъ.

— Да! И вообще все дѣло... вы знаете, здѣсь Алехеся запутали.

— Какъ же...

— Все это такъ сумбурно, странно. Едва я прѣехалъ, какъ уже у слѣдователя былъ. Путаница какая то... я считаю, что всю эту исторію надо исследовать.

— Голубчикъ, возьмитесь.

— Я? — Берениковъ пожалъ плечами, — здѣсь живетъ Лемэмъ.

— Найдите Лемэма.

— Я объ этомъ думалъ.

— И отлично. Значитъ, уладимъ. Най-демъ Лемэма, будемъ разсказывать дѣло и искать Виленскаго.

— Я готовъ ради брата.

— Отлично! Идемъ, тамъ у насъ...

Они вышли изъ бібліотеки и прошли въ столовую...

А. Зининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азизова, В. Э. Богданова, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградной, В. К. Некрасовича-Давченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

XXIV.

НЕ СОВСѢМЪ ОБЫКНОВЕННОЕ ВНУШЕНІЕ.

Въ столовой громко раздавались голоса и смѣхъ. Слышнѣе всѣхъ звенѣлъ голосъ доктора Олыпанскаго и выкрикивалъ голосъ толстогубаго еврея.

Если Гитцельмана, Бориса Максимовича, не зналъ весь Петроградъ, то Гитцельманъ зналъ весь Петроградъ и особенно всѣхъ выдающихся людей по богатству, вліянію, положенію или временной популярности. И не то, чтобы онъ зналъ ихъ, но онъ все зналъ о нихъ, добывая эти свѣдѣнія самыми кружными путями. Когда онъ шелъ по Яевскому, то съ оборотистой улыбкой воихъ толстыхъ губъ, поминутно снималъ ллгггу широкимъ, размашистымъ жестомъ, нѣсколько не смущаясь, если не получалъ дѣйства.

Въ клубъ онъ попалъ давно и быстро всвоился въ немъ, хотя всѣ настоящіе игроки признавали его араномъ. Несмотря на это, едва загоралась особенно крупная игра, какъ Гитцельманъ уже сидѣлъ за столомъ въ качествѣ расчѣтчика.

Теперь онъ, горячася и брызгалъ слюною, расхваливалъ изумительныя дарованія Лемана, а докторъ Олыпанскій, кляня и негодуя, бранился. Докторъ оставилъ свой столъ, и круглый, съ огромной головой, на короткихъ ножкахъ, съ салфеткой, засунутой угломъ за воротникъ, съ вилкой въ

рукахъ, стоялъ передъ столомъ Гитцельмана, который махалъ и ногомъ, и вилкой, жевалъ, проглатывалъ, пилъ изъ стакана и, не умолкая, говорилъ.

Сидѣвшіе за крутыми столами иногда вставали реплики и всѣ весело смѣялись. Разгорячѣн Олыпанскаго и вызвать его на споръ было какъ бы очереднымъ развлеченіемъ въ клубѣ.

— Ну, и вы его совсѣмъ не знаете, а говорите, — кричалъ Гитцельманъ, — онъ дѣлаетъ чудеса, да! И каждому, у кого голова на плечахъ, лучше, если его вымѣнитъ какой-нибудь шарлатанъ, чѣмъ умоить профессоръ или нашъ Олыпанскій! Такъ я говорю?

— Чувш! — востлгиво закричалъ докторъ, — онъ вредный шарлатанъ потому, что онъ же и создаетъ болѣзнь. Да, да! На почвѣ истеріи. Шарлатанъ потому, что онъ ничего не знаетъ, и потому, что пользуется вашими услугами, Гитцельманъ! Да, да! Вы ему доставляете клиентовъ.

— Ну и что же? — Гитцельманъ отрывалъ кусокъ мяса, отправилъ его въ ротъ и, прожевывая, за плечу, продолжалъ: — Я не скрываю этого и беру проценты. Это дѣлаютъ и докторъ и адвокатъ. Вонъ во Франціи докторъ на содержаніи аптеки. Что же? Бѣднѣй хотеть кушать... — и онъ сталъ жевать.

— Какое гусь! А! — закричалъ Олыпанскій и увидѣлъ Беренникова и Лучинина.

нина. — Вы слышали? — онъ подбѣжалъ къ ихъ столу, — сейчасъ Леманъ поѣхалъ лѣчить болѣзнь и взялъ 2,000 рублей! А? Онъ вотъ пришелъ и рассказываетъ. Хорошъ гусь. Если пять визитовъ, три...

— Ну, потому, что онъ дѣлаетъ чудеса! — отзывался Гитцельманъ.

— Шарлатанъ! — крикнулъ докторъ и вдругъ замолчалъ.

Въ столовую вошелъ съ безстрастнымъ лицомъ Леманъ, рядомъ съ нимъ шелъ растрепанный, съ расстегнутой жилеткой и увидѣнной розой за ухомъ Демиидовъ и говорилъ:

— Дайте 100 рублей. Я напишу о васъ поэму. Понимаете, я все проигралъ. Леманъ сѣлъ къ столу Гитцельмана, указавъ усилье и далъ ассигнацію длинноволосяму поэту.

— Только не пишите поэмы.

— Не могу. Я подниму васъ до солнца, а потомъ свѣжало съ навозомъ и покажу, что вы червь! Это будетъ изумительно! Я прочту ее у Веркундаевыхъ! — и онъ ушелъ, качаясь на подогнутыхъ ногахъ.

— Что, испугали? — язвительно спросилъ Олыпанскій Лемана.

— Испугалъ, — отвѣтилъ Леманъ.

Докторъ сидѣлъ за своимъ столомъ и пилъ кофе.

— Не зная медицины? Чудомъ?

— Не зная вашей казенной медицины, — спокойно проговорилъ Леманъ.

— И даже болѣзни?

— Какъ она понимается вами.

— А какъ ее понимать можно иначе?

Тифъ есть тифъ, туберкулезъ есть туберкулезъ. Ихъ надо изучать. Знать ихъ фзіологическое вліяніе, свойство, симптомы, теченіе: знать профилактику, терапію...

Леманъ качнулъ головой.

— А я знаю болѣющихъ людей и не знаю!

знаю болѣзней, — и онъ сталъ вѣтъ подальше ему рыбу.

— И лечите наложеніемъ рукъ?

— Пассажи, внушеніемъ, наложеніемъ рукъ.

Замкнутый и недоступный Леманъ въ клубной столовой оказывался разговорчивымъ и, видимо, старался быть приятнымъ. Даже красныя губы его улыбались, хотя лицо оставалось неподвижнымъ.

— Онъ же дѣлаетъ чудеса! — убѣжденно сказалъ Гитцельманъ, обращаясь ко всѣмъ.

— А вы покажите чудо, профессоръ, — проговорилъ лѣнливо Полянский отъ своего стола.

— Чудеса нѣтъ, — отвѣтилъ Леманъ, — вотъ развѣ счесть за чудо, что докторъ содовой водой до-пьяна напился.

— Я? — отвечалъ Олыпанскій, — я и отъ водки пьянъ не бываю.

— А по комнатѣ не пройдетъ, — и Леманъ улыбнулся одними губами, смотря на доктора.

— А ну! — смѣясь сказалъ Лучининъ.

Олыпанскій сердито качнулъ большой головой.

— Я скажу вамъ, Леманъ... — порывисто сказалъ онъ, готовясь встать, и вдругъ замолчалъ, внезапно покраснѣвъ.

Всѣ видѣли, какъ онъ сдѣлалъ попытку подняться со стула и опять опустился.

— Вотъ видите? — усмѣхнулся Леманъ, — ну, попытайтесь?

Глаза доктора сверкнули гнѣвомъ.

— Это вы дамы дурачите, — сказалъ онъ и быстро всталъ, но, едва онъ отодвинулся отъ стола, какъ его словно шатнуло въ сторону. Онъ пропалъ наискрѣнные шаги до стола Беренникова и тяжело оперся на него.

Кругомъ раздался смѣхъ.

И то, докторъ, отъ содовой захмелею!

— Я говорю, онъ дѣлаетъ чудеса! — закричалъ Гитцельманъ.

— Пустяки. Это все показалось доктору, — съ усмѣшкой сказалъ Леманъ.

Докторъ оправился. Онъ дошелъ до своего стола и съ раздраженіемъ произнесъ:

— Это забавно для дамскихъ салоновъ. Простое внушеніе.

Лучининъ взглянулъ на Беренникова и тихо сказалъ:

— Не совсѣмъ обыкновенно.

— Да, — согласился Беренниковъ, — значитно.

— Но и жутко. Я не хотѣлъ бы имѣть его врагомъ.

Беренниковъ сдвинулъ брови. Въ это мгновеніе онъ подумалъ объ Алешѣ.

Леманъ всталъ отъ стола и шутливо сказалъ:

— Чудеса! Для меня ихъ нѣтъ, но для невѣрующихъ и такихъ рационалистовъ, какъ докторъ, ихъ сколько угодно. Вотъ бутылка.

Онъ взялъ со стола пустую бутылку отъ наравана.

— Я ее кидало и она виситъ въ воздухѣ.

Онъ взмахнулъ бутылкою.

— Изумительно! Браво, профессоръ! Вы — чародѣй! — раздался изумленные голоса.

— Я говорилъ! — кричалъ Гитцельманъ.

Бутылка висѣла въ воздухѣ, потомъ плавно описала дугу и опустилась въ руку Лемана.

— Чортъ знаетъ что! — сказалъ Лучининъ.

Беренниковъ весело засмѣялся.

— Онъ держалъ бутылку все время въ рукѣ за горлышко, потомъ взмахнулъ ею и закинулъ ее за спину.

— Вы нарочно. Всѣ видѣли, какъ она висѣла въ воздухѣ.

— Вероятно, я былъ внѣ сферы его вліянія, — сказалъ Беренниковъ.

Леманъ улыбнулся одними губами.

— Тамъ-то, докторъ. Для меня чудеса нѣтъ, а для васъ по обернешся. Ну, пойду сдѣлаю станку и — домой!

Онъ медленно выплылъ изъ столовой.

— Шарлатанъ и ничего больше, — сердито сказалъ Олыпанскій, — а его еще разоблачу!

— Человѣкъ удивительный, — сказалъ Лучининъ и подумалъ. — Теперь домой. И вы тоже? Конечно. Значитъ, мы уговорились.

— Да, я займусь этимъ дѣломъ, — отвѣтилъ Беренниковъ. — Она потребуетъ средствъ.

— Выходи молъ, — быстро сказалъ Лучининъ.

Беренниковъ засмѣялся.

— Тамъ лучше.

Они показали руку смущенному Олыпанскому и вышли изъ столовой.

Внизу, когда они одѣвались, швейцаръ передалъ Беренникову конвертъ.

— Письмо мамъ.

— Мамъ?

Беренниковъ съ удивленіемъ разорвалъ конвертъ, вынулъ письмо и прочелъ.

— Чортъ знаетъ что. Полагаете! — онъ протянулъ письмо Лучинину.

Тотъ прочелъ:

— «Не совѣтуюмъ вѣшпиваться по моему дѣлу. Что за чушь? Отъ кого? И что это за бутафорія — адова голова въ треугольничѣ, и пара косточекъ!»

— Вечеръ чудесъ, — сказалъ Беренниковъ, — очевидно, это въ связи съ нашей бесѣдой. Братъ получилъ подобную записку, и — полагаетъ... Ну, да, съ совершенно такими же символическими знаками!..

Онъ сложилъ бумажку и спряталъ ее.

— А кто принесъ? — спросилъ онъ швейцара.

— Врѣдъ, какъ посылный.

А. Зарина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азарова, З. Э. Бодина, Л. П. Гитдича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Игродский, В. И. Киселевича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. Н. Сологуба и др.

XLV.

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ.

Часы на думской каданчѣ гулко пробили 4 раза, когда изъ подъезда клуба на Невскій вышелъ Лемэмъ въ сопровожденіи Гитцельмана и пьянаго Демидцева.

Онъ успѣлъ проитрать свои 25 рублей, занятые у Лемэма и двѣсти у другихъ, полузнакомыхъ, напиться пьянымъ у чужихъ столовъ, и теперь, запустивъ руки въ карманы рыжата пальто, выставивъ впередъ опущенную голову, словно готовясь ударить лбомъ въ стѣну, онъ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Часы пробили четыре,

Тара-тыре, въ монастырь...

А! это только начало. Это будетъ великая поэза! тыра-тыре... Лемэмъ, я не хочу идти къ Бубенцовой. Она похожа на студень, посыпанный лимбургскимъ сыркомъ. Тьфу! я хочу поцеловать съ вами, Лемэмъ. Да! я научу васъ...—и онъ ухватился за рукавъ пальто Лемэма. Лемэмъ отмахнулся и презрительно сказалъ:

— Гитцельманъ, уберите куда-нибудь эту свинью.

Демидцевъ отлетѣлъ и, чтобы удержаться на ногахъ, обнялъ фонарь. Лемэмъ свернулъ за уголъ и быстро скрылся.

— О, скандалія!—завопилъ Демидцевъ, держась за фонарь,—Лемэмъ недостойно развязать ремешка на моей сандали! Человѣкъ, собакъ уловляющій, пойдемъ къ Бубенцовой. Гитцель это, вѣдь, собаколовъ. Я видалъ ихъ въ Вильнѣ. Ты—уловитель собакъ! Я напишу поэзу.

— Ну, пишите себѣ поэзу, а я пошелъ,—съ усмѣшкой сказалъ Гитцельманъ и поспѣшно пошелъ по Невскому.

— Стой!—Демидцевъ оттолкнулся отъ столба, сдѣлалъ скачекъ и грузно шлепнулся на панель.

Лемэмъ тѣмъ временемъ уже входилъ въ свой номеръ, состоящій изъ передней и двухъ роскошно меблированныхъ комнатъ.

Онъ открылъ свѣтъ, снялъ шубу и шапку и проишелъ въ первую комнату, представляющую кабинетъ и гостиную. Огромное зеркало до потолка, стоящее въ углу, отразило его стройную гибкую фигуру и блѣдное, недвижимое лицо. За его спиной, словно смѣясь, отразился желтый скелетъ, стоящій въ противоположномъ углу надъ кушеткою съ краснымъ фонаремъ въ протянутой рукѣ.

Лемэмъ подошелъ къ столу и освободилъ карманы. Онъ вынулъ часы съ цѣпочкой, кошелекъ, монетницу, бумажникъ и, нако-

пивъ, небрежно сложенные ассигнаціи, которыя были пасованы во все карманы.

Затѣмъ онъ перешелъ въ смежную комнату и вернулся изъ нея босой, въ длинной до пятъ ночной фланелевой рубашкѣ голубого цвѣта, и въ этой рубашкѣ съ блѣднымъ недвижнымъ лицомъ, алыми губами и черными сдвинутыми бровями онъ казался какой-то мистической фигурой. Но его никто не видѣлъ, кромѣ желтаго скелета, который обнажилъ свои огромные зубы и такъ же застылъ съ улыбкою смерти, какъ лицо хозяина.

Лемэмъ подошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него фотографическій портретъ, женскую перчатку, и вдругъ лицо его дрогнуло, измѣнилось, и посторонній зритель не рѣшился бы сказать сразу, стало оно прекраснѣе или страшнѣе.

Краска появилась на блѣдныхъ щекахъ, глаза вспыхнули и загорѣлись, губы раздвинулись и обнажили бѣлые сверкающіе зубы. Глаза его вывалились въ портретъ, который онъ держалъ передъ собою и рука его нервно вздрагивала.

Онъ медленно, глубоко вздохнулъ и подошелъ къ мягкой кушеткѣ, на которую легъ, вытянувъ ноги и свободно откинувшись на пружинный подоплениникъ. Скелетъ стоялъ за его головою и въ протянутой желтой рукѣ держалъ свой фонарь.

Лемэмъ повернулъ выключатель, и комната погрузилась въ темноту; Лемэмъ повернулъ другой выключатель, и фонарь въ рукѣ скелета засвѣтился и краснымъ свѣтомъ облилъ Лемэма.

Онъ трижды глубоко вздохнулъ, вбирая

воздухъ всей грудью и медленно выпускалъ его, потомъ взялъ въ руку женскую картонку, той же рукой взялъ фотографію и устремилъ на нее пристальный, неподвижный взглядъ. Художественная фотографія въ нѣжныхъ тонахъ сени передавала, какъ живымъ, лицо Ниди съ неудовольнымъ задоромъ въ изгибъ губъ, во взглядѣ слегка принужденныхъ глазъ, съ ямочками на щекахъ...

Лемэмъ смотрѣлъ на него, не отрывая глазъ, и лицо его покрывалось краской, раздвигались красныя, чувственные губы, на высокому блѣдному члѣву напрягались жилы, а изъ глазъ, казалось, текли лучи...

И раздвинулись стѣны, исчезла комната.

Тихо, послышнно раскрылась запертая дверь подъезда. Тихо, послышнно раскрылась дверь квартиры. Вотъ безмолвная передняя съ ассенискими вѣшалками и чудной огромной мебели; вотъ безмолвная гостиная... дальше... залъ, столовая, и снова гостиная; буфетъ... спальня...

Грудь Лемэма вздымалась глубоко и ровно; глаза недвижно неустанно смотрѣли на фотографію, а лицо уже горѣло, пылало и изъ красныхъ губъ, казалось, точила кровь.

Смѣющійся скелетъ въ подогнувшейся рукѣ держалъ свой красный фонарь и безглазыми впадинами бездумно созерцалъ прошедшее и грядущее...

А. Заринъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Азаринъ, В. Э. Боцковъ, К. П. Гудьича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайловъ, Е. А. Наградъ, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологубъ и др.

Нидя спала крѣпкимъ, предутреннимъ сномъ. Ея прекрасное, разгоряченное лицо лежало щекою на подложенной рукѣ. Откинутое одѣяло обнажало полное, округлое плечо и часть груди; другая рука протянулась вдоль тѣла и на голубомъ одѣялѣ казалась словно выточенной изъ кости... Грудь дышала спокойно и ровно, губы улыбались, словно грезился Ниди радостный сонъ...

Вдругъ она безпокойно дрогнула и метнулась на постели. На счастливомъ лицѣ отразился испугъ, улыбающіяся губы раскрылись для крика. Она вся задрожала и приподнялась на локтѣ, вперя испуганный взглядъ въ ночную темноту.

Онъ!.. Въ темнотѣ ясно выдѣлилось его блѣдное лицо съ горящими, словно уголья, глазами, съ красными губами, искривленными недвижной улыбкой... Сонъ или явь?.. ближе, ближе... тянутся къ ней его руки. Она въ нѣмомъ ужасѣ отодвинулась къ самой стѣнѣ и безмолвную тишину прорѣзалъ слабый призывный крикъ...

Юстина не спала. Что-то томило и волновало ее. Какіе-то голоса въ спорѣ звучали въ ея ухахъ, мелькали образы, томили предчувствія. Алеша... Лемэмъ... женщина съ черными глазами... чортова дюжина, чортова дюжина... красный свѣтъ рѣзалъ зрѣніе... беззвучно смѣялся страшный скелетъ. Юстина встала съ постели и тихо двинулась. Ей свѣта не надо. Она пройдетъ къ сестрѣ и съ ней ляжетъ. И Юстина ощуяла вошла въ обшнюю ихъ гостиную, будуаръ и вдругъ остановилась, какъ пригвожденная, застывъ отъ ужаса.

Онъ!.. Внутреннимъ взоромъ, проникая

темноту ночи, прорѣзая невидимый эфиръ, она увидѣла медленно скользящую фигуру Лемэма. Вотъ онъ перешелъ комнату, вотъ подошелъ къ комнатѣ Ниди и скрылся... И тотчасъ раздался крикъ Ниди.

Юстина бросилась впередъ.

— Онъ! онъ!— кричала Нидя,— боюсь!

— Гони!— крикомъ отвѣтила Юстина,— Алеша! гдѣ ты!..

И опять взоръ Юстины увидѣлъ вдругъ явившагося Алешу и искаженное злобою лицо Лемэма. Блѣднѣетъ его лицо, расплывается въ темнотѣ, исчезло, и стоитъ Алеша съ широко раскрытыми глазами...

Юстина, вся дрожа, обнимала быющуюся въ истерикѣ Нидю.

Заспанная Даша вбѣжала въ комнату и открыла свѣтъ.

— Съ Нидой дурно!— испуганно проговорила Марія Евстафьевна, толкая мужа,— встань покажуйста и вызови доктора.

— Дурно? почему?..

— Ахъ, Боже, у насъ у всѣхъ не каналы, а нервы...

Верхонлавцевъ сердито всталъ и надѣлъ халатъ.

— Духовицицы,— сказалъ онъ ворчливо, идя къ себѣ въ кабинетъ къ телефону...

Лемэмъ вскрикнулъ, какъ отъ боли, и далеко отъ себя отбросилъ портретъ и перчатку. Онъ всталъ и лицо его искажилось неподдѣльной злобою. Онъ быстро перевернулъ свѣтъ, прошелъ въ свою спальную, торопливо вынулъ изъ ящика угольного стола слесарный зажимъ, досталъ желѣзную полоску, напилъ и сѣлъ къ столу.

Прошло мгновеніе, и онъ привынулъ зажимъ, зажалъ въ немъ желѣзо и съ злобой усмѣшкой сталъ водить по немъ напилъ-

комъ. Острый противный визгъ наполнилъ тишину.

Лемэмъ казался безумнымъ. Онъ нажималъ напилъ, желѣзо скрипѣло и визжало и глаза Лемэма метали молніи, а губы кривились злой усмѣшкой...

XLVI. ПАУТИНА.

Это была безобразная, кошмарная ночь.

Алеша всталъ съ постели совсѣмъ разбитый, охваченный смутной тревогой. Ночью онъ проснулся отъ совершеннаго яснаго окрика. Кто-то позвалъ его по имени такими крикомъ, какими зовутъ на помощь.

А потомъ эта галлюцинація слуха!

Алеша даже вздрогнулъ. Словно кто-то у самого уха скоблѣлъ скребкомъ по желѣзу. Пять минутъ, десять, полчаса... Можно сойти съ ума. И Алеша метался. Зарывался съ головою въ подушку, затыкалъ уши и только подъ утро забылся тревожнымъ сномъ.

Онъ всталъ съ постели совсѣмъ разбитый, спросилъ себѣ кофе, развернулъ газету и не могъ ея читать, несмотря на то, что всѣ переживали жуткіе и тревожные дни.

Смутная тревога охватывала Алешу сильнѣй и сильнѣй. Что-то тянуло его къ Верхонлавцевымъ, чтобы увидѣть Нидю и поговорить съ нею. Онъ поглядѣлъ на часы. Стрѣлки показывали только 10. Раньше двѣнадцати явиться неудобно, да и въ двѣнадцать рано. Въ два часа ему надо быть на полигонѣ для испытанія новыхъ лафетовъ. Часъ, полтора можно провести съ идѣей, а пока...

Онъ выпилъ два стакана крѣпкого кофе и немного освѣжился. Въ дверь стукнули, дверь раскрылась, и въ комнату вошелъ Михайлѣ въ туфляхъ, въ тужуркѣ поверхъ шелковой рубашки, бодрый, свѣжій, веселый, какъ будто онъ легъ не въ пятomъ часу утра, а въ нормальное время.

— Налей и мнѣ кофе, да покрѣче, — сказалъ онъ,— опускаясь въ кресло подлѣ стола, — деньги у тебя есть? я выигралъ

вчера 900 рублей и могу съ тобой подѣлиться. Что ты такой блѣдный?

— Я плохо спалъ. Нѣтъ, спасибо, сейчасъ денегъ не нужно. Я мало трачу, много получаю.

— А я наоборотъ,— засмѣялся Михайлѣ,— для меня всегда мало денегъ. Когда ты ведешь хозяйство, житье удобиве.

— Мнѣ жалко чужой квартиры,— сказалъ Алеша.

— И мнѣ. Когда займемся пушкой? Я въ дорогѣ дѣлалъ вычисления. Если мы сумѣемъ осуществить нашъ проектъ детально, пушка сможетъ бросить снаряды на 150 верстъ! Ты понимаешь эту штуку! А?

Алеша покачалъ головою.

— Мы поработаемъ, меня занимаетъ эта задача, но лично я противъ такихъ чудовищныхъ орудій. Для чего они? Прицѣлъ почти невозможный, потому что цѣль надо искать вычисленіемъ, снарядъ будетъ стоять уйму денегъ, и въ результатѣ гигантское сооруженіе пригодно много, если на 100 выстрѣловъ.

— Да! Но какой эффектъ!

— Только и есть. Я считаю 12 — 15 верстъ предѣломъ дальности, еще лучше 7 верстъ, а самое идеальное—3-4.

— Тебѣ не дадутъ подойти.

— Чепуха. Процентъ попаданія обратно пропорціоналенъ разстоянію. Другое дѣло крѣпостное орудіе съ стѣпнымъ по квадратамъ. Тамъ хоть 20, хоть 100 верстъ, но при арміи или на суше—нелѣзность.

— Все таки работать будемъ.

— Я не отказываюсь, хотя теперь голова у меня идетъ кругомъ съ этими исторіями.

— Съ исторіями знаешь, у кого я выигралъ деньги?

Алеша отрицательно качнулъ головою.

— У Лемэма. Онъ членъ нашего клуба!

И Михайлѣ засмѣялся, а Алеша вздрогнулъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азаринъ, В. Ф. Боднарскій, Л. П. Гудича, А. С. Грина, А. Е. Заринъ, А. А. Измайлова, Е. А. Наградскій, В. И. Некрасовича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

XLVII.

— Опять этотъ Лемэмъ!—Алеша Беренниковъ, почти вадрогнувъ, — это мое проклятіе! Въ послѣднее время я задаюсь задачею прожить день безъ упоминанія о немъ и всегда кто-нибудь назоветъ его имя. Недавно за сосѣднимъ столикомъ у Дюна все время, пока я обѣдалъ, говорили о немъ. Испортили мнѣ обѣдъ.

Михаилъ засмѣялся.

— Скажу больше. Вчера былъ, такъ сказать, вечеръ Лемэма. Затѣмъ я сговорился съ Лучининымъ начать поиски Бяленникова и въ заключеніе при выходѣ изъ клуба получилъ нѣкія тайныя письма съ предупрежденіемъ или угрозою, шутъ ихъ знаетъ. Ну, а теперь я одѣваюсь и їду. Что ты? Окаменѣлъ?

Михаилъ загасилъ паниросу и поднялся, а Алеша, дѣйствительно, словно окаменѣлъ. Глаза его стали совсѣмъ круглые, губы сложились кружечкомъ и лицо покраснѣло.

— Но этого нельзя такъ оставить, .. наконецъ, произнесъ онъ, — смотри, и тебя влетаютъ въ эту чортову игру!

— Ну, и играемъ!—весело отвѣтилъ Михаилъ,—я люблю спортъ. Ты гдѣ сегодня и когда увидимся?

Алеша покачалъ головою, медленно приходя въ себя.

— Я сейчасъ къ Верховплавцевымъ...

— Онъ еще спать, а онъ читаетъ газеты и составляетъ распорядокъ дня,—это его утреннее священнодѣйство. А потомъ?

— Потомъ на политонъ.

— Пожыгивать жаретъ Дюпора?..

Алеша даже подпрыгнулъ.

— Это секретъ! Откуда ты это знаешь?

Михаилъ уже громко расхохотался.

— Объ этомъ секретѣ я слышалъ вчера въ поѣздѣ во время завтрака. Мнѣ говорили даже, сколько дано и сколько обѣщано за приемку. Берегись бражновать.

— У насъ коммюна.

— Въ которой ты одинъ ничего не получилъ.

Алеша нахмурился.

— Это все злобныя сплетни.

— Пускай. Ну, а съ полигона?

— Домой.

— Значитъ, вмѣстѣ обѣдаемъ. Я сейчасъ въ нашу контору, оттуда завтракать. Вѣроятно, въ отель-де-Франсъ; потомъ къ Лучининымъ и тоже домой. Я тебя, а ты меня подожди!

Михаилъ ушелъ, Алеша принялся за свой туалетъ.

Едва онъ вошелъ въ переднюю Верховплавцевыхъ, какъ его охватило какое-то смутное безпокойство. Тревожное чувство отражалось и на лицѣ горничной.

— Что проснулись, встали? — спросилъ Алеша, снимая пальто.

— У насъ безпокойство, Алексѣй Даниловичъ,—отвѣтила горничная,—барышни ночью проснулись, кричали. Вродѣ, какъ припадокъ. Докторъ прѣзжалъ.

— Съ кѣмъ припадокъ?

— Съ обѣими, а главное съ Нидіей Ефстаевной. Очень худо было.

— А теперь.

— Пили кофе. Я доложу про васъ.

Алеша вошелъ въ залъ и безпокойно сталъ ходить по огромному ковру; остановился у аквариума и посмотрѣлъ на красивую огненно-красную рыбу, которая, уткнувшись носомъ въ стекло, плавно развивала въ водѣ своей пѣкный, толстый хвостъ. По-

томъ подселъ къ нему съ фонаремъ въ рукѣ и повернулъ выключатель—разъ, два.

Свѣтъ вспыхнулъ и угасъ.

Въ эту минуту его оклинула горничная, и онъ осторожно прошелъ въ гостиную-будуаръ сестеръ.

— Ахъ, Алеша, что у насъ было!—тихо сказала Юстина.

— Мы... я... сошла съ ума, — сказала Нидія, слабо улыбаясь.

Онъ нѣжно поцѣловалъ руки сестрамъ и осторожно сѣлъ на низенькій пуфъ.

Юстина нашла въ чашку кофе.

— Пейте и слушайте.

Нидія, смущаясь и смѣясь надъ собою, рассказала про свою странную галлюцинацію. Юстина вдумчиво кивала головою и не редела, что она видѣла.

Алеша слушалъ, глаза его становились совсѣмъ круглыми, а въ головѣ царилъ совершенный сумбуръ. Онъ замолкли, и онъ спросилъ:

— Что сказали докторъ?

— Пустое. Прописалъ валерьяну, бромъ и теплыя ванны съ солью. Говорить, нервъ.

Алеша вспыхнулъ.

— Съ этими Лемэмками, сеансами, медіумами, дѣйствительно, можно съ ума сойти, а не только разстроить нервы. Надо все это бросить, окончательно. Тутъ Марія Ефстаевна медіума пригласила. Богъ съ ними. Нидочка, милая, оставьте это занятіе, займитесь музыкой, соберемся въ театръ. Ей Богу! И вы, Юстина.

Юстина сидѣла блѣдная, съ полузакрытыми глазами и тихо сказала:

— Я вижу много, много тревоги. Будетъ борьба. Да, Алеша, себя берегите.

Нидія улыбнулась Алешѣ.

— Я послушаю васъ.

Въ комнату вошелъ самъ Верховплавцевъ и, поздоровавшись съ Алешей, заговорилъ.

— Вотъ, изволь любоваться. Ночью визжали, всѣхъ взбудоражили, сейчасъ на себя непохожи. Мури пластомъ лежатъ—и все изъ-за этого духовидца. Я понимаю, повержи столикъ и потомъ почертишь сама, а

вѣдь у нихъ—безуміе! Лекція, сеансы, демонстраціи, вызовы духовъ, заклинанія. Тыфу! А затѣмъ сумасшедшая ночь. А оттого у тебя утомленный видъ?

Алеша рассказалъ про свою слуховую галлюцинацію.

— Такъ,—рѣшилъ Верховплавцевъ,—читай сегодня рѣчь Аквиста? Прочти!

Алеша помоталъ на часы и торопливо всталъ. По полигону тѣды-доброй часть.

— А завтракать?

— Мнѣ некогда.

— Прѣзжайте вечеромъ съ братомъ. Мы одиѣ...

Алеша поцѣловалъ руки сестрамъ, пожалъ руку Верховплавцева и ушелъ, торопясь на службу.

Сестры позавтракали одиѣ.

— Я утомилась и лягу, — сказала Юстина, а Нидія перенѣла въ залъ и сѣла къ роялю. Пальцы ея слегка трогали клавиши. Вдругъ какая-то неуправляемая сила заставила ее подняться. Ей внезапно захотѣлось выйти изъ дома по какому-то неотложному дѣлу.

Она прошла къ себѣ, торопливо одѣлась и вышла. Никто не замѣтилъ ея ухода, только рыба въ аквариумѣ смотрѣла на нее глупыми глазами черезъ стеклянную стѣнку и махала своимъ розовымъ хвостомъ...

Михаилъ Даниловичъ сидѣлъ въ уютной приемной отеля де-Франсъ, ожидая своихъ компаньоновъ, чтобы вмѣстѣ позавтракать. Онъ сидѣлъ у круглаго-стола за трельяжемъ въ мягкомъ покойномъ креслѣ. Съ своего мѣста онъ видѣлъ раскрытую дверь и за нею просторный вестибюль съ широкой лѣстницей, уставленной растеніями, ведущею въ комнаты отеля.

И вдругъ — на верхней площадкѣ лѣстницы онъ увидѣлъ Лемэма.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азаренко, В. Ф. Бадиковскаго, Г. Д. Гейдуча, А. С. Грица, А. Е. Зарина, А. А. Исмаилова, Е. А. Награденкѣй, В. И. Нисиревича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Солитуба и др.

XLVII

Вдругъ на верхней площадѣ лестницы, Михаилъ Берениковъ увидѣлъ Лемэма. Безстрастное лицо его показалося Береникову слегка оживленнымъ. Губы его улыбались. Онъ медленно спускался съ лестницы, смотря передъ собою, а Берениковъ невольно преслѣдовалъ его взглядъ. Простѣе, изогнувшись и быстро поднимаясь, словно отъ толчка пружины.

Разнородныя мысли вървѣ закрутились въ его головѣ.

Долженъ, не долженъ... не его дѣло... не это такъ несправедливо... и думать... если бы увидѣлъ Алеппа... нѣтъ, долженъ!

И онъ въ нѣсколько шаговъ перешелъ приемную, выйдя въ вестибюль, на мигновое, мгновенное, увидѣлъ перекосившееся злобою лицо Лемэма и пошелъ къ Ниди.

Она вошла въ вестибюль и стояла съ недоумѣвающимъ, растеряннымъ выраженіемъ лица.

Толстый, мясчатый портъ походилъ къ ней, но Михаилъ Даниловичъ былъ уже подлѣ Ниди и тѣснѣе, безпечнымъ голосомъ говорилъ:

— Ниди Евстафьевна, здравствуйте! Какъ вы сюда попали? Вотъ неожиданно!

Она протянула ему руку, глядя на него растерянно и съ недоумѣніемъ. Берениковъ почему-то вспомнилъ встрѣчу съ Баденикинымъ. У того было такое же выраженіе.

— Счастливая встрѣча. Я только что собирался уехать и съ радостью провожу васъ. Нальто! — сказалъ онъ портю.

Портъ кивнулъ швейцару у вѣшалки и тотъ уже несъ шубу, шапку и галюши.

Берениковъ быстро одѣлся.

— Крупница знаешь?

— Какъ же, Михаилъ Даниловичъ!

— Скажи, что я просилъ подождать полчаса, — и онъ подаетъ руку Ниди, — ѣдемъ. Ниди Евстафьевна!

Ниди послушно взяла его подъ руку и они вышли.

Онъ подождалъ лихача.

— Проѣдешь по набережной и на Мойку! Рысакъ бѣжалъ размашистою рысью, и легкія сани, казалось, летѣли. Легкій морозный воздухъ билъ въ лицо и осыпалъ голову. Лихачъ промчалъ по набережной до Лѣтняго сада, повернулъ и пошелъ по набережной къ Николаевскому мосту.

Безмолвная Ниди, казалось, пришла въ себя. Она взглянула на Береникова и воскликнула:

— Михаилъ Даниловичъ! Почему мы съ вами, куда ѣдемъ?

Онъ засмѣялся.

— Встрѣтились и я предложилъ прокатиться. Погода отличная. Доедемъ до моста и я завезу васъ домой.

— Какъ странно. Я сидѣла дома за роялемъ и вдругъ сейчасъ катаюсь съ вами. Расскажи Алеппу. Со мной творятся чудеса.

Берениковъ съ волненіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы не помните, какъ одѣлись и вышли?

— Въ этомъ-то и тудо, — безпечно засмѣялась Ниди, — словно лунатикъ, а теперь день и солнце.

— А сейчасъ вы уже все сознаете?

Она кивнула.

— Все!

— Я провожу васъ домой и вы уже откуда не выходите, — сказалъ серьезно Берениковъ, — понимаете — никуда!

— Почему?..

— Потому что у васъ разстроены нервы

и потому, что къ вамъ собрался прѣхать Алеппа.

— Хорошо. Я хотѣла только прѣхать къ Широ.

— Это слѣпой полиовникъ? Ну, вы поѣдете къ нему съ Алеппой.

Онъ бережно высадилъ ее у подъезда и довелъ до самыхъ дверей.

— Что же вы не зайдете къ намъ? Марк разсердится.

— У меня свиданье. Я еще надоумь вамъ!

Дверь открыли. Берениковъ сошелъ внизъ, сѣлъ въ сани, велѣлъ ѣхать назадъ, въ отель «Де-Франсъ».

Трезвый умъ его былъ словно сбитъ съ своего обычнаго пути логическихъ, стройныхъ мыслей, правильныхъ посылокъ и прямыхъ выводовъ.

То, что онъ видѣлъ, уже не подлежало сомнѣнію. Алеппа правъ въ своихъ опасеніяхъ, и этотъ фокусникъ и нагль, и силенъ, и страшенъ.

Береникову вспомнился рассказъ про одного гинотизера, который силою внушенія увлекъ и погубилъ дѣвушку изъ хорошей, уважаемой семьи.

То же повторяется и теперь. Съ этимъ надо бороться, но какъ?..

XLVIII

ВОЛШЕБНЫЙ КРИСТАЛЛЬ.

Михаилъ Даниловичъ даже испугался того дѣйствія, которое его рассказъ произвелъ на Алеппу. Алеппа сначала словно налилась кровью и глаза его совсѣмъ закружились, а потомъ поблѣднѣвъ, какъ бумага. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ парзана, схватился за голову руками и облокотился на столъ.

— Что же дѣлать? Что дѣлать? — проговорилъ онъ глухо съ отчаяньемъ.

— Беречь ее. Вѣдь, помимо крайней пастости, у нея можетъ открыться такое вредное разстройство, которое ближе къ помѣшательству. И помнить эти опасныя.

— Конечно! — съ горечью воскликнулъ Алеппа. — Маркъ вѣдалъ на нихъ привилегію

въ свѣтъ и ни за что не откажется. Для нея это потѣха и средство удерживать характеръ своихъ пещеровъ. Она равнодушна, Юстина уже почти больна. Что дѣлать? Говоришь, уберечь. Я ее сторожить не могу; рассказать объ этомъ — невозможно, если и она сама не знаетъ... Объясниться съ ними, побить, убить, одѣлать скандалъ. Михаилъ махнулъ рукою.

— Глушости. Испортишь себѣ карьеру, оставивъ Нидио и ничего не достигнешь. Нужно бороться и осторожно.

Алеппа вдругъ поднялъ голову. Лицо его оживилось и онъ быстро всталъ.

— Куда?

— Я сейчасъ позвоню Широ и, если онъ дома, пройду къ нему. Онъ поможетъ. Я ему вѣрю.

— Что же, попробуй! Къ нему хотѣла и Ниди.

— Да, да! Я сейчасъ.

Алеппа успѣлъ говорить по телефону.

Михаилъ заминалъ за обѣдъ, закурилъ папиросу и сталъ смотрѣть по сторонамъ. Столѣны освободились и занимались. Лемэма не слышно, но быстро и ловко, скользили между столѣнами, подкалывали, убивали, прислушивались; почтенный метръ въ отелѣ въ безукоризненномъ фракѣ, съ маню въ рукахъ, степенно ходилъ по залу, зоркимъ взглядомъ слѣдилъ за прислутою и предупредительно встрѣчалъ гостей.

Вошли двое и заняли столѣны за спиною Береникова. Онъ обратилъ вниманіе на ихъ лица. Одинъ былъ толстый, невысокаго роста съ обросшимъ лицомъ шпалиты и обшоры, другой огромнаго роста, съ лицомъ разбойника, при чемъ кривошеястый носъ его былъ такъ прижатъ къ губѣ, что для него, видимо, лизнуть носъ языкомъ не составляло бы затрудненія.

Они заказали обѣдъ и продолжали вѣзатый разговоръ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфибрагма, А. Т. Азарица, В. Э. Бодина, П. П. Губдяча, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградский, В. И. Немировича-Давченко, И. И. Потапенко, Ф. Н. Сологуза и др.

Лемэмъ, пользуясь своей оккультной силою, успѣлъ путемъ внушенія нарушить покой Ниди и, быть можетъ, она стала бы его жертвой, если бы не встрѣтилась съ нею братъ Алеша. Онъ и Широ вступаютъ въ борьбу съ Лемэмомъ. Въ то же время братъ Михаилъ съ Лучининымъ ищутъ Баленикаго, рѣшивъ раскрыть тайну похищенія у него денегъ.

XLIX.

Беренниковъ поневолѣ долженъ былъ слушать, что говорили за его спиной обрюзгшій толстякъ и великанъ съ лицомъ разбойника.

— И что онъ теперь дѣлаетъ?—спросилъ великанъ хриплымъ голосомъ.

— Обращенъ въ сыскную полицію и ждетъ, — отвѣтилъ шисливно толстякъ, — на 280 тысячъ... и все лучшие камни.

— Въ сыскной полиціи пишутъ бумаги и отпущенія, а камешки уже въ Швецію. Да! А господа артисты живутъ себѣ и смѣются. Можетъ быть, тутъ сидятъ. Да! Если бы онъ обратился ко мнѣ...

— Ну, и ты бы ничего не сдѣлалъ.

— Я?

— Ты хорошо знаешь шулеровъ и араповъ.

— Всѣхъ мазуриковъ. Да! Потому, я непременно открою бюро. Я же напечалъ убійцу Заричной. А кражу изъ кладовой, кто открылъ?.. Ты скажи этому Дюбуа. А? Десять процентовъ, два — тебѣ.

— Что же...

Лакей подаль нибъ первое блюдо и они замолчали.

Алеша вернулся и сказалъ:

— Онъ дома и я ъду.

— Отлично, а я домой и въ клубъ.

Алеша ушелъ.

Беренниковъ всталъ и рѣшительно подошелъ къ господину разбойничьяго вида.

— Простите меня, — сказалъ онъ твердо, — я нечаянно услышалъ часть вашего разговора и, насколько понялъ, вы — дедективъ.

— Ну, не таранчи глаза, — засмѣялся толстякъ, — дедективъ это значитъ — сыщикъ.

Великанъ улыбнулся, отчего носъ его сдѣлалъ попытку совсѣмъ зацепить его губу.

— Совершенно такъ. По призванью.

— Если позволите, я бы хотѣлъ обратиться къ вашимъ услугамъ.

— Буду радъ, до двѣнадцати дома, — и съ этими словами великанъ сунулъ руку въ карманъ сюртука, вынулъ визитную карту и подалъ Беренникову.

— Благодарю васъ. Я пріѣду завтра.

Великанъ поклонился.

Беренниковъ пошелъ домой. Онъ уговорился съ Лучининымъ снова встрѣтиться въ клубъ, гдѣ онъ расскажетъ о встрѣчѣ Клавдіи съ услужливымъ незнакомцемъ...

Алеша въ первый разъ былъ у Широ, но Нидія такъ подробно описала свое посѣщеніе, что Алеша узналъ комнаты, кабинетъ, словно бывалъ здѣсь часто и запросто.

— Сгущаются тучи, — сказалъ Широ, пожимая руку Алешы и указывая на мяткое кресло у круглаго стола, опускаясь въ другое кресло. Движенія его были такъ увѣренны и спокойны, что трудно было догадаться объ его слѣпотѣ.

Алеша съѣлъ и отвѣтилъ:

— Да, да. Творится необычайное и нужны ваши совѣты, ваша помощь, Павелъ Васильевичъ. Мы безсильны.

— Въ чемъ же дѣло? — мятко улыбаясь, спросилъ Широ.

Алеша началъ рассказъ со своей головной боли, описалъ тревожное безпокойство, свое посѣщеніе Верхонлавцевыхъ, галлюцинаціи Ниди съ Юстиной и, наконецъ, передалъ рассказъ брата и его впечатлѣнія.

— Я никому бы другому не рассказалъ всего этого, такъ все фантастично и нелѣпо, но вамъ говорю. Вы поймете и поможете.

Широ молчалъ. Онъ сидѣлъ съ серьезнымъ сосредоточеннымъ лицомъ, сложивъ руки, и медленно вращалъ большіе пальцы одинъ вокругъ другого. Потомъ онъ кивнулъ и заговорилъ:

— Ничего фантастичнаго и ничего нелѣпаго, а много, много злого и чернаго. Это все Лемэмъ. Онъ обладаетъ большой силой, но отъ нея и погибнетъ, потому что все для себя, для низкихъ темныхъ цѣлей, ради узкаго эгоизма, удовлетворенія низкихъ страстей — плотское вождѣтельство, жажда власти, алчность къ деньгамъ. Ни одного духовнаго порыва. Это — темная сила...

Онъ помолчалъ и заговорилъ снова:

— Ничего фантастическаго. Всѣ эти явленія отмѣнены и отчасти изучены въ работахъ лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій. Особенно этого рода явленія — прижизненные призраки и телепатія. Да! А затѣмъ есть научныя работы Боренгейма, Риппе о внушеніи на разстояніи. О, мы совершили огромный кругъ и возвращаемся къ времени Свиденборга, Нострадамуса! Да, мы смѣялись надъ философскимъ камнемъ и обращеніемъ въ золото иныхъ металловъ. Нашли 64 элемента, атомистическую теорію, а теперь? Открытіе Кюри, опыты Рамзая, работы Болли, Паттерсона, Томсона — и мы узнаемъ чудеса о радіи, уранѣ, чадіи, является новая теорія электроновъ, и мы опять приходимъ къ единству

вещества и возможности обращенія одного тѣла въ другое. Да! Мы читали, какъ прогнущую сказку, о заклинаніяхъ надъ воскресшими слѣпками съ частицами вещества того, надъ кѣмъ дѣлаютъ заклинанья. Брали волосы, почти... смѣялись надъ выпнутымъ слѣдомъ... и что же? Риппе переноситъ субстанцію въ стаканъ съ водою. Колетъ воду и человекъ чувствуетъ уколъ. Боренгеймъ приводитъ примѣръ, точь въ точь, подобный случаю съ вами. Кузнецъ въ злобѣ на врага въ полночь ковалъ у себя полосу и удары молота отдавались въ головѣ его врага. Это одинъ изъ видовъ внушенія.

Алеша вздрогнулъ.

— Это онъ?! Эти адскіе звуки...

— Я не говорю: навѣрное. Возможно. Онъ беретъ полосу желѣза, пожимъ и скоблить его напильникомъ.

Алеша почувствовалъ смутный страхъ.

— Случай съ Нидіей и Юстиной — это прямо телепатическій опытъ. Собственно съ Нидіей. Онъ создаетъ иллюзію, создаетъ со всей силою своей воли и она его видитъ. Да, такіе случаи даже обыденны! Я страдаю и всей душой переношусь къ близкимъ, прешаюсь съ ними. И что же? Они меня видятъ. У меня предсмертное напряженіе силъ, а у него такъ развита волевая энергія, что онъ можетъ вызвать это явленіе по желанію. Юстина — нервна. Онъ нѣсколько разъ ее гипнотизировалъ. Она — сенестикъ и въ этотъ разъ она перехватила посылаемые имъ токи такъ, какъ можно перехватить волны, посылаемые радио-телеграфомъ... Нѣтъ ничего фантастическаго. Что касается вызова Ниди къ себѣ, послѣ такой ночи, когда воля совсѣмъ ослаблена, — это пустяки. Это вы сдѣлаете. Да, да! Все просто, но и страшно...

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азрелевича, В. Э. Боцловскаго
И. П. Губича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагорской,
В. И. Кемпиревича-Давченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

Л.

— Вы поможете намъ, Павелъ Васильевичъ,—молящимъ голосомъ произнесъ Алеша.

Шпро кивнулъ.

— Сила противъ силы. Я буду молиться и черпать силу въ сознаніи, что преслѣдую свѣтлыя цѣли, что борюсь со зломъ. Да, я помогу вамъ. Я общалъ Нидію Евстафьевну, хотя не зналъ, не думалъ, что Леммъ зайдетъ такъ далеко.

— А что намъ дѣлать? Какъ ограждать Нидію?

Шпро отвѣтилъ не сразу. Онъ сидѣлъ недвижно, выпрямившись и обоими незрячими глазами смотрѣлъ прямо передъ собою. Алеша съ чувствомъ какого-то суевѣрнаго почтенія глядѣлъ на него, и въ головѣ его въ хаотическомъ беспорядкѣ проносились мысли. Леммъ и лафетъ Диспора, генеральскіе мундиры и юркая фигура еврея, сжимававшая, какъ отъ корня, при каждомъ выстрѣлѣ, Нидію, какія-то чары... нелѣпость, бредъ, и въ то же время ясная опасность. Шарлатанство и сила... И этотъ Шпро, и тотъ пророкъ...

Шпро заговорилъ ровнымъ голосомъ.

— Нужна борьба. Воля противъ воли. Когда вы услышите странный шумъ, этотъ визгъ напильника, лягьте на спину,—если вы лежите; сидѣте спокойно, если еще не легли. Напрягите всю свою волю и скажите себѣ съ твердостью: «Я знаю источникъ этихъ звуковъ, и они не беспокоятъ меня»... А потомъ устремите свое вниманіе на Лемма. Да... Представьте его... И скажите ему: «Перестань. Я знаю твою игру...». На-

прягите всю волю... Если не поможете, уйдите изъ дома, прогуляйтесь, найдите общество... Это борьба. Укрѣпляйте волю...

Алеша нетерпѣливо мотнулъ головою.

— А Нидія? Съ ней?

— Тутъ вы безсильны. Я пошлю Нидію Евстафьевну и Юстину Евстафьевну. Я буду говорить съ ними. Я уже общалъ, и хотя я никогда не вступалъ въ борьбу, теперь помѣряюсь съ ними силами. Будемъ молиться!—окончилъ онъ торжественно.

— Я внѣ себя,—заговорилъ изволнованно Алеша,—я ничего не понимаю. Все такъ удивительно... Внѣ законовъ... Я хочу сказать, внѣ законовъ моего мышленія. Мы надѣемся только на васъ. Вотъ теперь, сейчасъ, что съ нею? Каждое мгновеніе какая-то неясная угроза.

— Что съ нею?—Шпро всталъ съ кресла.—Вы сейчасъ это узнаете. Да, да!

Онъ, словно зрячій, подошелъ къ письменному столу, выдвинулъ ящикъ, и вернулся назадъ съ коробочкой въ рукахъ.

— Вотъ, сейчасъ!..—Онъ вынулъ изъ кармана тузюрки черныя футляры и положилъ его на столъ, свернувъ комкомъ; потомъ вынулъ изъ коробочки крошечную колбу, наполненную чѣмъ-то чернымъ, и капающую стеклянными, черными шариками. Онъ уложилъ ее въ платокъ, словно въ гильзод, и сказалъ Алешѣ:

— Это—волшебный кристаллъ. Не улыбайтесь...

Алеша и не думать улыбаться. Онъ глядѣлъ то на колбу, то на Шпро, и чувствовалъ неизъяснимыя волненія.

— Теперь,—сказалъ Шпро,—поверни-

те, пожалуйста, всѣ выключатели, чтобы только въ лострѣ горѣла одна лампочка.

Алеша повиновался. Онъ загасилъ свѣтъ на письменномъ столѣ, напелъ у притолоки выключатель для лостры и повернулъ разъ,—изъ пяти лампъ угасло три; онъ повернулъ еще разъ,—и остался свѣтъ одной лампы.

— Такъ, сказалъ Шпро, словно все видѣлъ,—теперь сидѣте къ столу и смотрите на приставъ такъ, чтобы въ немъ отразился свѣтъ лампы. Когда приоровитесь, скажите мнѣ.

Алеша сѣлъ. Сначала свѣтъ какъ-то не улаживался, но Алеша мѣнялъ направленіе взгляда и, наконецъ, на черномъ шарикѣ словно засвѣтился яркій огонекъ.

— Напелъ,—сказалъ онъ.

— Сидите недвижно и смотрите на свѣтящуюся точку.—и въ то же время Шпро положилъ широкую руку на шею Алешы.

— Смотрите...

Алеша смотрѣлъ. На его глазахъ выступили слезы и затуманили взоръ; потомъ слезы скатились, взоръ прояснился и крошечная свѣтящаяся точка словно расширилась, обратилась въ блѣдный свѣтящійся кругъ, какъ бы экранъ...

Алеша смотрѣлъ. Въ комнатѣ было такъ тихо, что можно было слышать слабое дыханіе Шпро. Съ улицы донесся окрикъ и стало еще тише въ комнатѣ.

Алеша смотрѣлъ и вдругъ увидалъ гостиную Верхоплавцевыхъ,—коверъ, лостру, аквариумъ, негра, въ рукѣ котораго свѣтился фонарь...

Вошла Нидія и сѣла къ роялю... подняла крышку и стала играть. Лицо ея блѣдно, но спокойно... Вошла, словно глыба, Марія Евстафьевна и слѣдомъ за нею Юстина. Нидія перестала играть и встала. Изъ прихожей появились дамы. Алеша узналъ Бубенцову... все заволокло, какъ туманомъ.

Алеша откинулся. Шпро сидѣлъ въ креслѣ, держа руки на колѣняхъ.

— Вотъ вы видѣли Нидію Евстафьевну. Никакой тревоги,—сказалъ онъ.

Алеша вздрогнулъ и пробормоталъ:

— Это такъ удивительно...

— Кажется удивительнымъ,—поправилъ Шпро;—50 лѣтъ назадъ никто бы не повѣрилъ, что мы можемъ говорить другъ съ другомъ за 1.000 верстъ, а теперь дѣти знаютъ телефоны. Что мы можемъ передавать сообщенія прямо по воздуху, что можемъ сохранить голосъ и музыку въ звукахъ, а не знакахъ; что передъ нами живутъ движенья, позы, мимика и мы ихъ будемъ воспроизводить по желанію. А теперь говорить, какъ о простыхъ вещахъ—о радио, о граммофонѣ, о кинематографѣ. Такъ движется прогрессъ... Ничему не удивляйтесь!.. Наполеонъ сѣлся на пароходѣ; Гюйгенсъ сказалъ, что только сумасшедшій можетъ предложить освѣщать улицы и жилища газомъ... тысяча примѣровъ!—и Шпро поднялся и сталъ бережно укладывать въ коробку волшебный кристаллъ.

Алеша поднялся тоже.

— Я успокоился. Если вы съ нами, я не буду бояться за Нидію.

— Съ Божьей помощью мы его побѣдимъ,—отвѣтилъ Шпро, провожая Алешу до порога своего кабинета и пожимая ему руку широкой теплой рукою.—Не падайте духомъ!..

И Алеша ушелъ отъ Шпро ободренный и успокоенный.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азаризки, В. З. Бояновскаго, П. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагорской, В. И. Кемировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

II.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.

Въ самомъ углу у выхода на переднюю площадку сидѣлъ Лемэмъ. Въ переполненномъ вагонѣ прѣмная было душно отъ спертатаго воздуха, но Лемэмъ сидѣлъ съ поднятымъ воротникомъ, въ надринутой до бровей шапкѣ и ни другъ и ни врагъ не смогъ бы разглядѣть его лицо и признать его.

Трамвайъ перѣѣхалъ Троицкій мостъ и катился дальше. Пассажиры дышали на покрытый инеемъ стекла и старались разглядѣть путь, чтобы не пропустить своей остановки. Лемэмъ сидѣлъ недвижно, плотно втиснувшись въ уголокъ, а потомъ быстро поднялся, легко раздвинувъ окружающихъ у двери людей и сошелъ, едва оставивъ вагонъ.

Перейдя проспектъ, онъ остановился у подъѣзда двухэтажнаго дома, отперъ дверь своимъ ключомъ и неслышно вошелъ въ тѣсный вестибиль, слабо освѣщенный дешевой десятисвѣчевой лампочкой.

Поямо отъ двери поднималась узкая гѣбешница, покрытая краснымъ сукномъ.

Направо въ стѣнѣ чернѣла маленькая дверь.

Лемэмъ открылъ ее своимъ ключомъ, скользнулъ въ нее, заперъ и въ темнотѣ свободно прошелъ черезъ маленькую папую переднюю.

Войдя въ комнату, онъ повернулся въ кресло, и слабый свѣтъ освѣтилъ уютную постыланую, заставленную мылкою мебелью, убранную лозрами и звѣринными шкурами. Широкий низкій оптоманъ былъ покрытъ пшучою промаднана бѣлаго медвѣдя; у низкаго стола съ полированною до-скою раскинулась пшуча опроманнаго типра и хинная голова съ опдеренными зубами сверкала желтыми стеклянными глазами.

Лемэмъ небрежно сбросилъ шапку и шубу на бѣлый мѣхъ медвѣдя и пропелъ въ соседнюю комнату, посрединѣ которой стояла двухспальная кровать, покрытая темнымъ шелковымъ одѣяломъ.

Здѣсь онъ сбросилъ свой смоляникъ, на-метъ, прахмальную тубашку и надѣлъ съ-дую блузу, а поверхъ нея кожаную куртку; на-метъ сунулъ въ карманъ браунингъ, на-

дѣлъ тенный картузъ, снова перешелъ въ постыланую, прошелъ черезъ темную столо-вую, безмолвные стѣны, отперъ дверь и вы-шелъ въ садъ. Старые деревья были по-крыты снѣгомъ и ихъ опяченныя вѣтви казались протянутыми косматыми лапами.

Лемэмъ быстро пропелъ изъ одинокаго стол-пому арочечному флигелю изъ три окна и спускался въ окошко.

Въ ту же минуту растворилась дверь и онъ вошелъ въ снѣгу.

Его встрѣтилъ зорнастый, широкоплечій мужчина, какъ и онъ, въ кожаной курткѣ, съ пшучымъ упрямымъ лицомъ, пшурчен-нымъ оспомъ.

— Все припоспелъ?—спросилъ его Ле-мэмъ.

— Какъ всегда,—опытилъ тотъ.

— Иди къ казначей и зари. Входящѣ спрашивай. Только четверо.

— А слова?

— Спроси, кого надо? Отвѣтъ: знерал-нито чепверга. Всѣхъ въ лицо знаешь. При-дутъ, казначею запри и опусти собакъ. Иди!

Человѣкъ молча надрѣлъ на голову теп-лую шапку и вышелъ. Лемэмъ пропелъ въ комнату и опустился на диванъ. Простор-ная комната была ярко освѣщена лѣстрой съ лѣтлю лампами; въ углу ея топила отромный каминъ и громадный полѣнь, охваченный пламенемъ разливали живи-тельную тепло. Стѣны комнаты были укра-щены развѣшаннымъ оружіемъ, оленными рогами и упрямыми головами лосей. По стѣнамъ стояли широкие диваны, по угламъ — кружные столы, а посрединѣ столъ, окру-женный дубовыми стульями и установленный бутылками, и рюмками, стаканами и блю-дами съ разной тѣдой и закуской. Стояли и игра, и балетъ, и коленный ситъ, и за-ливная осприина; страстибургскій пшротъ и солонные приобы, и селѣдка.

Лемэмъ полумлежалъ на диванѣ и равно-душно смотрѣлъ на горящія въ каминѣ дрова, трескъ которыхъ нарушалъ безмолвную тишину.

Прошло съ полчаса, когда послышался оспинъ снѣга подъ ногами, топотъ ногъ у крыльца, а затѣмъ стукъ двери, голоса и глухой, отрывистый лай собакъ.

Лемэмъ повернулся лицо къ двери и не-довольно нахмурился.

— Всѣ сразу! Какая неосторожность.

— Случай, совершенный случай. Ка-ждый хотѣлъ быть точно въ десять часовъ. Здравствуйте, хозяинъ!—проговорилъ без-печнымъ, веселымъ голосомъ извѣнно одѣ-тый, вымытый, вычищенный, розовый, Язовъ Степановичъ Позеръ.

Кто не знаетъ Позера? По крайней мѣрѣ, онъ знаетъ, что его всѣ знаютъ. Красивый, элегантный блондинъ, съ розо-вымъ лицомъ и головою, круглою какъ шаръ и голою, какъ колода, онъ состоялъ личнымъ секретаремъ при банкирѣ Кор-боловъ и пшмѣннымъ адъютантомъ при его женѣ.

— Случай, совершенный случай,—по-вторилъ онъ и сѣлъ на другой конецъ ди-вана, поджавъ подъ себя лѣвую ногу.

— Совершенно вѣрно. Хотѣли быть то-чными,—подтвердилъ, здороваясь съ Лемэ-момъ высокій брюнетъ, лицо котораго рѣз-ко пересѣкали двѣ черныя линіи. Линія черныхъ среснихся бровей и линія тон-кихъ, закрученныхъ стрѣлками усомъ, ме-жду которыми выдвигался тонкій и острый носъ. Это былъ—Валерьянъ Александро-вичъ Дружный, биржевой игрокъ заведѣ-тай частныхъ театровъ, клубныхъ маска-радовъ, бѣговъ и скачекъ.

Онъ досталъ толстый портсигаръ, за-курилъ и сѣлъ на стулъ, положилъ нога на ногу.

Толстый, рыхлый, словно отекашій, Кон-стантинъ Николаевичъ Кручу и высокій съ длинными усами, курчавыми сѣдыми воло-сами и горбатымъ носомъ, грекъ Распо-дуло поздоровались молча и молча сѣли.

— Пойдемъ, поговоримъ и разоиде-мся. Я сегодня усталъ,—сказалъ Лемэмъ, вста-вая и пересаживаясь къ столу и въ этомъ человѣкѣ никто не призналъ бы того зам-кнутого, таинственнаго Лемэма, который поражалъ умы въ салонѣ Верхоплавце-вой, пѣнялъ дамъ, увлекалъ Сутугину и интересовалъ даже Царское Село.

Онъ налилъ себѣ рюмку водки и бы-стро выпилъ, жадно закусывая икрою, ко-торую захватилъ столовой ложкой.

— Ядъ для меня, а иногда разрѣшаю,—усмѣхнулся онъ.

— Пить умереть, не пить умереть,—выпивая свою рюмку, сказалъ Позеръ, а Кручу успѣлъ выпить уже три и, наливая четвертую, говорилъ:

— Меня дѣдушка училъ—никогда не

будь пьяницей, а пить можешь. Бери съ меня примѣръ, больше четверти въ день себѣ не позволяю...

— Можно пить, есть и говорить. Кру-чу!—сказалъ Лемэмъ,—ешь и дѣлай свои обоюденія.

Кручу положилъ себѣ на тарелку рыбы, налилъ стаканъ вина и заговорилъ:

— Съ Савельевой дѣло кончено. За свои письма она уплатила 15 тысячъ и я внесъ ихъ Позеру.

— Есть,—отозвался Позеръ.

— Съ тайнымъ совѣтникомъ тоже на-лаживается. Онъ теперь понялъ, что намъ извѣстна его переписка и разгаданъ шифръ. Пока еще топорщится и торгуется, но черезъ недѣлю сдастся. Я его на всѣ четыре ноги подковалъ. Не уйдетъ.

— Сколько назначено?—спросилъ Ле-мэмъ.

— Двадцать пять,—тотчасъ отвѣтилъ Позеръ.

Лемэмъ вопросительно взглянулъ на Дружнаго. Тотъ поспѣшно проглотилъ ку-сокъ ветчины и отвѣтилъ:

— Деньги есть.

— Тогда уступать не надо.

— И не уступлю. Теперь еще Лучи-нина и Бротова.

— Что Лучинина?

— Кажется не согласится.

— Гитцельманъ гордится?

— О, да! я его держу въ черномъ тѣлѣ, но изъ него выйдетъ толкъ. Онъ и пазой-ливый, и палтый и искательный. Прицѣ-пится—не оторвешь.

Лемэмъ живнулъ.

— Онъ мнѣ пациентомъ достается.

— Онъ все можетъ. Еще одно слово и я кончу,—сказалъ Кручу.—Навертывается человѣкъ одинъ. Очень подходящий. Я хочу его взять.

— Ты берешь, твое дѣло. Онъ будетъ знать одного тебя.

— Ну, естественно.

— У тебя сколько?

— Сейчасъ трое. Онъ будетъ четвер-тый.

— Кто такой?

— Кустовинъ. Зовутъ Анисимъ Про-кофьевичъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аззизова, В. Э. Боцяновскаго, Л. П. Гудина, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Нагродской, В. И. Немировича-Данченко, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба и др.

III.

Обходительный, проныра. Окончилъ Киевскій университетъ и былъ записанъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ при киевской палатѣ. Обманулъ двухъ кліентовъ, продалъ одного и былъ исключенъ изъ сословія. Приѣхалъ въ Петроградъ, издавалъ журналъ «Альковныя тайны» и былъ высланъ. Уѣхалъ въ Москву, тамъ служилъ въ полиціи, потомъ вернулся сюда, и служилъ въ охранѣ. Это въ 905 году, а теперь частнымъ повѣреннымъ. На всѣ руки.

— Бери,—сказалъ Лемэмъ,—пусть работаетъ. Говори ты, Аристидъ!

Грокъ Распонуло кивнулъ головою, пожалъ плечами и заговорилъ:

— А что мнѣ говорить надо? Мое дѣло чистое, какъ стекло. Я даю каждый день три тысячи, и все. Народу играть идетъ все больше. Стригли, какъ барашковъ. Теперь бакара завелъ. Книжки. И что, хозяинъ? Теперь у меня «Отдѣлъ труженниковъ», а еще продаютъ уставъ одного клуба. Дешево продаютъ. Скажешь—купить?

— Для чего?—пожалъ плечами Лемэмъ.—Этотъ работаетъ, и довольно. Не будь жаденъ. Сколько у тебя человекъ?

— Шесть! Самые лучшие, а когда по-

детъ король, я гостролеровъ зову. Изъ Москвы выписывало. Да!

— Сколько сдать?

— Всѣ ему сдаю!—сказалъ грекъ, указывая на Позера.

Тотъ кивнулъ.

— Все есть.

— Ты, Дружный!—обернулся Лемэмъ къ брату.

Дружный подкрутилъ свои усы, вытеръ салфеткой губы, и сказалъ:

— Сперва о работѣ, потомъ о развѣдкахъ, и затѣмъ объ опасностяхъ...

— Опасность! Намъ грозитъ опасность?—поблѣднѣвъ, воскликнулъ Грочу.

Лемэмъ кивнулъ на него презрительный взглядъ, а Позеръ сказалъ:

— Ты, Константинъ, трусъ, и хозяинъ долженъ тебя оштрафовать.

— Нѣтъ. Я только такъ,—пробормоталъ Грочу, испуганный еще сильнѣе и торопливо, залпомъ выпилъ стаканъ мадеры.

— Помни свои признанья. Они у меня,—тихо сказалъ Лемэмъ.

Грочу опустилъ голову и, толстый, рылый, казался вдругъ опустившейся опарой.

— Говори!—обратился Лемэмъ къ Дружному.

Тотъ откашлялся, закурилъ папиросу и

сталъ говорить ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. На дверѣ стояла темная ночь. Въ саду, прилегающемъ къ особняку, было темно и глухо. Одинокій флигелекъ, казалось, былъ необитаемъ, такъ плотно были занавѣшены окна,—но если бы кто вошелъ внезапно, онъ засталъ бы пятерыхъ мужчинъ, устроившихъ въ охотничьемъ навильонѣ холостую пирушку.

Дружный говорилъ:

— За эти двѣ недѣли только два налета, но оба удачны. Одинъ на банкирскую контору Коркина—180 тысячъ, не считая процентныхъ бумагъ. Другой на магазинъ Соболева,—на 200 тысячъ мѣховъ. Никто «не засыпался», какъ говорятъ они. Для конторы я выписывалъ специально пинифера: взялъ 50 тысячъ; на кладовую магазинъ налетѣ дѣлалъ свои, изъ десяти процентовъ каждый. Всѣхъ трое.

Онъ отпилъ изъ стакана и продолжалъ:

— Есть на очереди—страховая контора «Вѣрность». Они готовятъ платежи и со среды на четвергъ у нихъ будетъ въ шкафу 264 тысячи. Планъ конторы снятъ, слѣпши съ замковъ сдѣланы, наводчики обезпечиваютъ и выпускаю, и стрелу. Работать будетъ тотъ же гостролеръ за 40 тысячъ.

— Почему все гостролеры? Развѣ нѣтъ своихъ?

— Для вскрытія стальныхъ шкафовъ—нѣтъ. У нихъ свѣтла, приборъ по системѣ Бернадота, спорна, опытъ, а у нашихъ единственный отмычки и фомки.

— Надо организовать эту часть. Подумаю!

— Слушаю,—отвѣтилъ Дружный, и продолжалъ:—предлагаютъ хорошее дѣло,—разгромъ дома Апраксина. Также все налажено, и затѣмъ двѣ квартиры: графа Рибольера и Сталя. У Сталя коллекція золотыхъ монетъ, тысячъ на сто золота, откидывая нумизматическую цѣнность... Теперь опасности...

Онъ налилъ въ стаканъ вина, отпилъ и заговорилъ:

— Дѣло съ Дюбуа заглохло. Слѣдствіе у Губанова, шпунтъ въ сыскномъ и ходятъ по лавочкамъ. Бриллианты давно уже за границей и слѣда нѣтъ. То же и съ другими налетами. Все казеннымъ порядкомъ. Я приобретаю въ сыскномъ своихъ людей и они меня оповѣщаютъ о всѣхъ дѣлахъ. Съ той стороны мы безопасны. Есть призраки опасности только по дѣлу Вяленицкаго. Если бы оно было только у Губанова,—это чепуха. Въ сыскномъ его поручили драку Пригожему,—только забава. Но сейчасъ за него взялись Лучининъ и братъ Беренниковъ,—и Богъ ихъ знаетъ, что они предпримутъ? Этотъ Беренниковъ, братъ, видѣлъ Вяленицкаго.

— Пустое,—сказалъ Лемэмъ,—онъ безвреденъ. У него въ памяти пробѣлъ. Гитцельманъ укажетъ мнѣ его слѣды. Его найдутъ, и все вниманіе будетъ поглощено имъ.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатровъ, А. Т. Аверчиха, В. 9. Бояновскаго
К. П. Гудича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Изградской,
В. И. Кемировича-Данченко, И. И. Потанина, Ф. К. Сологуба и др.

ЛШ.

Дружный кивнулъ и спросилъ:

— А. Беренниковъ? Онъ въ подозрѣннѣ.
Лицо Лемэма искажилось злобою.

— Надо сдѣлать такъ, чтобы подозрѣннѣ
обратилось въ увѣренность.

— А не лучше стараться загасить?—
осторожно спросилъ Дружный.

Лемэмъ сверкнулъ глазами.

— Я сказалъ. Онъ долженъ угодить въ
тюрьму и на скамью подсудимыхъ. Озаботь-
ся этимъ.

— Слушаю, хозяинъ.

— Ты Яковъ!

Позернъ изящно изогнулся, вынулъ изъ
кармана записную книжку, всталъ и началъ
говорить, заглядывая въ нее.

— По клубу Распонуло—за текущій мѣ-
сяцъ поступило 90 тысячъ обычныхъ взно-
совъ и 35 тысячъ съ обыгранныхъ по усло-
вію изъ двадцати процентовъ. А всего 125
тысячъ. По отдѣлу Кручу: 15 тысячъ съ
Савельевской, 10 съ Адашева и пять съ
Симлы. Изъ нихъ десять процентовъ аген-
тамъ.

— Это самому Кручу,—сказалъ Распо-
нуло.

— Ей - Богу, агентамъ! — отозвался
Кручу.

— Итого—получено 27 тысячъ.

— Очень мало,—сказалъ Лемэмъ,—изъ-
за такихъ денегъ не стоитъ рисковать. Ты
долженъ расширить дѣло, Кручу!

— Теперь перестали болтаться мужья
женъ, жены мужей. Шантажъ падаетъ.

— Я дамъ тебѣ дѣло.

— Остался Дружный. Разгромъ Бялени-
скаго далъ 180 тысячъ и 30 тысячъ у него
лично. Камни Дюбуа сейчасъ оцѣниваются
въ 200 тысячъ, но цѣна растетъ и я хочу,
хозяинъ, отдать ихъ за 300, хотя если
ждать...

— Ждать некогда.

— Тогда 350, по конторѣ Соболева 130
тысячъ и на 200 бѣгать. Я продамъ ихъ

за 120. Всего 250 и за мѣха получено 110.
Мелкихъ поступлений по крамамъ 42 тыся-
чи. Такимъ образомъ, всего за мѣсяцъ одинъ
миллионъ пятьдесятъ девять тысячъ рублей.
Изъ нихъ по раскладкѣ десять процентовъ
хозяину, пять—мнѣ и по десять процентовъ
съ доставленныхъ суммъ хозяевамъ отдѣ-
ловъ: Дружному—91 тысяча 200 рублей,
Распонуло—12 тысячъ, Кручу—2.750 руб-
блей, мнѣ—502 тысячи 850 рублей, хозяи-
ну 105 тысячъ 950 рублей. Эти деньги я
привезу въ чекахъ на Лѣвскій кредитъ
Московский и Коммерческій банки.

Лицо Дружного и Распонуло озаарились
улыбками, Кручу насупился, Лемэмъ оста-
вался безстрастно спокойнымъ.

— Осталась сумма 344 тысячи 850 руб-
лей. Изъ нихъ десять процентовъ на расходы,
а остальное для дѣлежа между сотрудниками,
общее собраніе?..

— Тринадцатого,—отозвался Лемэмъ...
оповѣстите своихъ сотрудниковъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Пароль?—Лемэмъ усмѣхнулся
и сказалъ,—Царское Село.

Позернъ вынулъ изъ бумажника чеки и
раздалъ ихъ присутствующимъ, послѣ чего
съѣлъ и жадно выпилъ стаканъ вина. Лицо
сіяло отъ удовольствія, голая голова—отъ
выступившаго пота.

Лемэмъ оглядѣлъ всѣхъ и заговорилъ мед-
леннымъ голосомъ.

— Васъ четверо и я — это ядро нашего
общества. Каждый изъ васъ имѣетъ двухъ
сотрудниковъ—всего 8, съ вами 12 и со-
мною 13—чортова дюжина. Вы вольны при-
глашать работниковъ, случайныхъ и посто-
янныхъ, на жалованье, сдѣльно, изъ про-
центовъ, но они знаютъ только васъ, одного
изъ васъ, и всѣ сношенія ограничиваются
только вами. Тайна, полная тайна. Въ ней
сила. Я доволенъ пока всѣми; отстаетъ
Кручу, но самъ за это и платится. Я отпу-
скаю всѣхъ до 13-го. 13-го въ полночь. Кру-
чу...

Всѣ тотчасъ поднялись и простились съ
Лемэмомъ.

— Выходите по одному!—сказалъ онъ и
кивнулъ Кручу, который тотчасъ пересѣлъ
на ближній стулъ.

— Два слова, но выслушай и пойми,—
сказалъ Лемэмъ,—я знаю, что эти Беренни-
ковы изобрѣли дальнѣйшее орудіе и сдѣла-
ли всѣ вычисленія и чертежи. Ты долженъ
ихъ скопировать, вычисленія списать или
просто ихъ выкрасть. Понимаешь? Полу-
чишь 50 тысячъ и завтра на расходы де-
сять. Все, иди!

Кручу хотѣлъ что-то сказать, разинулъ
ротъ, но, взглянувъ на Лемэма, только про-
изнесъ:—Слушаю!

Онъ ушелъ. Лемэмъ устало потянулося,
всталъ, надѣлъ картузъ, застегнулся и вы-
шелъ изъ домика, направляясь къ главному
флигелю.

Лицо его было безстрастно.

LIV.

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Онъ переодѣлся въ легкій фланелевый
костюмъ, вышелъ изъ своей квартиры,
тщательно заперъ дверь и легкой походкой
поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ.
Здѣсь онъ осторожно стукнулъ конти-
ками пальцевъ въ дверь и дверь тотчасъ
отворилась.

Лемэмъ шагнулъ черезъ порогъ и во-
кругъ его шеи обвились горячія руки, къ
щекамъ прижалась щека и нѣжный голосъ
со страстью и упрекомъ прошепталъ:

— Наконецъ! Пришелъ. Я ждала, два
дня ждала. Измучилась.

Онъ обнялъ стройный станъ, припод-
нялъ хрупкую фигуру и легко перенесъ
ее въ слабо освѣщенную комнату, какъ
и комната Лемэма, всю убранную мѣхами,
шкурами и коврами.

Словно лунный свѣтъ струился изъ под-
вѣшаннаго къ потолку фонаря и при этомъ
свѣтъ хрупкая, стройная фигура, окутан-
ная, словно облакомъ, тонкой, какъ паути-
на тканью, казалась воздушной.

Онъ нѣжно поставилъ ее на пушистый
коверъ и, не выпуская изъ объятій, ска-
залъ:

— Не надо, Рахиль, быть такой не-
терпѣливой и ревливой. Я самъ не знаю,

какъ сложится мой день. Мы съ тобой не
молодые любовники.

Женщина, которую онъ называлъ Ра-
хилью, была прекрасна. Тонкія поздры ея
изящнаго носа раздвигались и дрожали,
алые губы, пріоткрытыя улыбкой, откры-
вали жемчужные зубы, словно начерчен-
ныя черныя брови и частыя рѣсницы
еще ярче выдавали красоту черныхъ боль-
шихъ глазъ, теперь полныхъ любви и ла-
ски; бѣлый высокий лобъ вѣнчался чер-
ными густыми волосами и вся она, строй-
ная, воздушная, трепещущая и радост-
ная, была олицетвореніемъ любви и
страсти.

Она прижалась къ Лемэму и, обнявъ его
сказала:

— Сядемъ! Я съ тобой всегда такая.
Мнѣ всегда кажется, что я узнала, полю-
била тебя вчера и потеряю тебя завтра.

Они опустились на широкій оттоманъ,
покрытый ковромъ съ брошенными шел-
ковыми подушками.

Лемэмъ обнималъ женщину и черты его
безстрастнаго холоднаго лица, казались,
смягченными

— Ты будешь у меня до завтра? Да?

— До завтра.

Она тихо засмѣялась.

— Я словно чувствовала. У меня въ
будуарѣ кофейный приборъ и твой ликеръ.
Я прогнала Джимму спать. Она хотѣла
разсказать мнѣ сказку, но я прогнала ее.

— Я усталъ сегодня.

— Ты сейчасъ ляжешь, а я буду подлѣ
тебя. Я слышала, какъ ты вошелъ и вся
замерла. Думала—прямо ко мнѣ, а ты къ
себѣ. Что ты дѣлалъ?

— Оставь. Я не люблю этихъ разгово-
ровъ.

— Я знаю,—она отшатнулась отъ не-
го и въ ея голосъ прозвучала грусть,—я
тебѣ только любовница...

— Нѣтъ, и помощникъ...

— Да! Когда надо обмануть людей. Ты
меня берешь, дѣлаешь меня бездушной и
дурачить людей.

Голосъ ея задрожалъ и глаза сверкнули
слезами обиды.

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ДЮЖИНА.

Романъ тринадцати авторовъ: А. В. Амфитеатрова, А. Т. Азернэ, В. В. Боцяновскаго, Г. П. Гидича, А. С. Грина, А. Е. Зарина, А. А. Измайлова, Е. А. Наградской, Е. И. Немировича-Данченко, И. И. Потапенко, Ф. И. Сологуба и др.

LIV.

Лемэмъ выпрямился и сердито взглянулъ на молодую женщину.

— Рахиль!—и въ его голосъ прозвучало недовольство. Она испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не сердись, милый. Я это такъ. Сегодня я счастлива. Я боюсь, что ты опять съ женщиной и вся дрожала, слушала. Спустилась внизъ. Смотрила. Нѣтъ, ты былъ одинъ. У подъезда не было экипажа. За дверью тихо.

— Эмма!—строго сказалъ Лемэмъ и брови его дрогнули,—я запрещаю тебѣ глядѣть за мною, ревновать, нарушать гармонию нашей жизни, а ты...

Она умоляюще сложила руки.

— Прости. Это выше моихъ силъ. Не могу. Нѣтъ, нѣтъ. Когда ты прѣхалъ съ этой керовой Сутугиной, когда ты привоziłъ лингвину, я была спокойна. Это тебѣ надо и—пусты!.. Но я боюсь, если вдругъ найдется другая, если она есть. Она есть!

— Эмма!

— Вотъ и уже не Рахиль. Ты сердись. Я права.

Она выпрямилась и глаза ея словно прыгнули огнемъ.

Она быстро обняла ее и привлечь къ себѣ.

Она затрепетала и спрятала лицо свое у него на плечѣ.

— Пойдемъ. Готовъ нашъ кофе и ляжемъ. Я усталъ.

Она поднялся съ дивана и, обнявъ ее, пошелъ изъ комнаты.

Весь этажъ занимала ея квартира. Справа—большая, пышная гостиная, за нею строгая, величавая столовая съ рѣзнымъ буфетомъ, похотливый на церковный органъ. За ней—буфетная, лодская и кухня. Слева—стеклянная галлерея, обращенная въ зимній садъ, маленькая дверь въ будуаръ и за нимъ спальная, ванная, гардеробная и тоже лодская.

Они шли черезъ зимній садъ мимо холодныхъ пальмъ и олеандровъ и она сказала:

— Я скоро выведу тебя въ свѣтъ и ты отгоришь приемы.

— Опять,—съ испугомъ сказала она,—опять это...

— Опять. Такъ надо. Ты помнишь нашъ союзъ?

Она вздрогнула и локорно отвѣтила:

— Все помню. И я Эмма?

— Евгения... Жюня, Джонни... Евгения Павловна Руге. Какъ зовутъ тебя слуги?

— Евгения Павловна.

— А Джинна?

— О!—Рахиль засмѣялась,—она зоветъ меня козой горлицей. Рахилью...

— Пусть же будетъ болтлива.

— О, она меня любитъ; тебѣ болшея. Она не знаетъ русскаго языка.

— Ты, которые будутъ бывать здѣсь, знаютъ всѣ языки. Приказки ей.

— Я ее буду прятать,—и Рахиль засмѣялась.

Они вошли въ будуаръ и она освѣтила его. И она загорѣлся весь, словно охваченный пожаромъ. Все красное. Красный бархатъ, низкая мягкая мебель, красные ковры, красныя пертьеры, красная матерія, покрывающая стѣны и потолокъ,—и въ красномъ отблескѣ блѣдно-матовое лицо Рахили съ черными глазами и черными волосами, блѣны, какъ кипень, обнаженные плечи и руки—казались еще выразительнѣе, еще прекраснѣе.

Лемэмъ вздрогнулъ и порывисто обнялъ Рахиль.

— Иди, ложись, милый,—сказала она.

Они вошли въ роскошную спальную, посреди которой стояла широкая, низкая кровать.

Лемэмъ опустился на диванъ.

Рахиль подкатила столъ, на которомъ стояли кофейный сервизъ, тонкія фроммы и высокая ошлетенная бутылка, подожгла спиртъ подъ кофейникомъ и села на колѣны Лемэму.

Она обняла его и они молчали. И было странно лицо Лемэма. Казалось, онъ снялъ маску и оставилъ ее винну, за затертой дверью. Глаза его свѣтились ласковой мечтательностью, губы складывались въ улыбку и на блѣдныхъ щекахъ разпорѣлся румянецъ.

— Ней и ляжемъ! Я выпью съ тобой одну фромму. Вотъ такъ. Поцѣлуй меня.

Она наклонилась къ нему, лицо и засмѣялась. Выпила лизеръ, отхлебнула кофе и заговорила:

— Вотъ если бы всегда мы такъ жили съ тобою. Если бы не было тайнъ, не было

бмановъ, если бы мы жили всегда на одномъ мѣстѣ и никогда бы не разлучались, не притворялись чужими...

— Оставь, Рахиль,—установились ее Лемэмъ,—будемъ любить другъ друга. Ты знаешь, я стремлюсь къ власти, къ богатству. Я хочу быть сильнымъ, какъ царь, и ты всегда будешь со мною. Помнишь,—и его полость дрогнула,—я поволаю тебя дѣлать мою долю и общалъ тебѣ и блескъ, и власть, и богатство. Мы на дорогѣ.

— Я не вижу ихъ. Ты мое богатство, моя жизнь и я каждый день боюсь потерять тебя и держусь. Я устану и откажусь, и разрушу все твои планы!

— Глушая,—милко усмѣхнулся Лемэмъ,—мы провордимъ издосемъ пѣсьюю часомъ и ты всегда ихъ отравляешь.

— Всегда, всегда!—она отодвинулась и глаза ея заискрились,—я для тебя потѣха. Когда надо, я сильное орудіе и, Богъ знаетъ, какія дѣла мы преслѣдуешь. Когда надо, я твоя любовница. И никогда, никогда не друга! товарищъ. Я ничего не знаю. Ничего. Даже кто ты, откуда. Старый Джовани сказалъ, что ты шарлатанъ.

Лемэмъ усмѣхнулся и залпомъ выпилъ фромму.

— Старый Джовани—оселъ. Кто я, откуда? Я самъ не знаю и зачѣмъ? Я поставлю въ миръ, чтобы совершить великое дѣло. Я проориваю будущее, я знаю прошедшее, я испѣляю, и...

— Врешь, врешь!—зловѣно выкрикнула Рахиль,—ты дурачинишь людей и выманиваешь у нихъ деньги. Ты заколдовалъ меня и увелъ изъ дома, и сдѣлалъ своей вѣщью, изрушшой. Ты облазиваешь дѣвушекъ и женщинъ. У тебя есть сила, но ты развратенъ. Старый Джовани говорилъ, что ты растратишь всю свою силу на похотливый лизанья и станешь слабъ и ничтоженъ.

— Я!—глаза Лемэма сверкнули,—старый Джовани—дуракъ! Я дѣлаюсь сильнѣе съ каждымъ днемъ, часомъ!

— Дуракъ, а его слушали, какъ святого. Дуракъ, а онъ однимъ словомъ изгонялъ бесовъ. Дуракъ, а ты его звалъ учителемъ. И онъ правъ. Да, онъ сказалъ правду. Ты—шарлатанъ. Ты—обманщикъ!

— Замолчи! Ты опять обезумѣла. Что съ тобою? Это твоя любовь?

— О, любовь!—Рахиль заломила руки, потомъ бросилась къ Лемэму, схватила за плечи и задохновенно телосомъ заговорила:—Зачѣмъ ты меня обманываешь? Зачѣмъ? Я ревновала тебя, но тогда ты сказалъ, что эти лингвини, барыни, Сутугина, все это—ничто, шуруны тебѣ—я задушила ревность. А теперь?.. Ты думаешь, я не знаю, что ты вызвалъ эту Нидю, эту фэофоривую лужку? Ее! Также какъ меня. Развѣ я не знаю, что ты только о ней и думаешь, что она взяла твое сердце? Скажи, неправда?

Лемэмъ рѣзко оттолкнулъ Рахиль и всталъ.

— Безумная! Ты всегда полна яду.

Она откинулась отъ толчка и вскочила на ноги, яростная, сканная пугалки, сверкая глазами.

— Теперь безумная! Толкнуть, ударить! Значить, правда? Глухой... я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я погублю себя, тебѣ, но и эту дѣвченку! Я не побоюсь шума. Я пойду къ нимъ, къ этимъ Верхонлавецкимъ. Ты удивленъ, что я знаю ихъ. Ты думаешь, отъ меня есть тайны.

Она остановилась передъ нею и разнородныя чувства боролись въ немъ. Лицо его окаменѣло, глаза смотрѣли пронзительно сурово. Вдругъ онъ протянулъ руку и властнымъ голосомъ сказалъ:

— Они!

— Я!—глаза Лемэма сверкнули,—старый Джовани—дуракъ! Я дѣлаюсь сильнѣе съ каждымъ днемъ, часомъ!

— Дуракъ, а его слушали, какъ святого. Дуракъ, а онъ однимъ словомъ изгонялъ бесовъ. Дуракъ, а ты его звалъ учителемъ. И онъ правъ. Да, онъ сказалъ правду. Ты—шарлатанъ. Ты—обманщикъ!

— Замолчи! Ты опять обезумѣла. Что съ тобою? Это твоя любовь?

— О, любовь!—Рахиль заломила руки, потомъ бросилась къ Лемэму, схватила за плечи и задохновенно телосомъ заговорила:—Зачѣмъ ты меня обманываешь? Зачѣмъ? Я ревновала тебя, но тогда ты сказалъ, что эти лингвини, барыни, Сутугина, все это—ничто, шуруны тебѣ—я задушила ревность. А теперь?.. Ты думаешь, я не знаю, что ты вызвалъ эту Нидю, эту фэофоривую лужку? Ее! Также какъ меня. Развѣ я не знаю, что ты только о ней и думаешь, что она взяла твое сердце? Скажи, неправда?

Лемэмъ рѣзко оттолкнулъ Рахиль и всталъ.

— Безумная! Ты всегда полна яду.

Она откинулась отъ толчка и вскочила на ноги, яростная, сканная пугалки, сверкая глазами.

— Теперь безумная! Толкнуть, ударить! Значить, правда? Глухой... я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я погублю себя, тебѣ, но и эту дѣвченку! Я не побоюсь шума. Я пойду къ нимъ, къ этимъ Верхонлавецкимъ. Ты удивленъ, что я знаю ихъ. Ты думаешь, отъ меня есть тайны.

Она остановилась передъ нею и разнородныя чувства боролись въ немъ. Лицо его окаменѣло, глаза смотрѣли пронзительно сурово. Вдругъ онъ протянулъ руку и властнымъ голосомъ сказалъ:

— Они!

— Я!—глаза Лемэма сверкнули,—старый Джовани—дуракъ! Я дѣлаюсь сильнѣе съ каждымъ днемъ, часомъ!

— Дуракъ, а его слушали, какъ святого. Дуракъ, а онъ однимъ словомъ изгонялъ бесовъ. Дуракъ, а ты его звалъ учителемъ. И онъ правъ. Да, онъ сказалъ правду. Ты—шарлатанъ. Ты—обманщикъ!

— Замолчи! Ты опять обезумѣла. Что съ тобою? Это твоя любовь?

— О, любовь!—Рахиль заломила руки, потомъ бросилась къ Лемэму, схватила за плечи и задохновенно телосомъ заговорила:—Зачѣмъ ты меня обманываешь? Зачѣмъ? Я ревновала тебя, но тогда ты сказалъ, что эти лингвини, барыни, Сутугина, все это—ничто, шуруны тебѣ—я задушила ревность. А теперь?.. Ты думаешь, я не знаю, что ты вызвалъ эту Нидю, эту фэофоривую лужку? Ее! Также какъ меня. Развѣ я не знаю, что ты только о ней и думаешь, что она взяла твое сердце? Скажи, неправда?

Лемэмъ рѣзко оттолкнулъ Рахиль и всталъ.

— Безумная! Ты всегда полна яду.

Она откинулась отъ толчка и вскочила на ноги, яростная, сканная пугалки, сверкая глазами.

— Теперь безумная! Толкнуть, ударить! Значить, правда? Глухой... я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я погублю себя, тебѣ, но и эту дѣвченку! Я не побоюсь шума. Я пойду къ нимъ, къ этимъ Верхонлавецкимъ. Ты удивленъ, что я знаю ихъ. Ты думаешь, отъ меня есть тайны.

Она остановилась передъ нею и разнородныя чувства боролись въ немъ. Лицо его окаменѣло, глаза смотрѣли пронзительно сурово. Вдругъ онъ протянулъ руку и властнымъ голосомъ сказалъ:

— Они!

Рахиль пошатнулась и закрыла глаза. Она успѣла ее подхватить и бережно положила на диванъ.

— Ты меня слышишь?—спросилъ онъ, наклонясь надъ нею.

— Да,—отвѣтила она тихо.

— Ты должна забыть Нидю, дѣвушку съ голубыми глазами, должна забыть Верхонлавецкихъ. Ты забыла ихъ. Они исчезли изъ твоей памяти. Ты меня любишь?

— Люблю.

— Ты не знаешь ревности?

— Нѣтъ.

— Ты моя раба?...

— Раба...

Она выпрямилась и провелъ рукой по влажному лбу. Потомъ раздѣлся и легъ въ постель.

— Ты проснешься, и словно ничего не было,—проговорилъ онъ, и черезъ мгновеніе громко и властно сказалъ:

— Проснись!

Рахиль вздохнула, раскрыла глаза и поднялась съ дивана. Лицо ея выразило сначала удивленіе, потомъ озорилось улыбкой.

— Ты уже легъ и не допилъ кофе. Я подамъ тебѣ.

— Нѣтъ. Иди!

— Милый мой, ты усталъ сегодня.

— Да. Иди скорѣе.

Она засмѣялась и сбросила капотъ. Лемэмъ протянулъ руку къ изголовью и загасилъ свѣтъ.

— Иди!

— Я здѣсь....

А. Заринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Комментарии

Коллективный оккультно-фантастический роман «Чертova дюжина», печатавшийся в 1918 г. на страницах газеты «Петроградский голос», обещал стать одним из самых ярких событий в истории русского романа-буримы — но в ход событий вмешалась большая история...

Культурная летопись красного Петрограда летних месяцев 1918 г. читается как мартиролог. Каждая неделя приносила известия о закрытии все новых газет и журналов: «Русская мысль», «Жизнь для всех», «Наш путь», «Дело народа», «Ежемесячный журнал», «Новая жизнь», «Новый сатирик», «Наш век» («Новая речь»)...

В начале августа вышел и последний номер газеты «Петроградский голос»; газета издавалась с 1864 г. под названием «Петербургский листок», с 1914 г. — как «Петроградский листок», а затем «Петроградский вестник».

С конца 1916 г. редактором газеты стал прозаик, фельетонист, пародист и литературный критик А. А. Измайлов (1873–1921). Под его руководством недавняя бульварная газета превратилась в «живой, интересный и опрятный по направлению литературный орган» (А. Кауфман); к сотрудничеству были привлечены известные писатели и «в 1918 году “Петроградский голос” оставался одной из немногих уцелевших газет, предоставлявшей свои страницы бедствующим литераторам»¹.

Видимо, именно у Измайлова зародилась мысль о «романе 13 авторов». О подготовительных этапах можно узнать из переписки Измайлова с Ф. К. Сологубом. Так, 20 апреля (3 мая) 1918 г. Измайлов пишет:

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» намерена приступить в очень непродолжительном времени к печатанию романа, коллективно написанного группой лучших современных писателей. Многие из них (как А. В. Амфитеатров, В. И. Немирович-Данченко) уже выразили согласие дать ряд глав, вступая последовательно в повествование предшественника.

Редакция имеет честь покорно просить Вас принять участие в этом деле. По изъявлению Вашего принципиального согласия, позвольте беспокоить вас просьбою приехать на предварительное (единственное) совещание с собратьями по работе.

Не откажите в любезности нам сообщить о вашем согласии. (Тел. 641-69 и 132-24).

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности,

Всегда Ваш

А. Измайлов².

¹ Кауфман А. Памяти Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 13; Александров А. «Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией...»: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 года // Наше наследие. 2016. № 116 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11606.php>); см. также Александров А. С. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

² Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: переписка с А.А.Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 180. Далее: Переписка.

Сологуб, скромничая, ответил 23 апреля: «Конечно, я согласен, и надеюсь, что вы истолковали мое молчание как знак согласия. Боюсь, что мое состязание с такими блестящими мастерами литературных импровизаций, как Амфитеатров и Немирович, будет неудачным, но попробую»³.

В номере 73 «Петроградского голоса» от 4 мая (21 апреля) Измайлов опубликовал свою заметку-анонс «Роман тринадцати!»⁴, приведенную нами в качестве предисловия, и объявление о скором начале публикации романа. Ориентиром, как можно судить по этой заметке, для Измайлова служил коллективный авантюрно-фантастический роман «Три буквы», печатавшийся на протяжении 1911 г. в «Синем журнале» — благо и сам он принимал в этом романе самое деятельное участие. Измайлов мечтал о «просто живом, интересном и литературном» произведении и твердо обещал читателям, что в «Романе тринадцати» они «несомненно» не найдут «Распутина, Сухомлинова, полковника Полковникова»⁵ и взятия Зимнего дворца», а также и прочей «набившей оскомины» политики.

В письме от 9 мая Сологуб был приглашен в редакцию «для обмена мнений по “Роману 13-ти” и сообщения Ваших личных по сему поводу соображений. Так как совещание в полном составе предполагается единственным, то редакция убедительно просит Вас не отказать в приезде»⁶. Затем Сологуб получил рукопись первых четырех глав, написанных Амфитеатровым — и вскоре Измайлов прислал маститому писателю отчаянное письмо:

Дорогой Федор Кузьмич,

Покорная просьба вернуть оригинал Амфитеатрова — необходимо его сдать в набор.

Очень обеспокоен и за Вашу часть. Необходимо с 1-го июня начинать!

Смилуйтесь, дорогой Федор Кузьмич!

Ваш искренно

А. Изм⁷.

Роман «Чертова дюжина» был благополучно начат в № 95 «Петроградского голоса» от 1 июня (19 мая). Вначале обещалось участие А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнедича, И. Н. Потапенко, Ф. К. Сологуба, А. Е. Зарина, В. Ф. Боцяновского, А. С. Грина, А. А. Измайлова и др. Однако уже в № 100 редакция без каких-либо объяснений сообщила, что Куприн «выбыл» из числа участников; через некоторое время в их списке появилось имя Е. А. Нагродской.

Произошла с романом и неприятность иного рода — после интригующего оккультного зачина Амфитеатрова и Сологуба поднаторевшие в расхожей журнальной беллетристике Немирович-Данченко, Гнедич и Потапенко круто развернули повествование в сторону злободневности, то есть как раз того, от чего совсем недавно отрекся Измайлов. На страницах «Чертовой дюжины» замелькали тени «старца» Распутина и прибли-

³ Переписка, с. 281.

⁴ Петроградский голос. 1918. 4 мая (21 апреля). С. 2.

⁵ Г. П. Полковников (1883-1918) — военный деятель, главнокомандующий Петроградским военным округом в сентябре-октябре 1917 года. В марте 1918 г. был арестован в Задонской степи и расстрелян по приговору революционного трибунала.

⁶ Переписка, с. 283.

⁷ Переписка, с. 283.

женных ко двору сановников и аристократов, зазвучали проникновенные речи князя-подвижника из мастерской Достоевского и «патриотические» стенания... Зловещий искунитель, загадочный и демонический Лемэм, предстал чуть ли не аллегорией большевиков. «Провозвестники новых вер, странники по неведомым мирам, но с берлинскою подорожною, — говорит о нем профессор Четвергов. — Они под шумок, весьма основательно творят здесь свое изменническое дело».

Не слишком спасла положение и наметившаяся оккультная дуэль между Лемэмом и слепым отставным полковником Шпро, наделенным «внутренним зрением духа» и способностью распознавать темные силы. Сологуб недаром недоумевал, попутно отмечая в письме к Измайлову несурязицы и противоречия текста:

Получил, наконец, номера «Петроградского голоса» с начала июня. Спасибо за посылку их. К сожалению, нашел в них два повода для огорчения. Первый, выход из числа <авторов> нашего романа А. И. Куприна. Да еще без объявления причин. Совершенно непонятное происшествие. Мне кажется, что А. И. Куприну следовало бы или не давать своего согласия, или же уже исполнить свое обещание. А то что же может подумать читатель? Куприну не понравилось, что пишет Сологуб? Или с кем-нибудь другим он не хочет быть вместе? Но надеюсь, что вы, как редактор, которому, стало быть, это наиболее огорчительно, примете это, как одну из тех неизбежных неприятностей, которые вы заранее предвидели. Вопрос: после моих глав роман слишком круто поворачивает в другую сторону. Даже не видно, сколько же дней прошло от рассказанных событий. Любопытство читателя хорошо помучить день, два, три, — а затем неудовлетворенное любопытство переходит в досаду и равнодушие. Кроме того, у внимательного читателя является вопрос: когда же все это было? Баронесса уехала за границу к родным (она — немка), затем и барон уезжает на Варшавский вокзал. Четвергов говорит, что война продолжается 30 месяцев, стало быть, его лекция происходит после 19 января 1917 года. Ряд недоумений: как же ехать за границу через Варшавский вокзал в 1917 году? Как же ни ползунком не отразилось в романе это тревожное время? Или, может быть, между первыми годами и появлением Четвергова прошло не меньше трех лет? Боюсь, что если в последующем будут такие же несогласованности, то роман покажется очень пестрым. Во всяком случае, его надо довести до конца. Если в течение работы у Вас будет предвидеться заминка, я всегда буду готов написать одну или несколько глав, стоит Вам только написать мне об этом заблаговременно⁸.

Беллетрист А. С. Лазарев-Грузинский в письме к Измайлову, тем временем, сетовал на недостаток занимательности:

Как плохо наши знаменитости пишут «Чертову дюжину»! Дарю Вам экспромт: «Чертова дюжина» / Пишется дюжинно...» Когда придет Ваш черед сечься (Вы не заметили, что каждый из авторов начинает так робко, как будто не вступает на путь великих замыслов и творчества, а именно идет ложиться под лозы?), опишите Распутина, спиритов, ту мохнатую животину, о которо<й> Вы рассказали <...> у Вас это выходило так интересно. Еще я очень люблю читать у Вас об антиквариатах и букинистах. Думаю, что и из этого можно к «Чертовой дюжине» припутать. Главный недостаток романа — отсутствие действия (все толкутся на одном месте) и «безынтересность». Хотя бы одна глава заинтересовала: — А что будет дальше? У Амфитеатрова это было»⁹.

⁸ Переписка, с. 285-286.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 174, л. 71 об. Цит. по: Переписка, с. 286-187.

Развязней всех поступил с романом плодовитый и полубульварный А. Е. Зарин, написавший 17 из 54 опубликованных глав. Под его пером «Чертова дюжина» выродилась в банальную уголовщину, роман пропах явственным антисемитским душком, а дьяволический Лемэм превратился в заурядного главаря шайки бандитов и шантажистов, разве что наделенного гипнотическими способностями.

Роман, таким образом, начал вырождаться задолго до финала. Пятьдесят четвертая глава в исполнении Зарина, напечатанная в № 147 «Петроградского голоса» от 3 августа 1918 г., стала последней. Последним был и номер газеты, постоянно подвергавшейся нападкам и оштрафованной властями. Как писал Измайлов В. В. Розанову,

Ваш фельетон пришел на другой день после закрытия буржуазной печати. Закрыты и мы после штрафа в 5 тысяч. Все это нам просто непосильно; мы изнурены пожаром, стихиями, общою бедностью, при которой газета — вредная роскошь. На издательстве огромные долги. Рабочие и сотрудники хотят ликвидировать предприятие и уже сделали к этому шаги. Я — безработный, как и все кругом¹⁰.

С. III.

¹⁰ Письмо от 11 августа 1918 г. См. Переписка В. В. Розанова и А. А. Измайлова (1918). Публ. и коммент. А. С. Александрова // Наше наследие. 2016. № 116.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.